

АЛЕКСАНДР
ПРОЗОРОВ

Фэнтези-коллекция

Ведун

СЛОВО ВОИНА

Слово воина
Паутина зла
Заклятие предков

Фэнтези-коллекция (АСТ)

Александр Проzorов

**Ведун. Слово воина: Слово воина.
Паутина зла. Заклятие предков**

«Издательство АСТ»

2004

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Прозоров А. Д.

Ведун. Слово воина: Слово воина. Паутина зла. Заклятие предков
/ А. Д. Прозоров — «Издательство АСТ», 2004 — (Фэнтези-
коллекция (АСТ))

ISBN 978-5-17-113717-5

Он пришел из нашего мира... Его называли... ВЕДУН! Он умел владеть магией и заговором, саблей и кистенем. Но никогда не думал, что от этого будет зависеть его жизнь и свобода. Всего лишь одно неверное заклинание неожиданно поставило его лицом к лицу с криксами и русалками, с варягами и хазарами. Честь русского воина, отвага и верный меч против черной магии, хитрости ложных друзей и тысяч врагов – что окажется сильнее на неведомых тропах Древней Руси?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-113717-5

© Прозоров А. Д., 2004
© Издательство АСТ, 2004

Содержание

Слово воина	6
Аз есмь	6
Заклятие мертвого змея	14
Купец	22
Новгород	53
Василиск	62
Слово воина	88
Покой путника	103
Семя дракона	111
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Александр Прозоров, Игорь Пронин
Ведун. Слово война: Слово война.
Паутина зла. Заклятие предков

© Александр Прозоров, 2019

© Игорь Пронин, наследники, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Слово воина

Аз есмь

В лицо неожиданно пахнуло болотной затхлостью и слабым грибным ароматом, который столь часто витает холодным дождливым летом в подтопленных березняках. И почти сразу руку обожгло раскалившимся крестом.

– Электрическая сила... – Олег ощутил, как по спине, между лопаток, пополз холодок. – Только этого мне и не хватало.

Он осторожно, одними глазами, покосился по сторонам и медленно потянул саблю из ножен. Пока ничего не происходило. В мертвенно-желтом свете луны мелко дрожали березовые листья, подмигивая серебристыми изнанками; радостно орали лягушки вдалеке; между бело-черными стволами неторопливо расплзался туман.

«Туман. Полнолуние. Болото, – мысленно отметил Олег. – Тройное ква в одном флаконе. При таком раскладе без неприятностей не обойтись».

Утешало только одно: в руках находился уже обнаженный, слегка изогнутый клинок прочной, хорошо отточенной и правильно закаленной сабли, выкованной из коренного листа волговской рессоры. Середин скосил глаза на поднятое к лицу оружие и не без удивления обнаружил на лезвии, возле самой рукояти, два перекрещивающихся слова, вытравленных на полированной стали: «Аз есмь».

В тот же миг слева мелькнула тень – Олег шарахнулся вправо, одновременно поворачиваясь, и увидел летящую прямо в лицо распахнутую змеиную пасть с длинными тонкими зубами, глазами-бусинками над ними и раскрытым капюшоном немного позади. От предчувствия близкой смерти екнуло сердце... И он проснулся.

Пару минут Олег Середин просто лежал, глядя в белый потолок и дожидаясь, пока успокоится бешено колотящееся в груди сердце, потом поднял голову и покосился на календарь. Нет, все правильно. Пятница. Именно ночь с четверга на пятницу наиболее благоприятна для заглядывания в будущее, именно в ночь на пятницу он всегда совершал наговор для вещей снов.

Однако тут всегда таилась коварная закавыка: вещие сны предсказывали не то, чего хочется, а просто какие-то моменты из будущего. Причем далеко не всегда удавалось понять – о чем именно идет речь? То голую девицу увидишь с собачьими клыками, то пьянку вместе с начальником ремзоны. А через пару лет выясняется, что у новой подружки сучий характер, а у мастера родится внук и пить со слесарями он станет на самом деле, без всяких переносных смыслов.

Тут Олег вспомнил еще про немаловажный момент сна, перекатился по тахте, опустил руку вниз и вытащил из-под прикроватного коврика свою саблю. Обнажил клинок.

Да, без сомнения, именно ее он и видел во сне. Тройной дол, начинающийся сантиметрах в пяти от рукояти. Эфес простой – чашка гарды, выкованная из старого медного подсвечника, тонкая защитная дужка, огибающая наборную рукоять из семи пластиковых дисков всех цветов радуги. Ребята из клуба обычно предпочитают делать рукояти из дерева – но тут Середин пошел на поводу у своего эстетического чувства. Тем более что пластик, равно как и дерево, на солнце особо не греется, в мороз ладонь не холодит. А что пот не впитывает – так Олег не кот, чтобы лапами потеть.

Разница была в одном: никаких букв на клинке не имелось.

– Не было печали...

Середин рывком вскочил, протрусил до ванной, забрался под душ. По голове, плечам, груди ударили прохладные струи, а в голове по-прежнему свербила все та же мысль: «„Аз есмь“ – к чему бы это?»

В принципе, формула сия в колдовстве известна и означает вызов потусторонних сил на магический поединок либо требование признать свое главенство. Но то – если заклиние произносит человек, маг. А вот что она может означать на клинке? Противопоставление оружия темным силам? Призыв на помощь местных высших сил? Благословение клинка христианским обрядом?

Вообще-то, похоже. Формула «Аз есмь» церковью признается, написание сделано в виде креста. Чем черт не шутит – а вдруг и вправду это заклинание усилит возможности закаленной стали энергетической подпиткой символа, намоленного за тысячелетия миллионами верующих?

Середин выключил душ, отерся полотенцем, потом достал крем для бритья, намазлся и начал старательно скоблиться перед зеркалом одноразовым станком. При виде влажных русых волос, приглаженных к затылку, светло-голубых глаз, чисто вымытого, розового, с едва заметной горбинкой носа, он в очередной раз задумался: а надо ли ему вообще умыться по утрам? Все одно к концу рабочего дня волосы приобретают однообразно серый цвет, брови и ресницы становятся черными, на носу обязательно появляются несколько мазков сажей, на зубах – черная каемка вдоль десны. И каждый день после смены приходится отмываться по полчаса, если не больше. А однажды, когда в парке не оказалось воды, в рейсовом автобусе его приняли за гомика: глаза выглядели щедро накрашенными и тщательно подведенными.

Тем не менее, Олег добрился до конца, почистил зубы, отдельно сполоснул слегка оттопыренные уши – сажа просто обожает налипать на ушные раковины – вернулся в комнату и снова поднес саблю к глазам.

Да, магическая формула христианства так и напрашивалась на свободное место возле эфеса.

Нет, разумеется, Олег не был последователем пророка Исы, как именуют его мусульмане. Больше того, официальная православная церковь называла подобных ему последователей древних языческих учений ведунками, некромантами, сектантами и регулярно проклинала. Но это никогда не мешало магам всех мастей пользоваться как исцеляющими возможностями различных христианских артефактов или молитвенных формул, так и самим проклятием.

Олег усмехнулся, взял с книжной полки освященный в Князь-Владимирском соборе серебряный крестик, приложил его к левой руке чуть выше запястья и аккуратно примотал эластичным бинтом. Кожа сразу ощутила слабое покалывание и теплоту: освященный символ веры противился близости с некрещеным язычником. Ничего, можно и потерпеть. Зато при сближении с другим магом или представителем потусторонних сил крест нагревается еще сильнее, предупреждая своего владельца о возможной опасности. Саблю Середин сунул в черный тубус, туда же закатил шипастый серебряный многогранник, похожий на развернутый во всех плоскостях кубик Рубика, кинул отработавший свое тросик от выключателя сцепления, сверху опустил приготовленные с вечера бутерброды с ветчиной. Потом быстро оделся: футболка, джинсы, «косуха» из толстой черной кожи. Перепоясался ремнем с поясной сумкой, в которой лежали документы и ключи от мотоцикла, прихватил с вешалки в коридоре шлем и быстро сбежал вниз.

Старенький «Иж-Планета» больше не вызывал восхищения у дворовых мальчишек, как в старые добрые времена, зато позволял Олегу быстро передвигаться по городу, легко обгоняя все машины, от «Запорожцев» до «Мерседесов», и не застревая в многочисленных «пробках». До Третьего автобусного парка он домчался всего минут за семь, оставив своего двухколесного «скакуна» под окнами кузни, еще пять минут потратил на переодевание и ровно в восемь тридцать вошел в мастерскую.

– Ну, наконец-то! – Тут же подбежал к нему взмыленный мужик с измазанным чем-то, черным лицом, однако в белой рубашке с галстуком, и протянул толстый железный прут. – Слушай, согни его здесь и здесь. А тут расплющи. Я потом дырку просверлю и зеркало повешу. Только побыстрее, у меня выезд через полчаса.

– Так сходил бы к сварщикам, – пожал плечами Олег, берясь за лопату. – Они круглые сутки работают.

– Ага, – кивнул мужик. – А потом шов от тряски лопнет и моя полусфера на асфальт грохнется. Лучше целиковый сделать.

Середин вздохнул, подкинул пару лопат угля в еле тлеющий горн, зарыл прут поглубже, включил поддув.

– Подожди несколько минут, сейчас согреется. И последи, чтобы вентилятор не выключился, а то пакетник иногда «вылетает».

Водитель кивнул, и Олег, пользуясь возможностью, сбегал к аккумуляторщикам, взял у них в пузырек немного серной кислоты и пару старых пластин. Когда он вернулся, прут уже покраснел – Середин вытянул его клещами, кинул на наковальню, быстро согнул, один из концов расплющил несколькими ударами молота, а заодно пробил чеканом отверстие под крепеж, чтобы человек со сверлами не мучился. Кинул готовый кронштейн в ванночку с водой. Тут как раз подошел другой водитель, которому требовалась монтажка размером с хороший лом для икарусных колес, потом слесари приволокли рессорные листы для проковки, следом явился завхоз с просьбой выковать решетку для газона, да с хорошими остриями, чтобы перелезать боялись. Проклепка крышек КПП, срубание точно таких же клепок со старых коробок, ремонт колесных «корон»... Рабочий день разгорался час за часом, и только когда будильник прозвенел двенадцать, Середин решительно закрыл дверь на задвижку.

Сполоснув руки под краном, Олег открыл свой тубус, достал бутерброды, надкусил один, взял с верстака тигель, набил его переломанными пластинами от аккумулятора, поставил в горн, после чего достал из ящика зеленую свечу, самолично отлитую им из трех церковных, гусиный жир и колер для побелки, смешанный с рысьей шерстью. Обнажил саблю, положил ее на верстак и полуприкрыл глаза, сосредоточиваясь на свече. Сделав пару глубоких вдохов, он мысленно стянул, словно старый плащ, самый верхний энергетический слой своей оболочки, обычно именуемой аурой, сфокусировал его в одной точке возле фитиля, одновременно бормоча заклиние:

– Стану не помолясь, выйду не благословясь, из избы не дверьми, из двора не воротами – мышьей норой, собачьей тропой, окладным бревном; выйду на широкую улицу, спущусь под крутую гору, возьму от двух гор камней, растоплю своим словом. Стань камень водой, стань вода камнем. Стань глина плотью, стань плоть глиной. Не бойся ни огня, ни яда, ни злого слова...

Он больше почувствовал, нежели увидел, как воск потек и тяжело капнул на сталь у эфеса, мгновенно застыв тонкой пленкой. Облегченно вздохнув, Олег кинул свечу обратно в ящик, затем выбрал из инструмента тонкое шило и осторожно выцарапал на образовавшейся пленке два слова. Вертикально – «есмь», оставив небольшой промежуток между «е» и «с», горизонтально – «аз», по обе стороны от промежутка. Убедившись, что воск снят до металла, капнул сверху маслянистой серной кислоты, выждал несколько минут, потом сунул саблю под кран: заклиние заклятием, но воск от кислоты может и расплавиться. Дав воде хорошенько смыть опасную жидкость, он стер пальцем воск, поднес клинок к глазам. Все точно: именно такую надпись, словно прогрызенную жучком, он и видел на своем оружии во сне. Вот только стало оно от этого дополнения сильнее? Может, наоборот – перестанет подчиняться хозяину-язычнику?

Середин вздохнул, вогнал клинок в ножны, достал из тубуса тросик и серебряный многогранник. Тут все было просто и понятно: сложив тонкий стальной трос вдвое, Олег просунул

его в отверстие, сделанное в середине многогранника, вытянул с другой стороны, опустив в выемку на наковальне. Прихватил клещами тигель, перелил в выемку расплавленный свинец. Отошел, доел бутерброд, взял молот, пару раз хорошенько саданул им возле выемки и потянул трос. Свинцовая чушка, плотно вцепившаяся в размочаленные концы тросика, выскочила наружу. Кузнец стряхнул серебряный грузик на нее, а затем с силой ударил сверху молотом. Свинец мгновенно заполнил отверстие, намертво его заклепав.

Олег опустил молот, просунул руку в петлю получившегося кистеня, огляделся, а потом с размаху вдарил им по дюймовой доске, огораживающей ванночку. Доска хрустнула, переламываясь пополам, а когда грузик отскочил – в дереве остались две глубокие выемки.

«Ква, – удовлетворенно кивнул Олег. – Против танка не потянет, но бронежилет расплющит до позвоночника. По улице лучше не носить. Четыре года как с куста, никакой адвокат не поможет».

В дверь постучали. Середин аккуратно сложил вооружение в тубус, заткнул его и потянул задвижку на двери.

– Привет пиратам! – вломились в кузню двое слесарей из колесного цеха. – Тебе мечи больше не нужны? А то Стас с директорской «Волги» опять рессору сломал.

– Да хватит с меня и одного, – пожал плечами кузнец. – Вот когда рычаг ломает, тогда зовите. Я из него хороший стилет забацаю.

– Ну, раз так – тогда согни ее нам под прямым углом, резину с дисков срывать.

– Я жрать хочу, ребята, – помотал головой Середин. – Еще только полпервого.

– Два пива. Одно с нас, одно со Стаса. Он новую рессору на колесный цех за это выпишет.

– Так бы сразу и сказали. – Олег затолкал в рот оставшийся бутерброд, напялил рукавицы и кивком указал на горн: – Кладите!

* * *

Первомайская улица, почему-то до сих пор не переименованная, упиралась в заброшенный стадион мясокомбината. Точнее, заброшенный мясокомбинатом, поскольку спорткомплекс не умер, а продолжал более или менее успешно существовать, сохраняя в себе конюшню на двадцать голов, два крытых поля, комплекс тренажерных залов и футбольную площадку с недавно отремонтированными трибунами. Клуб «Остров Буян», зарегистрированный как спортивно-реконструкторский, и располагался в упомянутом комплексе, из которого неведомым образом испарились все тренажеры, но зато сохранились пять прекрасных залов для занятий и несколько административных помещений со старыми письменными столами и даже одним холодильником.

Именно в кабинете с холодильником сидел Ливон Ратмирович, по прозвищу Ворон, – улыбчивый круглолицый старик с длинными, черными как смоль волосами. Имея рост чуть выше полутора метров, объемистый животик и странную привычку сидеть на корточках, наблюдая за тренировками, он порою и вправду напоминал большую птицу – особенно, когда склонял набок голову и удивленно вытягивал бесцветные губы. Даже шаровары и свободные рукава рубашки не могли скрыть, насколько ссохлись за годы конечности старика, но он был отнюдь не так слаб, как казалось на первый взгляд. Ворон умел стремительно двигаться, наносить точные, неожиданные удары, а ножом, мечом и топором владел просто виртуозно. Однажды, изрядно перепив – что со стариком иногда случалось, – он смея ради подбил своих учеников на поединок и больше получаса успешно отмахивался полупудовым мечом один против трех. Широкий клинок на протяжении большей части схватки лежал у Ливона Ратмировича то на плече, то на боку, то на колене. Старик не держал меч руками – отбиваясь, он подбрасывал его ногой, толкал всем телом, позволял падать в нужном направлении... В итоге молодые здоровые парни выдохлись первыми и предпочли отступить, растирая уставшие мышцы.

Ворон учил своих последователей не только древнему искусству русского ратного боя, далеко не только... Но лишь тех, кого любил и кого выбирал сам.

– Здравствуй, Ратмирович. – Своего имени учитель почему-то не любил, а потому знающие люди звали его только по отчеству. – Сегодня я пораньше. У нас по пятницам сокращенный рабочий день.

Олег потер левую руку – при появлении Ворона его крест раскалялся, словно графа Дракулу чуял, – потом открыл свой тубус и вытряхнул на стол полученное от кузовщиков пиво.

– О, бродяга, – обрадовался учитель, – знаешь, чем порадовать старика!

Он поставил бутылки, потом подобрал выкатившийся следом кистень.

– Серебро? Богато живешь! Откуда?

– Заговор на удачу и тридцать лотерейных билетов, – пожал плечами Олег.

– Ох, бродяга, – укоризненно покачал головой Ворон. – Гляди, станешь искать золото, найдешь и мытаря.

– Я не жадный, Ратмирович, – рассмеялся Середин, протянув руку к пиву. – Я токмо себе на кистень да тебе на...

– А вот это тебе не надобно, – ловко выхватил Ворон бутылку у него из-под руки и поставил в холодильник. Потом открыл другую, сделал большой глоток и сообщил: – Иди в третий зал, там группа второго курса. У них сегодня по теме сеча дружиной. От и объясни отрокам что к чему.

– Яволь, Ратмирович, – с сожалением проводил взглядом пиво Олег. Ничего не поделаешь. Платы за обучение Ворон с любимых учеников не брал, но в их обязанности входило заменять учителя на занятиях, буде такая необходимость возникнет. Раз Ворон сказал – значит, надо заменить. – Щит свой доставать, али клуб обеспечит?

* * *

Когда-то очень давно третий зал считался малым баскетбольным залом, о чем свидетельствовала сохранившаяся на досках разметка и кольцо на стене. Но сейчас здесь толпилось полтора десятка человек в тренировочных костюмах, с деревянными мечами и круглыми фанерными щитами. Середин мысленно отметил, что на девять женщин имеется всего шестеро парней, и покачал головой: куда катится мир? Бабы изучают рукопашный бой, а мужики просятся за компьютерами и телевизорами. Этак лет через сто женщины начнут выращивать безмозглых самцов на сельских фермах и продавать в магазинах. А патриархат станут изучать в школах по теме «Сказания древности».

– Ну, ратники-молодцы, – вслух скомандовал он, – в одну шеренгу стано-овись!

– Прямо как в армии, – осклабил высокий, коротко стриженный парень в красно-синем костюме из мягкого шелка.

– А то, – ничуть не обиделся Олег. – Как еще можно изучать ратное дело, если не используя военный опыт? Давайте, построились. Значит, для начала теоретическая часть. В стычке с врагом главная задача каждого пехотинца – это удержать щит. За щитом вы как за каменной стеной, без щита вы стопроцентный труп. Как говаривали древние греки, «со щитом или на щите». Щит – это самое главное ваше достояние. Щит врага – первейшая цель в схватке.

– А как же меч? – Парень явно стремился перед кем-то похвастаться, задирая незнакомого инструктора.

– Меч нужен только для того, чтобы удерживать щит в правильном положении, – хладнокровно ответил Олег, вызвав тихие смешки в рядах учеников. – Показываю. Берете круглый щит за приколоченную в центре рукоять. Встаете левым боком вперед. Соответственно, один край щита вы подпираете плечом, а другой удерживаете гардой меча. Слегка пригибаетесь. Все. Из-за щита выглядывает только ваша ступня, до которой не достать, потому что нужно

нагибаться, и глаза под толстым крепким шлемом. Можно сказать, вы в крепости. Давай, ратник, – кивнул он парню в шелковом костюме. – Попробуй напасть.

– Ага. – Тот явно обрадовался, выступил вперед, покачался из стороны в сторону, словно боксер на ринге, и, взмахнув мечом, ринулся вперед...

– Стоп, – распрямился Середин. – Все, ты труп.

– Почему? – изумился парень.

– Тебя зарезали свои. Ударили в спину. Ну-ка, повтори свою атаку.

Парень двинулся в атаку снова, взмахнул клинком...

– Замри! – приказал Олег. – Теперь оглянись. Ты видишь, где находится кончик твоего меча? Там же головы твоих товарищей, которые стоят во втором ряду! Противника ты, может, и не достанешь, но кого-то из своих с такими повадками заколешь точно. А они вряд ли станут дожидаться смерти. Зарежут первыми. Так что возвращайся в строй, а вы все запомните: рубка на мечах – это бредовая фантазия плохо образованных художников и тупоголовых профессоров. На самом деле меч представляет собой нечто среднее между копьём и ножом. Им можно колоть на меньшем расстоянии, чем копьём, и резать на большей дистанции, чем финкой. И все. А теперь: основы боя в общем строю.

Середин прошелся по залу, оглядывая неровную шеренгу учеников.

– Да, пожалуй, только сегодня вы узнаете, зачем в армии учат равнять строй и ходить в ногу. Давайте вспомним забытые команды. Равняйся... Смирно. Теперь все выставили левую ногу вперед, повернулись полубоком. Подняли щиты. Левый край щита опирается на свое плечо, правый – на левый край щита товарища. Получается двойное ква: прочная несокрушимая стена, за которой каждому гарантирована полная безопасность при условии синхронности движений. Хорошо, что наша милиция пока не додумалась поинтересоваться тактикой римских легионов: любую демонстрацию выносили бы, как трактором. Теперь о мечах. Иногда так случается, что кто-то на пути оказывается слишком умным, давит чуть сильнее, и ваш товарищ справа получается сдвинутым назад. Запомните: вы единое целое, и это не его беда. Это ваша беда. У правого края щита образуется щель. Ваш меч тут же скользит по щиту...

Олег продемонстрировал, как его деревянный клинок чиркнул по краю окантовки, упал вперед и тут же вернулся:

– Вы режете противника через получившуюся щель снизу вверх, куда попадете. Запомните раз и навсегда: меч – это не рубящее оружие. Это колюще-режущий инструмент. Увидели, как враг опустил щит – тут же наносите укол. Щит задран слишком высоко – режете его снизу...

– Запомните, запомните... – опять выступил все тот же неугомонный парень. – Я не понимаю, на хрена нам все это нужно, когда все вокруг стреляют из автоматов и летают на сверхзвуковых истребителях?

– Зачем это нужно? – улыбнулся в ответ Олег. – Я был бы в затруднении, задай этот вопрос какой-нибудь солдат-срочник или присланный по разнарядке танкист. Но вот тебе, ратник, я могу это объяснить совершенно ясно и понятно.

– Ну и зачем? – выпятил грудь и вскинул подбородок парень.

– А затем, – развел руками Середин, – что ты сам пришел к нам в клуб и заплатил три сотни рублей, чтобы тебя научили драться на мечах. Еще вопросы есть?

Парень что-то смущенно промывчал и отчаянно зачесал в затылке.

– А раз так, – повысил голос Олег, – то подравняли свои ряды, ратники! Мы начинаем атаку строем.

* * *

В кабинет Ворона он вернулся только через два часа, уселся в кресло и сразу выложил главный вывод, вынесенный из занятия:

– А все-таки, Ратмирович, меч по сравнению с саблей – полная дрянь.
– Хочешь попробовать? – вытянул губы в трубочку старик, склонив голову набок.
– Против тебя? – Середин покачал головой. – Не, Ратмирович. Ты и со шваброй против танка запросто драться можешь. Это не показатель.

– Ладно. – Старик открыл холодильник и достал пиво. – На, охладись. Заслужил.
– Хорошо... – обрадовался Олег, скovyрнул крышку ключом от квартиры и тут же сделал несколько глубоких глотков. – Знаешь, Ратмирович, я иногда начинаю думать: а все наше колдовство – это действительно реальность, или мы это для себя просто навоображали? Вот смотри: я выиграл в лотерею немного денег. С одной стороны, был заговор на удачу, с другой: я ведь тридцать билетов купил! У меня и так неплохая вероятность имелаcь. Или, допустим, пришла ко мне ночью соседка переспать. Опять же, случилось это после приворота на ветер. Но ведь до этого мы с ней недели две сальными взглядами обменивались! Может, сама и пришла, как только муж в ночную смену отправился?

– Дык, – пожал плечами Ворон, – бросить-то никогда не поздно. Сходи в церковь, покаясь, исповедуйся, окрестись, причастись – да и живи как все.

– Как все? – поморщился Олег и прихлебнул пива. – Как все не хочу.

– А почему? – заинтересовался учитель. – Коли пользы-то никакой? Хлопоты одни, расходы. Серебра на кистень полфунта, поди, спалил.

– А вот нравится! – упрямо мотнул головой Середин. – Есть люди, которые марки собирают. Ничемные такие клочки бумажек, причем порченные, которые и на конверт наклеить нельзя. Большие деньги за мусор платят. А есть другие. Альпинистами называются. Эти лазят по никому не нужным скалам без всякого смысла и цели. Гробятся, убиваются – а все равно лазят. Так почему я не могу потратить свободное время и личные деньги на изучение колдовских навыков своих предков и их искусство ратного боя?..

– Хорошо получается? – с плохо скрываемым ехидством перебил Ворон.

– А то! – не стал зря стесняться Олег. – Есть польза, нет – это вопрос другой. От гольфа тоже никакой пользы, а тысячи людей занимаются.

– Лепо, – кивнул старик. – Тогда поиграем. Сюда сейчас Стас и Костя подойдут, они молодые группы ведут сегодня. Вот вы вдвоем и поохотитесь на василиска. Я пошел, минуты три у меня еще есть.

Ворон обогнул стол, заговорщицки ткнул Середина кулаком в грудь и бесшумно выскользнул за дверь.

Вот это развлечение обещало стать интересным... Олег взялся за тубус: перекинул перевязь с саблей через плечо, сунул кистень за ремень. С Вороном в силах и средствах можно не стесняться, его все равно поранить невозможно.

Открылась дверь, появились ребята, с которыми он семь лет назад начал ходить в первую группу «варягов». Правда, в отличие от Середина, попавшего к старику в шестнадцать, и Стасик, и Константин к тому времени уже успели отслужить срочную, а потому сейчас выглядели вполне солидными мужчинами среднего возраста... И тем забавнее смотрелись они с бердышами и мечами в руках. Точнее, бердыш дополнял костюм-тройку худощавого черноволосого Кости, а щит и меч пребывали в руках низенького лысого Стаса, одетого в джинсы и свитер.

– Хлопцы, Ворон охоту на василиска объявил, – шепотом сообщил Олег. – Ква.

– Поехали, – с готовностью перекинул бердыш из руки в руку Костя.

Видели бы сейчас своего главбуха тетки из его отдела!

Охота против старика имела особую пикантность тем, что мало отличалась от настоящей схватки с нечистой. На Ворона точно так же реагировал крест на руке, его точно так же можно было рубить без оглядки на условности – все одно выкрутится.

Они вдвоем двигались по коридору, держа наготове обнаженное оружие, и уже через несколько шагов Середин почувствовал жжение у запястья. Он остановился, отвел левую руку

в сторону, потом в другую. Приложил палец к губам, кивнул на первый зал, потом рывком распахнул дверь, ворвался внутрь, держа саблю перед собой. Ворон ждал у стены, спокойно сложив руки на груди. На секунду Олег запнулся, чуя в его поведении какой-то подвох, потом шагнул вперед, занося клинок для удара.

– Пум-пум, – постучал ему по плечу Костя. – Убит два раза. Эх, ты, а мы собирались бучу по полной программе устроить.

– Почему? – удивился Олег, точно так же как давеча удивлялся парень на его тренировке.

– Сколько раз тебе говорить, дурья башка, – Ворон приподнялся на цыпочки и постучал ему кулачком по лбу. – Василиск – это не плоть. Это дух. Он взглядом не только убивать, но и подчинять способен. Ты почто спину свою прикрывать поленился? Вот дружки, что слабее по духу и опыту, тебя сзади и зарезали. Что-то совсем ты сегодня плох, бродяга. Не узнаю. Не иначе, порча на тебе. Сглаз пропустил.

– На фига все это действительно надо? – раздраженно кинул саблю в ножны Олег. – Дурью маемся. Двадцать первый век на дворе. А мы все мечами машем да заговоры нашептываем. Бред. Один хороший автоматчик – и все наши тренировки псу под хвост, вместе с оберегами и талисманами.

– Э-э, бродяга, да ты совсем плох. – Ворон взял ученика жилистыми пальцами за подбородок, повернул к себе лицом, пристально вглядываясь в глаза. – Яду тебе сегодня в сердце капнули. Без злобы, без жестокости. Но попали на старые раны. Не веришь ты в себя, бродяга. Потому и не держишься. – Старик отпихнул его от себя, недовольно фыркнул: – Шесть лет тебя знахарству да ведовству учу, а тебе все няньки нужны. А ну, отвечай: кто знания хранит?

– Гад ползучий, – буркнул Олег.

– Кто знания стережет?

– Филин лесной.

– Так почто спроситься не можешь? Вот тебе мой сказ, бродяга. Ты знать хочешь, зачем знания и мастерство наши нужны? Так найди этот ответ! И без него ко мне не возвращайся!

Ворон передернул плечами и неожиданно стремительно исчез, как это умел делать только он.

– Ум на халяву, – шепнул ему на ухо Стас и бодренько зашагал к выходу.

Костя же просто бросил сочувствующий взгляд, а потом торопливо отвернулся.

Заклятие мертвого змея

«На халяву» – такое прозвище носил среди учеников Ворона заговор, который позволял получить знание в готовом виде, не зубря какую-то науку, а просто вытребовав ее у хранителей. Или, как принято говорить в последнее время, – «получить напрямую из энергоинформационного поля Земли».

Правда, пользоваться заклинанием Олег не собирался. Во всяком случае, в первый после размолвки с Вороном день. Поначалу он твердо решил раз и навсегда «завязать» со всякого рода черной магией, ритуалами, схватками на мечах и прочей неуместной в современном мире белибердой. Вот только... Трудно стать нормальным человеком, пить водку, таращиться в телевизор и бесцельно носиться по городу на мотоцикле, когда привык каждый вечер на протяжении пяти лет укладывать на ночь рядом с постелью наговоренную саблю, по утрам приматывать к запястью освященный крест и по крайней мере два часа в день проводить в схватках – пусть и учебных – с такими же азартными ребятами, как и сам. Тоскливо и пусто на душе стало уже на вторые сутки. К тому же... Он изучал магию Ворона почти шесть лет. И вполне естественное любопытство с первой минуты начало грызть душу с другой стороны: получится или нет? Можно ли добыть через заговор вполне осязаемое знание, которое отсутствовало в мозгах раньше?

– Это не для старика, – сказал себе Середин утром в воскресенье. – Просто я хочу знать...

От принятого решения сразу стало легко и спокойно – он спустился к мотоциклу и рванул в зоопарк.

Таня Зорина была первым объектом его приворотных заговоров и присушек. Правда, ни одно из средств не подействовало – по неопытности Олег наделал слишком много ошибок. Но со старшей сестрой своего одноклассника Середин все-таки познакомился. Пусть и не так близко, как хотелось.

Всегда строго одетая, с безупречным каре каштановых волос, женщина работала в зоопарке ветеринаром, что давало ученику старого ведуна уникальную возможность в добывании шерсти волка, когтей орла, помета летучих мышей и прочих ингредиентов, зачастую совершенно неожиданных. Татьяна относилась к магическим опытам знакомого с детства паренька со снисходительностью образованной леди к ужимкам дикаря, что Олега ничуть не обижало: пусть хоть психом считает, лишь бы помогала.

В магазине напротив зоосада Середин купил большую коробку конфет, сходил к метро за букетом роз, после чего отправился к служебному входу. Внутри его пропустили беспрепятственно: не первый раз появлялся, охрана в лицо знала. Олег поднялся на второй этаж, прошел по пахнущему формалином коридору и постучался в стеклянную дверь.

– Да-да, войдите... – Одетая в белый халат женщина подняла глаза на посетителя, посмотрела на выражение его лица, на зажатое в руках подношение, сделала правильные выводы и снова уткнулась в журнал, в который заносила какие-то записи. – Ну, и что нужно нашему чародею на этот раз?

– Танечка, если тебе будет нужно кого-нибудь приворожить или сглазить, – начал Середин, – то я по первому твоему слову и со стопроцентной гарантией...

– Надо, – немедленно согласилась Зорина. – Льва Федьку приворожить нужно. Он мне вчера чуть руку не оттяпал, когда укол делала.

– Ква... – растерянно дернул себя за ухо Олег. – Нет, приворожить я, конечно, могу... Э-э-э... Но только тогда при виде тебя он... Э-э-э... Станет вести себя... Э-э-э... Еще более буйно.

– Вот так всегда, – продолжая писать, кивнула Татьяна. – Все вы, мужики, одинаковы. Сперва наобещаете с три короба, а потом в кусты. – Она поставила точку, отложила ручку в сторону и откинулась на спинку стула. – Ну, ладно. Давай, канючь.

– Тань, мне бы перо филина и какую-нибудь змею, дохлую.

– Нет, Олежка, тут тебе не повезло. Перьев, конечно, можно наместить хоть целый мешок, но вот из змей зоопарк изготавливает чучела, так что полоза отдать не могу.

– Какого полоза? – встрепнулся Середин.

– Сдох в пятницу... Я думала, ты как раз его хочешь выпросить.

– А мне шкура не нужна, – торопливо сообщил молодой ведун. – Только тушка. Можно даже не целиком.

– Надеюсь, ты его есть не собираешься? – с подозрением уточнила ветеринар.

– Да перестань, – даже обиделся Олег. – Я тебе, что, бомж бездомный? Просто очень, очень нужно... Ну, это в целях повышения общечеловеческого уровня знаний.

– Ладно, – рассмеялась Зорина. – Коли ради «общечеловеческого уровня знаний», тогда попробую. Убери конфеты в шкаф, цветы поставь в воду. Я в лабораторию схожу. Они образцы тканей брали. Если остальное не выбросили, то принесу.

Женщина поднялась, прошла к выходу, и Середин, проводив взглядом стройную фигурку в коротком накрахмаленном халатике, подумал о том, что не мешало бы сделать приворот на Танечку еще раз. Только теперь без ошибок. И лучше – через еду, так надежнее. Пригласить в кафе, взять пирожное, нашептать его, пока несешь к столику, она съест...

– Ты куда смотришь? – остановилась в дверях ветеринар. – Шкаф находится с левой стороны. У меня в ногах его нет.

Вернулась она спустя минут десять, молча подала плотный белый полиэтиленовый пакет:

– Тебе повезло. В выходные мусор выкидывать некому.

– А перо?

– Ах, да. Ну, пойдем. – Зорина выпустила его из кабинета, закрыла дверь на ключ, провела до птичьих вольеров. – Ну, какой тебе нужен?

– Вот этого, – указал Середин на замершего на макушке высокой раздвоенной палки американского виргинского филина, коричневого, с белой грудкой и высокими «ушами» из черных перьев.

Женщина открыла клетку, подобрала с пола несколько валявшихся там перьев, подняла перед собой и дунула в сторону гостя.

– Ать... – Олег поймал в воздухе пару штук и торопливо сунул в нагрудный карман. – Слушай, Тань, а как ты смотришь, если я приглашу тебя на чашечку кофе?

– Боже упаси! – закрыла клетку Зорина. – Я все время буду думать, не змеиным ли мясом ты меня угощаешь.

– Да просто в кафе посидим!

– Иди-иди! Еще подсыплешь мне порошок из крокодилийх когтей. Зачем они тебе могли понадобиться?

– Все равно не поверишь... Коготь крокодила, как известно, необходим для наговора нового замка против взлома.

– Вот потому и иди, – кивнула Таня. Но когда Середин, кивнув на прощание, отошел на несколько шагов, неожиданно окликнула: – Олежка! А за розы спасибо. Кроме тебя, подлизы, никто ведь и не догадается подарить...

* * *

При наличии необходимых ингредиентов выполнение любого обряда – занятие элементарное, как кованный гвоздь. Тушку полоза, похожую на длинную палку ветчинной колбасы,

Середин порубил на куски, завернул в фольгу и сунул в духовку. Потом взял пчелиный воск, купленный на рынке, десяток красных декоративных свечей из хозмага, все вместе кинул в металлическую миску и поставил на малый огонь. Пока составляющие растапливались, в несколько раз обернул фольгу вокруг ручки от швабры, пропустил через полученную трубку обычную суровую нить, смял фольгу с одной стороны, зажав нитку в ней.

По квартире пополз соблазнительный запах жаркого. Олег достал мясо, сделал в свертке небольшое отверстие и аккуратно слил в миску вытопившийся жир. Тщательно перемешал получившуюся розовую вязкую жидкость, поймал хвостик нити одной рукой, а другой – через тряпку, естественно, – взял миску и вылил состав в алюминиевый цилиндр. Подождал несколько минут, пока смесь начала загустевать, отпустил нитку. Все, свеча со змеиным жиром была готова.

Знали бы люди, как просто изготавливаются атрибуты для самых сложных заклятий черной магии! На три свечи ушло всего полчаса, после чего Олег отнес запеченное мясо вниз и выложил горкой у подвального окна, представляя, какое пиршество начнется сегодня вечером у местных представителей кошачьих.

Теперь оставалось самое трудное – ждать. Ждать полуночи. И маяться от мысли: получится, не получится? Середин уже забыл, что в обиде на старика, и представлял, как изумятся Ворон и ребята, когда он явится в клуб с готовыми ответами на все вопросы и неведомыми доселе знаниями.

Едва часы показали одиннадцать, Олег начал одеваться. Форменные милицейские ботинки, теплые шерстяные штаны, поверх них – плотные джинсы. Чистая футболка под шерстяным свитером, а сверху – верная «косуха», закрывающая грудь двойным слоем толстой кожи. Кистень Середин засунул в карман куртки, на ремень повесил саблю, в поясную сумку положил пакет с молотым перцем, перемешанным с табаком из дешевых сигарет, два мелка – обычный и «черный», пропитанный крысиной желчью.

Со стороны могло показаться, что он собирается к битве, а не к обычному заговору, но молодой ведун знал: во время обряда может случиться все что угодно. Ворон говаривал, что иногда вместо вызываемых духов появляются шайтаны, с которыми приходится рубиться насмерть, что мертвецы зачастую отвечают на вопросы могильным холодом, покрывающим инеем кожу и вымораживающим целые дома. И что рассчитывать нужно на лучшее, но готовиться ко всему.

За десять минут до полуночи Середин вышел на лестничную площадку. Ночные заговоры всегда следует исполнять в местах, куда падает свет луны, – а из его комнаты, выходящей окнами на соседнюю девятиэтажку, даже неба не разглядеть. Опустившись на корточки на площадке между этажами, «черным» мелом Олег нарисовал колдовской треугольник, по углам которого установил свечи. Поверх, уже обычным мелком, нарисовал треугольник «чистый», перевернутый одним из углов к себе. Получилась так называемая «звезда Давида», в которой на самом деле представлял ценность только внутренний шестиугольник – место скрещения миров обычного и магического.

Завершив приготовления, Олег закрыл глаза, сосредоточился. Он сделал несколько глубоких вдохов и полных выдохов, представляя себе, как внешний мир проникает в его тело, заполняя все до кончиков пальцев, волос, ногтей, до последней жилочки и клеточки. Выдохнул «мир», вдохнул, снова выдохнул. Голова слегка закружилась: мировосприятие расширилось за пределы видимых пространств.

Стараясь поддерживать в себе это ощущение, Середин достал из кармана зажигалку, щелкнул ею, зажег свечи, затем опустил ладонь в центр звезды, сделал мысленный «выдох» через руку, заливая внутреннее пространство магической фигуры пропущенной через себя «чистой» составляющей, и начал четко и отдельно произносить обычную формулу:

– Стану не помолясь, выйду не благословясь, из избы не дверьми, из двора не воротами – мышьей норой, собачьей тропой, окладным бревном; выйду во чисто поле, поймаю птицу черную, птицу белую, птицу алую... – Одной рукой он достал перо филина, положил его в центр фигуры, между большим и указательным пальцем, щелкнул зажигалкой, превращая перо в трескучий огонь: – Летите птицы за земли южные, земли восточные и западные, за реки быстрые, моря глубокие, волны высокие, за море-окиян, на остров Буян. На острове том лежит бел-горюч Алатырь-камень, на камне изба, в избе сундук, на сундуке старик. Птица черная, закрой старику очи, уложи его во крепок сон на сорок дней и сорок ночей. Ты, птица белая, открой сундук,пусти в него свет ясный. Ты, птица алая, достань из сундука книгу Велесову, спроси книгу... Спроси, зачем нам знание колдовское да умение ратное? – выдохнул Олег и неожиданно ощутил, как в лицо пахнуло болотной затхлостью и слабым грибным ароматом, который столь часто витает холодным и дождливым летом в подтопленных березняках. И почти сразу руку обожгло раскалившимся крестом.

– Электрическая сила... – По спине, между лопаток, пополз холодок. – Только этого мне и не хватало.

Середин осторожно, одними глазами, покосился по сторонам и медленно потянул саблю из ножен. Пока ничего не происходило. В мертвенно-желтом свете луны мелко дрожали березовые листья, подмигивая серебристыми изнанками; радостно орали лягушки; между бело-черными стволами неторопливо расплзался туман.

«Туман. Полнолуние. Болото, – мысленно отметил Олег. – Тройное «ква» в одном флаконе. При таком раскладе без неприятностей не обойтись».

Утешало только одно: в руках находился уже обнаженный гибкий клинок хорошо отточенной и правильно закаленной сабли, выкованной из коренного листа волговской рессоры. Середин скосил глаза на поднятое к лицу оружие и прочитал на лезвии, возле самой рукояти, два перекрещивающихся слова, вытравленных на полированной стали: «Аз есмь». Вот тебе, батенька, и вещий сон.

В тот же миг слева мелькнула тень – Олег шарахнулся вправо, одновременно поворачиваясь, и увидел летящую прямо в лицо распахнутую змеиную пасть с длинными тонкими зубами, глазами-бусинками над ними и раскрытым капюшоном немного позади. От предчувствия близкой смерти екнуло сердце, но натренированные годами занятий руки рефлекторным движением резанули саблей воздух, и тварь, словно сама собой, развалилась на две части, промелькнула мимо груди и забилась на земле в предсмертных судорогах. Теперь стало видно, что к змеиной голове крепилось мохнатое тельце белки с широкими кожистыми крыльями и когтистыми лапами ястреба.

– От бля... – прошептал Середин, стараясь смотреть сразу во все стороны. – Да это же криксы!

Листва в березняке снова зашелестела – но на этот раз не от ветра. Деревья тряслись так, словно через них пробивалось нечто тяжелое, размером с хорошего толстозадого гиппопотама. Еще одна тварь спикировала сверху, но эту ночницу Олег смахнул мимолетно, даже не задумавшись. Крест на руке слегка остыл, что отнюдь не означало, будто мир вокруг стал безопаснее. Просто самые крупные и злобные криксы еще не успели домчаться до своей жертвы. Посему следовало срочно сматываться.

– Весь вопрос – куда? – вслух заметил молодой ведун, пытаясь хоть как-то сориентироваться. Однако вокруг стоял лес, и даже полная луна на чистом, ясном небе ничуть не помогала разглядеть дорогу.

Ответ пришел сам собой: слева затрещал березняк, справа что-то зачавкало по болоту, впереди хлопали крыльями подлетающие твари. Середин развернулся и кинулся бежать. Пару раз что-то промелькнуло над самой головой – но за мгновение до этого крест обжигал руку, и Олег успевал пригнуться. В третий раз рука ощутила жар, когда позади чавкнул торфяник.

Ведун развернулся, одновременно взмахивая саблей, – и когда увидел перед собой женщину, остановить удара уже не успел. Голова с длинными каштановыми волосами подскочила на несколько сантиметров вверх, потом звучно шмякнулась в лужу. Тело сделало еще пару шагов и плашмя рухнуло вперед. Сердце екнуло, но мгновение спустя Олег увидел руки погибшей – с длинными, сантиметров по двадцать, пальцами, каждый из которых заканчивался толстым кривым когтем.

С этой секунды в душу ведуна снизошло спокойствие. Он без колебаний рубил все, что шевелится – змей, птиц, детей, монахов, коров, ветки деревьев, качающиеся кочки, крупных ночных мотыльков, – шаг за шагом отступая в избранном направлении. Наконец под подошвами ботинок захрустел песок, запахло соснами – и криксы неожиданно отстали. Наверное, у них тоже имелось какое-то чувство самосохранения.

– Кажется, теперь я понимаю, зачем учился владеть саблей, – тяжело перевел дыхание Середин и отер клинок о куст черники. – Блин, и это называется «ум на халяву»? Не-ет, такие дисциплины лучше изучать за партой по учебнику...

Он опустил руку в поясную сумку, зачерпнул горсть перца с табаком и щедрой рукой сыпанул вокруг себя: через такой барьер ни лесные хищники, ни мелкая нечисть пробиваться не рискнет. Разве только враждебно настроенный сильный маг или посланные им слуги. Но такой опасности Олег не предполагал. Не имелось у него врагов среди сильных колдунов. Да и крест на руке всегда успеет предупредить загодя. Поэтому молодой ведун сел, привалился спиной к ближайшему стволу и закрыл глаза...

* * *

Проснулся Середин, когда солнце ударило ему в глаза. Краешком сознания он помнил, что сегодня понедельник, что нужно идти на работу, но тем не менее попытался урвать еще пару секунд сна, повернулся набок и... упал на колкую хвойную подстилку.

– Это еще что за ква? – Он сел, огляделся, разгоняя остатки дремоты и пытаясь вспомнить, как сюда попал.

Прямо над головой безоблачное небо скребли макушки вековых сосен, у подножия стволов чернели крупными ягодами кусты черники и голубики, перемежающиеся с редкими брусничными ветками. Прозрачный, пахнувший смолистой свежестью бор забирался на холм, у самого подножия которого сидел Олег. В другую сторону тянулось поросшее чахлым березняком темное болото, поблескивающее частыми оконцами чистой воды. Оно манило к себе алыми россыпями клюквы, но есть в такую рань Середину не хотелось.

– Так, – сделал он глубокомысленный вывод. – Значит, это был не сон. И на работу я сегодня явно опоздал. Нужно выбираться к ближайшему населенному пункту и брать больничный. А то уволят.

Куда и каким образом закинуло его заклиние Велесовой книги, Олег старался не думать: выйдет к людям – узнает. Но нужно признать, обряд оказался весьма эффективным. Теперь он точно знал, что есть еще на Земле места, где обитают самые настоящие ночницы и куда без сабли и хотя бы начального понимания колдовства лучше не соваться.

Над болотом пронесся звонкий клич кукушки, и Олег сразу загадал:

– А ну, скажи, сколько мне до дороги пробираться?

– Ку-ку-у-у... – растянула последнюю ноту пичуга и замолкла.

– Это что было, метры или дни? – попытался уточнить Середин, но ответа, естественно, не дождался.

А вопрос был отнюдь не праздный. Хорошо, если заклинание пихнуло его в ближайшую болотину промеж обширных дачных участков. А вдруг куда-нибудь в Сибирь засандалило?

– Спасибо, Ворон, научил ты нас к любому заклинанию, как к войне, готовиться, – вслух поблагодарил старика Олег. – Но мог бы посоветовать еще и бутерброды перед наговорами заготавливать.

Он похлопал себя по карманам, заглянул в поясную сумку. В наличии имелись кистень, два мелка, зажигалка, полкулька перца с табаком, носовой платок и старый календарик с рекламной магазина «Максидом». Негусто. Ну, да ничего, не пропадет. А в следующий раз будет умнее...

Середин поправил ремень так, чтобы сабля свисала сбоку и не била его по ногам, и стал решительно подниматься на холм.

По ту сторону взгорка открылась ложбина с журчащим по песчаному дну узеньким ручейком. Середин повернул вверх по течению и примерно через полкилометра вышел к роднику. На всякий случай Олег поводил над ним левой рукой, но ничего не почувствовал, а потому опустил на колени и долго пил ледяную воду, утоляя одновременно и жажду, и голод.

«Надо будет еще и флягу с собой перед заклинаниями брать», – мысленно отметил молодой ведун, перешагнул ручей и двинулся вверх по другому склону. Потом опять вниз, вверх, вниз... Вокруг расстилались нетронутые черничные заросли, то и дело попадались крупные, красивые грибы: белые, сыроежки, красные, моховики. Олег от них старательно отворачивался – хотелось взять, но некуда.

Наконец, примерно после полудня он наткнулся на полосу примятой травы: крохотные лапки «заячьей капусты» были растоптаны с интервалом в полметра, каждый след имел длину сантиметров тридцать. Или, проще говоря, здесь прошел не зверь, хищный или копытный, а человек. В крайнем случае – снежный. Олег повернул вдоль следа и уже через полчаса выбрел на вполне различимую тропинку, по сторонам от которой то и дело попадались низкие пеньки со следами топора.

Стежка-дорожка становилась все более натоптанной с каждым метром, ягодники вокруг стояли чистые, грибы больше не попадались. Явный признак человеческой жизнедеятельности! Значит, где-то поблизости имелось садоводство или деревенька.

Вскоре явственно пахнуло дымком, донеслось жалобное мычание. Середин перевалил очередной холмик и увидел впереди, между деревьями, широкий луг, а за ним – деревню. Он остановился, облизнул мгновенно пересохшие губы и озадаченно сказал себе под нос:

– Вот это ква...

Меньше всего поселение напоминало садоводческое товарищество или какой-нибудь совхоз. В первую очередь, еще ни разу в жизни Олег не видел, чтобы дома крылись дранкой – а здесь пощипанные на тонкие досочки деревянные чурбаки защищали от непогоды все строения: и отдельно стоящие овины, и сараи, образующие вместе с домами большие дворы, и навесы для сена, и выпирающие из земли погреба. Все дома из бревен, хозяйственные постройки – жердяные. Про доски, краску, вагонку или фанеру тут, судя по всему, не слышали. Кроме того, ни одно строение не имело ни трубы, ни телевизионной антенны. Проводов в деревне тоже что-то не наблюдалось.

Разумеется, на необъятных просторах нашей Родины деревень, к которым электричество не провели до сих пор, имелось в достатке. Это да. И телевизор во многих местах можно смотреть только через спутниковую тарелку. Но вот машины и трактора – пусть даже старые, разобранные, полусгнившие, используемые под курятник или свинарник, – всякая авто- и мототехника имелась уж везде. Однако в деревне и вокруг нее не виднелось не то что «К700» или мотоцикла, но и даже старого драного колеса или колотого блока цилиндров. Зато во дворах стояли телеги, лениво помахивали хвостами лошади и, больше того, – по ту сторону селения одинокий пахарь превращал с помощью низкорослого тяжеловоза и белой однозубой сохи зеленый луг в черную маслянистую пашню.

– Старообрядцы, что ли? – осторожно предположил Олег, выходя из-под крон на край опушки.

Меньше всего ему понравились столбы, что стояли у дороги, уходящей куда-то в поля, и за лужком перед селением. На столбах красовались злобные хари – брови белые, зрачки черные, губы бурые... будто кровью измазанные. Насколько Середин себя помнил, таких тотемов на дачных участках обычно не вкапывали.

Сельчане выглядели тоже, мягко выражаясь, странновато. Мужики – бородатые, опоясанные широкими кушаками, одетые в свободные рубахи, шаровары и странные короткие сапоги с голенищами, похожими на раскрывшийся тюльпан. Женщины – поголовно в платках. Большинство – в темных длинных юбках и каких-то кофтах, но те, что помоложе – в светлых сарафанах, украшенных яркой, издали заметной вышивкой и приталенных высоко на ребрах, сразу под грудь. Самое странное – никто из сельчан ростом, похоже, не дотягивал Середину выше подбородка, хотя великаном ведун отнюдь не являлся – всего метр семьдесят шесть по утру, да и телосложение среднее.

Олег медленно шел вперед, продолжая приглядываться к деревне. Полтора десятка коз с длинными рогами и полсотни овец топтались под присмотром пастушка лет шести. Еще два десятка коров паслись отдельно, рядом с ними спал седовласый старик. Откуда-то злобно лаяли собаки, их пытались перехрюкать так же невидимые свиньи. Курицы стайками бродили вокруг самых домов, а в одном месте среди них белели крупные гусиные туши. Вилы, которыми в широком дворе бабы ворошили сено, – оказались деревянными. Голозадые ребятишки годика по три – длинная рубаха и никаких штанов – играли с долговязым, если можно так выразиться, тонконогим жеребенком. Один забрался скакуну на спину и ничего – не падал.

Появление гостя вызвало в селении нездоровое оживление: женщины, побросав вилы, прильнули к заборам, выглядывая в щели между жердей. Те, что находились вне дворов, побросали дела и устремились к домам. Мужчины тоже поспешно оставили свои занятия. Но в отличие от своих баб они хватали косы, оглобли, топоры и быстрым шагом выступали навстречу.

Решительный вид туземцев в немалой степени озадачил Середин, и он остановился. Тем более что ведун неплохо представлял, насколько опасным оружием может оказаться оглобля в умелых руках. Мужики тоже встали – аккуратно рядом с одним из тотемных столбов, видимо означавших границу селения. Может статься, за ними и земля была заговорена. От болезней, огня и дурного глаза.

В воздухе повисла напряженная тишина.

– Мир вашему дому и здоровья всем вам! – громко произнес Олег, левой рукой аккуратно задвигая саблю за спину, от глаз местных жителей.

– Чур меня, чур, – явственно забормотали мужики, многие из которых скрестили пальцы и стали тыкать ими в сторону пришельца. – Сгинь, жировик ночной, сгинь.

– Да вы, никак, за нечисть болотную меня принимаете? – удивился Середин. – Бросьте, мужики! Я обычный человек, такой же, как вы. Просто иду мимо. Дали бы воды напиться да путь дальше указали. Мне больше ничего и не надобно.

– Откуда же ты взялся, человек? – прошамкал один из мужиков. – На Моровую вязь, окромя как через нас, пути нет. А ты аккуратно оттуда и топаешь...

Аргумент был железный. Можно даже сказать, пуленепробиваемый. Олег взглянул на тотемы, огораживающие деревню, на деревянные вилы, косы и оглобли – и решил на всякий случай не рассказывать про то, как на самом деле попал на Моровую вязь.

– Вы думаете, я один из ночников? – громко уточнил Середин. – А если я докажу, что это не так? Воды хоть напиться дадите?

Местные промолчали. Ведун пожал плечами и повернул обратно в чашу.

Однако в обратный путь к ближнему болоту Середин отправился не только и не столько за доказательствами своего человеческого происхождения, сколько из желания спокойно обдумать увиденное и хоть примерно разобраться в произошедшем.

Итак, он явно находился не дома, это и ежику понятно. Хотя судя по привычному сосняку, березкам, судя по одежде и речи местных жителей – все-таки за пределы России его не выкинуло. Костюмчики, правда, у туземцев были странноватые, словно из этнографического альбома. Но на старообрядцев точно не походили – те свои поселения идолами окружать ни в жизнь не станут. Значит...

Что все это может означать, Олег понять никак не мог. Крытые дранкой крыши, телеги, лошади, соха... Не в прошлое же он провалился, в конце концов?! Опять же, язык мужиков он понимал без проблем, а ведь речь – структура переменчивая, лет двести пройдет – и собственных потомков не уразумеешь.

– Стоп, стоп, стоп... – сам себя осадил Середин. – Я проводил заклинание Велесовой книги, заклинание знаний. Так что понимание речи предков могло стать составляющей обряда. И если так... То я все еще нахожусь под действием колдовства! Я задал вопрос – Велесова книга повела меня к ответу. Путь лежит через чужие земли – она дала мне понимание речи тех, с кем придется встречаться.

Олег тихонько зашипел от злости и бессилия. Из его предположения следовал очень важный побочный вывод: он не сможет выйти из-под власти заклатья, не сможет вернуться назад домой, пока не закончит обряда до конца. То есть пока не получит ответа на заданный вопрос.

Впереди он различил журчание ручейка. Середин спустился к роднику, ополоснул в нем лицо и громко сообщил, обращаясь к небесам:

– Я все понял! Я знаю, зачем нужно знать колдовство и уметь владеть саблей! Ответ получен!!!

Ничего не произошло. По всей видимости, у заклатья было свое мнение на этот счет. Требовалось соблюдение некоей формальности. Например, ответ должен произнести кто-то из мудрецов этого времени, либо Середин обязан не просто один раз сцепиться с криками, а хорошенько стоптать ноги и отмахать руку. «Семь пар сапог истоптать, семь хлебов железных изгрызть».

А может, имелось и что-то еще. Некий метод закрытия обряда, который он пока еще просто не знал. Не нащупал «выключателя».

– Если это «ум на халяву», – сплюнул Олег, – то я – римский папа.

Вот забавно будет оказаться снова на вонючей лестничной площадке в тот же час и ту же минуту, когда начал обряд, предварительно побегав здесь три или четыре года! Или лет сорок. Интересно, в последнем случае он возвратится постаревшим или останется двадцатилетним?

Впрочем, кто знает? Может быть, с заклатьем удастся разобраться и за пару дней.

Середин обнажил саблю, срубил росшую на берегу ручья тонкую осину, за пару движений очистил ее от ветвей, заострил комель и, покосившись на небо, двинулся к болоту. До заката еще было далеко...

Купец

– Ну что, мужики, заслуживаю я корец воды из вашего колодца испить? – Олег кинул возле тотема осиновый кол, на который были нанизаны разрубленная почти наполовину крылатая тварь, напоминающая кошку со скорпионными клешнями, и кусок тела ходячей криксы – с детской головой, украшенной острыми рожками, и одной рукой с длинными пальцами, заканчивающимися раздвоенными когтями.

Молодой ведун перешагнул очерченную сохой земляную границу селения и остановился. Крест на руке немного нагрелся, дав понять, что магия здесь используется отнюдь не христианская, а затем снова остыл. Олег оглянулся на мужиков, столпившихся вокруг злобных уродов, повелевающих ночным миром, и хлопнул в ладоши, обращая на себя внимание:

– Вы бы, чем на них таращиться, прикопали крикс в сухом месте. Это ведь твари такие: днем подмокнут, ночью раскиснут, в лужу ближнюю стекут, а к полнолунию опять из тины наружу полезут. И до вязи своей Моровой сходите, тех, кто там порублен, закопайте. Вам же спокойнее жить станет.

– Дык... Солнце на закат покатилося... – неуверенно напомнил все тот же шамкающий мужик.

– А вы завтра сходите, – пожал плечами Середин. – Вас же ночью никто из домов не гонит. И, кстати, раз уж я из-за вашей подозрительности целый день тут потерял: пустите в стожок переночевать. Я в темноте тоже гулять не люблю.

– Голуба вечер стог у Старого колодца сметал, – тут же откликнулся безусый паренек лет пятнадцати, – во-он там, под одинокой березой.

– Ага, – после короткой паузы с сожалением кивнул Олег, поняв, что в дом на ночлег его никто приглашать не собирается. Оно и понятно: взялся неведомо откуда, пришел с болота. А что ночниц пару десятков порубал – так ведь мало ли зачем? Может, желчь собирал, дабы глаза в темноте видели, или кости их для амулета перетереть собирался. Поди разбери, добрый человек помочь хочет али злой колдун балует. – У березы, так у березы. Воды-то хоть принесете? Хоть чего в брюхо плеснуть, чтобы до утра не склеилось...

Намек крестьяне поняли правильно, и, когда стало смеркаться, Олег услышал возле стога осторожные шаги. К этому времени он уже успел вырыть себе в ароматной сухой траве глубокую нору, застелил ее толстокожей «косухой» – чтобы стебли не кололись – и вытянулся во весь рост, уложив саблю сбоку под правую руку, а кистень сунув под изголовье.

– Кто там? – На всякий случай ведун опустил правую руку на ножны.

– Снедь мне велено принести тебе, странник. – Голос был девичий, почти детский.

Олег сел, высунул голову из норы и увидел пахнущую жареным мясом и хлебом небольшую корзинку, прикрытую белой тряпицей. Корзинку держала в руках крестьянка лет пятнадцати-шестнадцати в сером, изрядно вытертом сарафане до пят, с тонким красным пояском, завязанным под грудью, и в платке с синей вышивкой по краю. Один глаз девушки был прищурен, правая щека сморщена, край рта презрительно изогнут и слегка подрагивал. Похоже, деревенские даже еды принести – и то предпочли послать человека, представляющего наименьшую ценность.

– Ладно, с лица воды не пить, – пожал плечами Середин, принимая корзинку и сдергивая с нее тряпицу. Внутри обнаружился горшочек, едва не по края полный распаренной гречневой кашей с жирком и мясными прожилками, заткнутый деревянной пробкой кувшин, испускающий хлебный аромат, – в нем оказался темный шипучий квас, – и кувшин поменьше с прозрачной водичкой. А вот чего не обнаружилось – так это вилки или хотя бы ложки.

Почесав в затылке, Олег вытянул из ножен саблю, отошел к березе, срезал полоску шириной сантиметров пять. Не графский прибор, но добыть кашку из глубокой емкости можно.

Присев возле стожка, ведун, с утра маковой росинки во рту не имевший, хлебнул изрядно кваску, затем принялся уплетать угощение за обе щеки. Вскоре горшок опустел, а осоловевший от сытости Середин отвалился на сено. Голова закружилась, словно он только что выпил две бутылки пива, по телу растеклась приятная истома. Сделав над собой усилие, ведун допил сладковатую воду из маленького кувшина, вернул опустевшую посуду в корзину и подвинул к девушке:

– Спасибо, милая. Забирай.

Крестьянка подобрала лукошко, но не уходила, переминалась с ноги на ногу.

Олег, уже нацелившийся нырнуть в свою нору и отключиться до утра, недовольно поинтересовался:

– Ну, чего еще?

– А правду сказывали, мил человек, что ты ночниц на Моровой вязи всех порубал?

– Не знаю, – пожал плечами Середин. – Может, и не всех. Я их не пересчитывал.

– Так ты, наверное, волхв странствующий?

– Да ну, скажешь тоже, – отказался от ненужного звания Олег. – Я так, прохожий случайный.

– Как же ты с ночницами управился?

– Ну-у-у... Смог, в общем.

– Колдун, значит, – присев перед странником, понимающе прошептала крестьянка. – Помоги мне, колдун. Я тебе первенца отдам. Волосы остригу. Русалкой стану. Я...

– Еще чего! – попятился Середин от горячего шепота девицы.

– Помоги, колдун, – на глазах девицы навернулись слезы. – Все сделаю, только скажи...

– Чем?

– Сделай меня красивой.

– Красивой? – Олег сел на глубоко промявшуюся под ним «косуху». – Чего же тебе не хватает?

– Разве ты не видишь, колдун? – Даже в вечернем полумраке было видно, как лицо крестьянки залилось краской. – Мое лицо... Рот, глаз, кожа... И грудь у меня очень маленькая.

Девушка придвинулась, оставив корзинку на земле. Олег коснулся щеки, ощутив под пальцами дряблую, чуть подрагивающую тряпочку. Тик, что ли? Или воспаление тройничного нерва... Середин тряхнул головой, отгоняя бессмысленные термины совершенно чуждой ему магии. Ведь он не врач, он – ведун. Его дело – не искать нужные термины, а приносить человеку исцеление.

– Что такое горчица, знаешь? – поинтересовался он. – Семена растереть в порошок, смочить, щеку натирать три раза в день. Еще не помешало бы горсть цветов бузины залить на три-четыре часа... – Он запнулся и тут же поправился: – ...на треть дня залить кипятком. Вот столько примерно воды нужно, сколько в этом горшке помещается. Потом этот настой понемногу пить. Горшок в день. Это нужно делать не меньше месяца. Зверобой с сегодняшнего дня пить постоянно, вместо чая. Понятно?

Крестьянка кивнула.

– А еще, если боли не боишься, найди пчелиный улей, мазни щеку медом и дай себя немного покусать. Пять-шесть укусов за раз. Но этим средством не увлекайся, пару раз в месяц, не чаще.

– А грудь?

– С грудью-то что?

Девица на мгновение запнулась, потом встала и начала развязывать пояс.

«Не нужно», – хотел было сказать молодой человек, но язык почему-то не повернулся. Крестьянка уронила пояс, сняла через голову сарафан, оставшись в просторной полотняной рубахе ниже колен, опустила на колени, распутала завязки ворота, развела ткань, обнажая

небольшую, совсем еще девчоночью грудь с остреньким соском. Олег, не удержавшись, накрыл грудь ладонью, слегка сжал, ощутив под пальцами горячую упругую плоть. Подумал сказать, что грудь очень даже ничего и молодка может не беспокоиться, но вместо этого наклонился и сжал самый сосок мгновенно пересохшими губами.

Гостья застонала, неожиданно обняла голову ведуна, прижимая ее к себе со всей силы. Середин, уже без всяких душевных мук, запустил руку под подол, скользнул ею вверх – по колену, бедру – и обнаружил, что под рубашкой у туземки нет больше абсолютно ничего. Он лег на «косуху», увлекая крестьянку за собой, начал торопливо расстегивать джинсы, выпустил свою плоть на волю, наклонился над девушкой, снова начал целовать ее грудь, обнаженное плечо, губы. Прижался бедрами. Его ждали – Олег ощутил, как погружается в горячее лоно, чуть ли не тонет в нем; как гостья рванулась навстречу, отдаваясь с неожиданной страстностью, жадностью, захватывая инициативу в свои руки и безмерно торопясь. Он еще не успел вкушать наслаждение близостью, как тело взбунтовалось, полыхнуло и взорвалось сладостной истомой.

Девушка пискнула и перестала дышать. Правда, сердце ее колотилось с такой силой, что беспокоиться за туземку не стоило. Просто дизель, а не сердце. Олег отвалился в сторону и расслабился.

«А жизнь-то вроде налаживается, – улыбнулся в темноту Середин, потихоньку приходя в себя после взрыва эмоций. – Вот я уже и сыт, и удовлетворен».

Он присел, нащупал в сгустившемся мраке кувшин с квасом, открыл, начал жадно пить. Удовлетворив жажду, положил руку на отдыхающую рядом крестьянку – ладонь почему-то опустилась аккурат на обнаженную грудь.

– Слушай меня внимательно. Дождись полнолуния. Как стемнеет, набери в любом месте миску проточной воды. Коли зима будет – значит, снег или лед растопи. Над водой в одиночестве нашепчешь заговор: «Ты текла из-за гор, по полям, лесам, лугам широким. Под небом синим, в ночи черной. В тепле грелась, в холоде мерзла, черноту снимала, красоту открывала. Ты отдай мне, вода, красоту рассветную, тайну ночную, губы красные, лицо белое, стан дивный, грудь высокую. Буду я, как луна в ночи, среди других девиц светла, как рассвет красива, как солнце счастлива». Миску на всю оставшуюся ночь поставь туда, куда падает лунный свет. Утром, на рассвете, этой водой умоешься. Делать так нужно каждое полнолуние, каждый месяц. Через год сама себя не узнаешь, первой красавицей станешь. Запомнила? Повтори-ка заклинание.

У девчонки оказалась совсем не плохая память – всего в паре мест пришлось поправить.

– Благодарю тебя, странник. – Крестьянка схватила его руку и принялась целовать. – Что сделать для тебя? Серебра нет, малых тоже...

– Будет муж, будут и малые, – спокойно пожал плечами ведун. – Теперь тебе беспокоиться не о чем. Женихи найдутся.

– Благодарствую тебе, колдун... – Девушка зашуршала, собирая одежду. – Век не забуду.

Вскоре Олег ощутил, что остался один. Он на ощупь застегнул джинсы, раскинулся на ароматном сене и провалился в сон.

* * *

– Странник, странник... – Середин вздрогнул и торопливо положил ладонь на рукоять сабли. – Странник...

В отверстии норы с трудом различались хлопья тумана, величественно проползавшие мимо стога. Рассвет еще не наступил, но первые лучи приближающегося дня уже успели рассеять мрак.

– Странник...

– Кто здесь? – рискнул откликнуться Олег.

Поблизости зашуршала трава, и в стог заглянула вчерашняя гостья. Не узнать ее было мудрено даже в полумраке, однако ведуну показалось, что рот у девушки стал все-таки прямее и совсем не дергается, а глаза – почти одинаковы. Вполне могло быть и так: то, чем они вчера занимались, тоже имеет ярко выраженный лечебный эффект.

– Странник... – Крестьянка прибежала босиком, подол рубахи от росы стал мокрым выше колен; на волосы накинута косынка. Девушка поставила на край куртки деревянную баклажку, вырезанную из единого чурбака и прикрытую крышкой. – Вот, возьми. Прости, странник, но более ничего у меня нет.

– Да ладно, – отмахнулся Олег, отпуская саблю и усаживаясь. – Ты чего это боса по холоду бегаешь?

Вместо ответа девица наклонилась, поцеловала его руку и тут же умчалась.

– Э-э... – хотел было окликнуть ее ведун, но не успел. – Ну вот, даже имени не спросил.

Он приоткрыл крышку, заглянул внутрь. Оттуда пахло теплым цветочным духом, на поверхности густой жижи дрогнула и тут же погасла волна.

– Батюшки, да это же мед! – Ведун нащупал свою сделанную из бересты ложку, макнул ее в баклажку, облизал, еще раз макнул и снова облизал. – Хорош. Похоже, что свеженький. Ну, спасибо тебе, молодича неведомая. Пусть помогут тебе мои заклинания не через год, а к весне новой. Будет полнолуние, я тебе отдельно здоровья наговорю.

Спать больше не хотелось. Олег поднялся, привесил саблю к ремню, накинул на плечи и застегнул «косуху». Подобрал с земли подаренную баклажку. Сборы бездомного странника недолги, а засиживаться смысла нет – не завтрак же себе у туземцев выпрашивать? Он не побирушка, сам выкрутится. Тем более теперь.

Середин выдернул из гостеприимного стожка жесткую длинную соломинку, сунул ее в зубы и двинулся в сторону уже вполне различимой дороги.

* * *

Проезжий путь к деревне существовал только благодаря песчаной почве. Шагая по извиляющейся между сосен колее, ведун прекрасно видел, что его следы – единственные после последнего дождя, оставившего на земле миллионы мелких точек. Судя по погоде, осадки здесь наблюдались не менее недели назад. А может – и месяца. Так что места глухие, нехоженные. Значит, нужно рассчитывать, что к крупному населенному пункту добраться получится только через несколько дней. Нечисти вроде крикс, мавок или анчуток в сосняке опасаться не стоит, не любят они хвойные леса. Лешие – существа почти безопасные, коли самому их не обижать. Так что можно немного расслабиться. Единственная опасность – сухо кругом, влажных впадинок не видно. А фляги с собой нет. Если за пару дней не встретится источник воды – будет тяжело.

– Я становлюсь умнее с каждой минутой, – пробормотал себе под нос ведун. – В следующий раз перед началом обряда возьму с собой флягу и ложку, чтобы из бересты потом не вырезать. Пару бутербродов на первый день. Бутылочку пива. Надо составить список...

Около полудня позади послышался топот. Середин вспомнил сладкий вечерок, проведенный с местной «Золушкой», покосился по сторонам – а не раствориться ли в зарослях? Но песок, предательский песок под ногами. Следы все равно предадут. Олег поставил баклажку с медом на землю, поправил кистень в кармане так, чтобы его петля слегка высовывалась наружу, и повернулся навстречу опасности.

Всадником оказался мальчишка лет двенадцати. Он натянул поводья, остановил жалобно всхрапнувшего коня шагах в пяти от ведуна, развернул поперек дороги:

– Сход решил, странник, плохо отпускать тебя так. Стратослав, волхв наш, назвал тебя добрым человеком. Сход передает, желанным гостем всегда будешь.

Паренек отцепил болтавшийся у луки седла мешок; наклонившись чуть не под брюхо скакуна, поставил его на землю, а потом ткнул пятками коня, заставляя его сразу перейти в широкий намет, и умчался обратно.

Олег немного выждал, оглаживая саблю, потом подошел к мешку и развязал накиннутую на горловину торбы удавку, заглянул внутрь. Две еще теплые, неоципанные курицы, десяток завернутых в тряпицу пирогов и кожаный мешочек с чем-то зернистым и сыпучим. Веревка мешочка никак не поддавалась, и ведун мысленно добавил к списку необходимых при колдовстве вещей небольшой нож – не резать же тонкую бечеву саблей! Однако вскоре суровая нить поддалась, и Середин смог запустить руку в какой-то порошок, с виду напоминающий гранулированный индийский кофе – темно-коричневый и чуть маслянистый. Опасности Олег не чувствовал, а потому взял пальцами пару гранул, кинул в рот, разжевал.

– Ба-а! Да это же сушеное мясо...

Это был весьма приятный сюрприз. Сушеное мясо достаточно немного разварить – и сытный обед готов. На худой конец можно просто запить водой. В мешочке находился запас продовольствия для одного человека как минимум на месяц. Правда, ни воды, ни хотя бы пустой фляги среди подарков не нашлось. Ведун вздохнул, поставил в мешок баклажку с медом и закинул его за плечи.

Как обычно и случается в подобных обстоятельствах, к реке он вышел только к середине второго дня, не сделав за все это время ни единого глотка воды. Про микробов Олег забыл начисто – упав на колени на глинистый, поросший травой уступ, он пил, пил, пил... А когда наконец-то смог подумать о еде, то прибавил к мысленному списку еще один пункт: котелок. Для приготовления элементарной мясной похлебки воду следовало в чем-то вскипятить. И котелок, в отличие от ложки, так просто из коры не состряпаешь.

– Ладно, при случае чего-нибудь придумаю. – Ведун развязал мешок, достал куриные тушки, обнюхал – вроде еще ничего, спустился к воде и принялся замазывать «дичь» толстым слоем глины прямо поверх перьев. Потом набрал в лесу валежника, благо здесь это сложностей не представляло, навалил сверху и поджег.

Разумеется, Середин знал, что запекать птицу положено в углях, а то и вовсе в земле под костром – но дожидаться, пока прогорят дрова, у него не имелось ни малейшего желания. И так не меньше часа печь придется.

Олег откинулся на траву рядом со своим маленьким очагом и стал уже в который раз размышлять, как сломать капкан поймавшего его заговора и вернуться домой. Разумеется, плеск весел он услышал и даже приподнял голову, оглядев величаво скатывающуюся вниз по течению ладью размером с пассажирский «Икарус». Сходство было поразительным: такая же желтая и тупоносая, такая же широкая, с носовым украшением в виде лебединой головы, поднимающимся метра на три, словно перегородка между лобовыми стеклами автобуса. Мачта почему-то отсутствовала, зато сбоку виднелась широкая лопасть рулевого весла, а на корме стоял большой сарай – иначе и не назовешь, – сколоченный из некрашенных досок. На речушке шириной не более десяти метров ладья казалась невероятной машиной.

Ведун окинул посудину взглядом и отвернулся. У него в избытке хватало своих дум, чтобы тратить время на пустое созерцание. А потому слова: «Не двигайся!» прозвучали для него, словно гром посреди зимы. Молодой человек воззрился на судно еще раз и увидел на носу лучника. Дитина едва ли не с метр шириной в плечах стоял, возвышаясь над бортом, и держал лук, направив острие стрелы с широким, в ладонь, наконечником Середину в грудь. Ладья медленно и величаво отворачивала со стремнины к берегу. Олег поднялся на ноги, и корабельщик тут же натянул лук. Молодой человек ощутил исходящую от него готовность выстрелить и замер, пальцами осторожно подбираясь к рукояти сабли, а губами тихо нашептывая:

– Стану не помолясь, выйду не благословясь, из избы не дверьми, из двора не воротами – мышьей норой, собачьей тропой, окладным бревном; выйду на широко поле, поднимусь на высоко гору...

По телу, как это обычно и бывало при искреннем выполнении наговора, побежали мелкие мурашки. Олег явственно ощутил свою ауру, на поверхности которой начала скапливаться энергия. Ладья между тем уткнулась в песок – села килем на дно в паре шагов от берега, и с борта спрыгнул другой враг: куда более худощавый, ростом немногим ниже Середина, бородатый, голубоглазый блондин. Левую руку он держал на оголовье меча, но особой опаски все-таки не проявлял. Рубашка, шаровары, короткие сапоги. На широком, в две ладони, поясе висел короткий нож с белой костяной рукоятью. Из доспехов на корабельщике имелся все тот же пояс: на толстую кожу было набито множество небольших бронзовых пластин – мечом или саблей не прорубить. И защищал ремень самое уязвимое место – живот.

– Зачем тебе эта сабля, путник? – чуть ли не дружелюбно спросил незнакомец. – И куртка у тебя странная. Пусть она лучше полежит у меня в сундуке!

– ...ты, Солнце, положи тень мне под ноги, вы звезды, поднимите ее на небо, – торопливо закончил Середин, – а ты, Луна, дай ее мне в руку!

– Чего бормочешь? – не понял блондин.

– Я говорю, что мне нравится твой нож.

Левой рукой Олег резко метнул в сторону несуществующий шар, а правой рванул саблю. Наговоренная тень промелькнула над прибрежным кустарником, и лучник сделал то, что и должен был сделать пребывающий в постоянном напряжении стрелок: спустил тетиву. Одновременно ведун, подкинув ножны, выдернул клинок, направляя его ближнему врагу немногим выше ремня. Изогнутое точно по окружности двигающейся в замахе руки, легкое, но остро отточенное лезвие коснулось рубахи корабельщика и стремительно заскользило, разрезая ткань, кожу, мышцы под ней, нижние ребра. Кровь еще не успела выступить наружу, когда обратным движением Середин перерубил противнику горло и одним прыжком кинулся в кусты. Над головой хищно прошелестела стрела – но лучник опять промахнулся.

– Радомира убили! – услышал Олег тревожные выкрики, откатился в сторону и приподнял голову. На палубе толпились люди, выглядывая на берег. Человек десять, наверное.

«Много», – мысленно отметил Середин, но отступать пока не собирался. Во-первых, он не желал лишаться своего законного ужина. Во-вторых, его котомка осталась у костра. А в-третьих, он уже достаточно намучился без ножа и твердо намерился заполучить себе «инструмент» уже покойного Радомира. В качестве сатисфакции за ничем не спровоцированное нападение.

Стрелок продолжал целиться в кустарник, и ведун пустил низом еще одну тень, зашелестевшую гибкими ветвями. Лучник тут же выпустил одну за другой три стрелы.

– Ну, где ты, предатель? Где ты, подлец?

– Иди сюда, узнаешь! – предложил Олег, и воздух тут же разрежала еще одна стрела.

Через борт один за другим перевалились двое корабельщиков – бородатые, в серых выцветших рубахах, черных штанах из парусины, коротких сапожках без каблуков. Оба были в шлемах, со щитами, оба сжимали в руках широкие, но короткие мечи. Середин недовольно поморщился: два щита против его сабли давали разбойникам слишком большой перевес.

– Нет, ребята, так мы не договаривались... – прошептал он себе под нос, возвращая клинок в ножны и накидывая на запястье петлю кистеня.

Корабельщики, настороженно вглядываясь в ивняк, приближались, и ведун снова начал нашептывать себе в левую руку отводящую глаза тень. А когда до врагов осталась всего пара шагов, метнул ее к ним за спину. Вода от прикосновения темного шара громко плеснулась, и того краткого мига, когда все повернули головы на звук, Середину хватило, чтобы метнуться вперед, опустив серебряный многогранник на шлем одному противнику, хорошенько пнуть

ногой другого, откинув его на несколько шагов, подхватить щит оглушенного, падающего корабельщика и юркнуть назад, под защиту ветвей. И опять стрела прошелестела слишком поздно, срезав несколько прутьев у ведуна над головой.

– Трус! – громко заорал, потрясая мечом, бородач, на поясице которого остался четкий влажный отпечаток рубленой подошвы. – Выходи и сражайся, как мужчина!

– Тут не олимпиада, недоумок, – со смехом отозвался Олег. – Сейчас меч твой заговорю, чтобы хозяина не слушался, тогда и сразимся.

– Трус! – уже не так уверенно рыкнул корабельщик, немного подумал, потом закинул щит за спину, спрятал меч, подхватил под мышки потерявшего сознание товарища и поволок его к ладье. Больше выпрыгивать на берег никто не торопился. Пока.

– Пока... – негромко повторил про себя Середин. Если корабельщики высадят десант хотя бы из пяти человек, то против этого особо не попрешь, будь ты хоть старик Хоттабыч. Требовалось немедленно предпринять что-то, что отобьет у речных разбойников всякое желание связываться с одиноким путником. Иначе придется улепетывать, бросив и без того скромные пожитки.

– Небу синему поклонюсь, реке улыбнусь, землю поцелую, – начал он достаточно громко и ясно наговаривать защитное заклинание, мысленно закручивая слетающие с губ слова вокруг своего тела, – доверюсь вам по всякий день и по всякий час, по утру рано, по вечеру поздно. Поставьте вокруг меня тын железный, забор булатный, от востока и до запада, от севера и до моря, оттоле и до небес; оградите меня, сына вашего Олега, от колдуна и от колдунницы, от ведуна и от ведунницы, от чернеца и от черницы, от вдовы и от вдовицы, от черного, от белого, от русаго, от двоезубова и от троезубова, от одноглазаго и от красноглазаго, от косого, от слепого, от всякаго врага по всякий час...

Середин выпрямился во весь рост и спокойным шагом направился к костру, нагло улыбаясь ошалевшему от такого пренебрежения лучнику:

– Что тарашись, чмо с ушами? Твой лук отныне моим стал. И никуда, кроме как в огонь костра, попасть не сможет!

Вообще-то, это была уже не магия, а банальный гипноз: коли поверит в его способности стрелок, то уже ничего с собой поделывать не сможет, будет садить в указанное место и хоть ты тресни. А поверить должен: как не поверишь, если противник так спокоен? Да еще успел до этого двух корабельщиков свалить? Не говоря уж о том, что воздействие шло по всем уровням – и защитное заклинание должно минимум пару часов держаться, и щит левый бок почти полностью прикрывает.

– Да я тебя, урод... – скрипнул зубами лучник, резко натянул тетиву...

Оперение выросло в самом центре костра, мгновенно полыхнув от жара.

– Да я... Да я... – чуть не взвыл от бешенства корабельщик, выпуская стрелу за стрелой, и вскоре повеселевший от множества сухоньких тонких деревяшек огонь вырос почти вдвое.

Середин, поняв, что прием сработал, с напускным равнодушием присел возле первого из разбойников, перевернул его на спину, закрыл удивленно распахнутые глаза и принялся невозмутимо расстегивать ремень. Правда, при всем напускном спокойствии, руки его все-таки тряслись. И не от страха, а от того, что он впервые отнял жизнь у другого человека. Не у криксы, безмозглого кролика или деревенского цыпленка, а у настоящего человека, который всего несколько минут назад мыслил, о чем-то мечтал, строил планы на будущее. Причем получилось это до неприятного просто: два движения саблей, и все. Как комара прихлопнул. И наверное, было очень хорошо, что он сидел под прицелом жаждущего крови лучника – опасность заставляла удерживать все чувства в узде, не забиться в истерику, не завывать от раскаяния, не просить прощения у мертвеца.

– Ты сам хотел этого, – только и прошептал Олег. – Кто с мечом приходит, тому и платежи той же железкой по дурной голове. Покойся с миром.

– Ты чего творишь, оглоед?! Ты куда стрелы кидаешь? Да ты знаешь, что каждая из них две куницы стоит? А ну, иди, собирай теперь! Сколько не хватит – из твоей доли вычту!

Олег скосил глаза в сторону ладьи. Новый фигурант, появившийся на носу корабля, вполне подходил под классическое определение «кровь с молоком»: на голову выше всех остальных, розовые щеки, широкие плечи, голубые глаза, небольшое, но вполне заметное брюшко. Бороды, в отличие от прочих корабельщиков, он не имел, следов тщательного бритья – тоже. Значит, согласно науке логике, было парню лет этак восемнадцать-двадцать, и являлся он тут самым главным – учитывая решительный разнос команде, а также шитую золотой нитью и жемчугом тибетейку на голове, отороченный каким-то симпатичным мехом алый суконный кафтан на плечах да широкий пояс с мечом, оголовье которого украшал крупный самоцвет. Либо стекло, либо сапфир размером с полкулака. И Середин сильно подозревал, что второй вариант куда ближе к истине.

– Этот колдун Радомира только что зарезал!

– А что Радомир на берегу здесь делает? Почто мы вообще стоим, а не плывем?

– Дык, Радомира зарезали... – опустил оружие лучник.

Середин с большим трудом сдержал вздох облегчения. Похоже, самый опасный из врагов признал свое поражение, и хотя бы стрелы ему больше не угрожали. Ведун заметил, что один из сапогов убитого сильно топорщится с одной стороны, опустил туда руку и извлек большую – с половину поварешки – серебряную ложку, украшенную крупными рубинами и разноцветной эмалью. Это было именно то, чего ему так не хватало в последние дни. Олег впервые почувствовал нечто вроде удовлетворения по поводу удачной схватки с разбойниками и своего первого убийства. Стыдно, наверное – гордиться убийством, но нечто похожее все-таки возникло в его душе.

– Эй, смертный! – окликнул Середин с ладьи «новый фигурант». – Заплати виру за убитого, и мы отпустим тебя с миром!

– А разве я прошу отпускать меня с миром? – нахально заявил, подняв голову, Олег. – Идите сюда и заберите все, что хотите... Если сможете...

Он подошел к очагу, спокойно уселся рядом с огнем и подбросил еще немного дров. Согласно его интуиции, курицы запеклись от силы наполовину. Значит, следовало подождать еще как минимум полчаса. Из лука в него больше не целились, добровольцы вступить в рукопашную через борт не прыгали – так отчего бы и не подождать?

– Он колдун, Любовод, – предупредил парня кто-то из корабельщиков. – Беляю глаза отвел, Хвольна заморочил, Барызду чернокнижием своим обеспамятовал.

Список своих подвигов Олег выслушал не без удовольствия, хотя виду не подал, вороша одной из валежин угли в костре.

– Эй, колдун! – опять окликнул его парень, которого, судя по всему, звали Любоводом. – Ты убил моего воина и должен заплатить виру.

– А я уже заплатил, – ухмыльнулся Середин. – Он хотел получить мою одежду, сумку и саблю. Саблю он получил, мне не жалко.

– Но я лишился воина!

– Так спроси с него, – кивнул Олег на погибшего, – это он искал смерти, а не я.

– Он мертв, колдун!

– А это не мои проблемы, – независимо пожал плечами ведун и снова поворошил ярко-красные угли.

Разговор прервался примерно на четверть часа, в ходе которых парень что-то долго и оживленно обсуждал с корабельщиками, после чего снова обратился к Олегу:

– Колдун! Я хочу забрать тело моего воина и поговорить с тобой!

– Хоть килограмм, – отозвался Середин.

– Обещаешь ли ты, что не станешь чинить нам препятствия и нападать, пока мы остаемся на берегу и станем исполнять тризну?

– Обещаю, – не стал спорить ведун. – Я человек мирный, лишних ссор не ищу...

Тем не менее Олег сместился так, чтобы за спиной оказался густой орешник, пробраться сквозь который бесшумно было совершенно невозможно, а высаживающиеся на берег воины постоянно оставались на виду. Разворошив ногами угли, он копнул горячую землю, извлек затвердевшие глиняные комья, расколол один из них – в лицо дохнуло горячим ароматным паром. На несколько секунд ведун забыл про все на свете, наслаждаясь настоящим, не перемороженным, не травленным никакими добавками мясом, рассыпающимся на пряди, тающим во рту, несущим в себе истинный, живой жар огня и энергию земли, взятой на границе воды и суши. Добытый в быстротечной схватке нож ему не потребовался: плоть сама отделялась от костей, суставы легко рассыпались, стоило потянуть к себе ножку или крыло.

Корабельщики тем временем споро завалили в лесу пару сухостоин, разрубили на бревна, вынесли их на песчаную отмель. Затем подняли на руки погибшего. Олег ощутил на себе ненавидящий взгляд лучника, дружелюбно улыбнулся, похрустывая жирным сухим крылышком.

– Земля маленькая, – вдруг еле слышно прошептал воин. – Еще встретимся.

– Не советую... – покачал головой Олег.

Корабельщики собрались на берегу. Человек двадцать, не меньше. Примерно половина были одеты в полотняные рубашки и штаны, но многие красовались в кожаных и войлочных куртках, а один и вовсе в ярко-синей шелковой рубахе. Большинство носили бороды, трое – только усы, пятеро были бриты наголо. У ведуна, наблюдающего с курицей в руках за подготовкой к тризне, имелось достаточно времени, чтобы спокойно пересчитать всех. С погибшего сняли меч, рубашку, одели во все новое – правда, оружие возвращать не стали, – уложили на невысокую, в два бревна, поленницу. Вместо тяжелого клинка под руку подсунули бурдюк с булькающей внутри жидкостью, в ноги поставили кувшин, в головах положили вещмешок. Угли поленницы sprysнули чем-то желтовато-вязким, похожим на моторное масло. Потом лучник, что-то пробормотав себе под нос, положил руку Радомиру на грудь, на живот, на лоб, присел. Послышался торопливый стук, и буквально через минуту у него из-под рук потянулся сизый дымок.

– Прощай! – громко и ясно произнес выпрямившийся лучник. – Ты был храбрым воином, но погиб не от руки более храброго, а от черного предательства, не в честном бою, а от гнусного колдовства. Но месть крови падет на твоего убийцу!

Воин простер над разгорающимся огнем свою руку, резанул возле запястья мечом, дал упасть в пламя несколькими темными каплями. Олег преувеличенно громко зачавкал куриной грудкой. Теперь, когда корабельщики уверовали в его магические способности, а воинственный порыв в их душах изрядно угас, он не боялся ни капельки.

С корабля приволокли к кострищу небольшой деревянный бочонок, несколько ломтей солонины, что-то длинное и светлое, пахнущее копченостью. Похоже на рыбу – но никаких костей не торчало. Не может же брусочек в руку толщиной и длиной метра в полтора быть филе? У бочонка выбили из крышки пару досок, стали зачерпывать содержимое глиняными кружками и, отлив чуть-чуть на землю, молча пить, пока не закусывая. В воздухе терпко запахло плодовым вином. Олег тоскливо сглотнул, но примыкать к компании не стал.

Тем временем огонь разгорался. От жара тело начало крючить – оно зашевелило руками, согнуло ноги.

– Прощается, прощается Радомир, – заговорили корабельщики, выше поднимая кружки, выплескивая понемногу вина в костер. – Смотрите, смотрите, жаворонки! Прилетели... Сейчас в арий понесут...

Ведун подумал, что ему пора собираться. Как бы, закосев от выпитого, ребята не захотели отомстить за товарища. Пьяному море по колено, его заклинаниями особо не напугаешь,

гипноза он не воспринимает. Правда, и координация у них нарушена будет, да только рубиться одному против десяти все одно удовольствие ниже среднего. Торопливо оглодав кости, Олег скинул их обратно в яму под кострищем, разровнял землю ногой. Вторую птичку, все еще заключенную в глиняную темницу, он переложил в вещмешок, кинул туда же ложку, затянул узел. Повесил добытый в бою нож с красивой резной рукоятью из белой кости и костяными же ножами себе на ремень.

«Эх, жалко фляги у разбойника не было! – подсадовал ведун. – Набрал бы воды себе в дорогу. А так придется вдоль берега идти».

– Странник, постой! – неожиданно окликнул его парень, бывший на ладье за главного. Молодой человек отделился от справляющих поминки корабельщиков и направился к Середину, сжимая в одной руке кружку, в другой – большой кусок белого мяса. – Не торопись, дай словом перемолвиться.

– Отчего не перемолвиться, – пожал плечами Олег, забрасывая за спину походную суму и поднимая с земли трофейный же щит. – Для доброго человека слова не жалко.

– Купец я, странник. Любоводом меня зовут. Вот, плаваю по рекам русским, шелка и пряности на меха да криницы меняю. Пеньку беру, сало, солонину да мясо сушеное. Могу шкуры на соль самоварную сменять, коли выделка добрая. А ты кем будешь?

– Звать можно Олегом, – пожал плечами Середин. – Торговать мне нечем, потому как за душой ничего не имею. Бреду, куда глаза глядят, вот и все мое занятие.

– Странное имя, Олэг... – удивился купец. – Ты, варяг сказывал, колдун? Глаза им с Радомиром отвел, а потом бедолагу и зарезал?

– Что тут говорить, зарезал, – недовольно поежился Олег, которому сразу расхотелось продолжать разговор. – Нечего с луками и мечами у прохожих случайных добро вытрясать. Так что с них и спрашивай. Не я первым свару начинал, не с меня и спрос.

– Постой, колдун Олэг, – взмахнул зажатым в руке мясом купец, и Середин понял, что это все-таки рыба. Только она может лежать такими ровными, легко отделяющимися друг от друга пластиночками, словно дольки в пузатом мандарине. – Постой. Ты ведь моего воина убил. Виру я с тебя не требую, потому как ты добро свое защищал, однако же заменить ты его должен.

– Кому должен? – криво усмехнулся Олег.

– Свести, – пожал плечами Любовод, поставил свою кружку на землю, положил мясо сверху. – Ты лишил меня воина. Поэтому, по русской правде, обязан выполнить взятые им обязательства.

– Лучше нужно было следить за людьми!

– Не нужно было убивать, – спокойно ответил купец. – Пока он был жив, за себя отвечал он. Теперь это должен делать ты, раз лишил его этой возможности. Мне нет дела до ваших ссор, но я нанимал двенадцать воинов, и мне нужны все до единого. Тебе придется заменить Радомира, или я поклонюсь боярину Любытинскому о свершенном душегубстве.

Середин презрительно хмыкнул, хотя промеж лопаток и побежал неприятный холодок. Оказаться в розыске ему совсем не хотелось, как бы ни относились в этом мире к подобным преступлениям. Кстати, про русский обычай, когда убийца отвечал по долгам убитого, он что-то слышал – однако чувствовал, что Любовод как-то хитро мухлюет.

– Не упрямься, Олэг, – покачал головой купец. – Я тебя не на правеж требую, а долг по смертоубийству отдать. А я тебе оговоренное с Радомиром серебро отдам, как в Новгород вернемся.

– Куда?! – изумился Середин.

– В Новгород, – повторил Любовод. – Новгородские мы. Дом у меня там, отец лавку держит.

Новгород... Русские земли... Ладыя... Криксы... Деревни без тракторов, без электричества... Получалось, он находится где-то почти дома, вот только явно не в том мире, к которому привык.

– А скажи, купец, какой сейчас год?

– Три тысячи триста осьмой. Никак, год запомнил? – хохотнул купец.

– Оба-на... – охнул Середин. – Вот это ква-а...

В голове тут же замелькали классические фантастические сюжеты с ядерной войной, гибелью цивилизации, новым ее возрождением на уровне каменного века... Вот только, летоисчисление в таком случае почти наверняка должно было измениться, обычаи-то у корабельщиков ну никак не христианские: не крестятся, мертвых жгут, бога и черта не поминают.

– Три тысячи – это по греческому календарю?

– Чур тебя, странник, – отмахнулся Любодов. – По нашему, русскому. Три тысячи осьмой год от основания Словенска и Старой Руссы. Да ты, никак, не в себе?

– Точно, не в себе, – моментально согласился Середин. – Так что, пойду я...

– Не бегай от правежа, странник, – улыбка моментально слетела с лица парня. – Токмо лишний долг нагуляешь. Иди ко мне на корабль. Виру прощу, за службу отблагодарю... Зада-ток дам... Тебе же все едино, куда ноги несут? Так лучше в Новгороде по мостовым дубовым погулять, нежели хвою лесную месить, да от волков на ветках отсиживаться.

На этот раз Середин заколебался. Не то чтобы поверил в правдивость требований Любодова – торговцам, известно, как и журналистам, верить нельзя. Обманом живут, с того только и капитал имеют. Однако же место на борту лады позволяло практически сразу перенестись из лесных дебрей в центр здешней цивилизации. К тому же, как помнил ведун, закливание Велесовой книги обязано вести его к ответу на заданный вопрос. И кто знает – а не оно ли заманило новгородскую ладыю в эту узкую речушку?

– Куда же я к тебе пойду, купец, коли твои воины меня убить поклялись? – кивнул в сторону правящих тризну корабельщиков Олег. – Я, может, и не в себе, но не до такой же степени!

– Да, – оглянулся купец, – Урий был очень дружен с Радомиром. Но только здесь хозяин я, а не он. И убивать кого-то можно только по моему приказу. Пойдем...

Он забрал с земли свою кружку, пошел к выпивающим воинам:

– Урий! Колдун Олэг поплывет с нами вместо Радомира, взамен виры за убитого. Поклянись, что до новгородских врат ты не поднимешь на него меча и не станешь оскорблять словом али жестом.

– Как же это, хозяин? – хмуро покосился в сторону Середина лучник. – А коли он меня зарезать захочет али поносить станет – мне и ответить нельзя?

– Он не станет, Урий.

– Я не подниму на него меча первым, хозяин, и не скажу бранного слова. Но коли он станет поносить или нападет, то я зарублю чернокнижника так быстро, что он не успеет закрыть своей поганой пасти.

– Клянешься?

– Не поднимать меча первым? – нехорошо улыбнулся Урий. – Клянусь могилой отца, хозяин, я не стану первым трогать колдуна, коли он не оскорбит меня словом или жестом.

Воин обнажил меч, поцеловал его и кинул обратно в ножны. А затем повернулся к Середину спиной.

– Радомир договаривался на три гривны кун серебром, – таким тоном, словно все уже решено, сообщил купец. – Стало быть, девять денег с меня задатка...

Новгородец растянул поясную сумку из толстой жесткой кожи, развязал один из лежащих в ней мешочков, ловко отсыпал девять монеток, похожих на новенькие российские рубли, взял Олега за руку, повернул ладонью вверх, сыпал деньги в нее:

– Так ты клянешься защищать корабль, товар и меня так, как только умеешь, покуда мы не войдем в ворота Новгорода?

– Что поделаться, – вздохнул Олег, сжимая кулак, – обещаю.

– Ага, – довольно кивнул парень. – Ну, тогда пошли на ладью. Нехорошо тебе, убивцу, на тризне живым гостевать. Ступай со мной.

Попав на палубу, Середин понял, что по размерам торговый корабль все-таки «Икарус» превышал, причем весьма заметно. Раза в два в поперечнике и примерно на столько же в длину. В центре ладьи, естественно, находилась широкая крышка трюма, укрытая куском парусины; мачта из цельного соснового ствола лежала вдоль левого борта, вытягиваясь от носа до самой кормовой надстройки. То бишь, до сарая, замеченного ведуном еще с первого взгляда. Кормовое весло, или руль, выступало тоже у надстройки, но по правую сторону. Ближе к носу борт заметно повышался, с высоты до пояса поднимаясь до уровня груди. От борта до борта был натянут изукрашенный холщовый навес, под которым лежало несколько тюфяков и сидели две девушки лет по двадцать в темных платьях, с синяками под глазами и со спутанными волосами. Любовод, ступив на палубу, повернул к ним, поставил свою так и не выпитую кружку с ломтем копченой рыбы между тюфяков, поманил ведуна:

– Идем, вещи положишь. Еды у тебя нет? Не протухнет? Припас лучше в носовой трюм кидать, там прохладнее.

– А это что за бабы? – кивнул в сторону девок Олег.

– Невольницы, – отмахнулся купец. – Взял полонянок немецких, дабы мужикам в пути не так скучно было. Коли заскучал в лесу, можешь побаловаться. Вот, сюда спускайся, там мешок сбрось.

Люк в кормовой трюм оказался за «сараем». Ведун спрыгнул в небольшую, пахнущую пылью и мышами, каморку от силы три на три метра, с полками во все стены и грудой пеньковых канатов в центре, снял мешок, кинул его в угол к еще нескольким котомкам и запоздало подумал, что, закрой сейчас парень крышку – и окажется он в плену, в ловушке без окон и дверей. Но купец недобрых мыслей не питал – даже руку протянул, чтобы помочь выбраться, – и Олег окончательно уверился в правильности своего решения. Лучше плохо ехать, чем хорошо идти. Пешком он еще наверняка нагуляется.

– И куда мы теперь плывем, Любовод?

– По Прикше до Белой, там мимо Любытина во Мсту выйдем, а уж она к самому Ильмень-озеру и приведет.

– Долго это?

– Да дня четыре потратим. Нам, главное, Любытин завтра спокойно пройти. Боярин, знамо, мыт истребовать захочет, да токмо я к нему торговать идти не хочу, потому и платить не стану. И ты с прочими ратниками тому должен стать порукой. Откель ты, кстати, колдун?

– Я не колдун, Любовод, – покачал головой Середин. – Колдуны – это те, что магией своей прибыток получить желают. Себя поднять, других припугнуть, злобу свою черную на слабом сорвать. А я – так, ведаю кое-что в этом деле, да пользуюсь, коли нужда заставит.

– Ведун, значит? – кивнул купец. – То ладно. Как желаешь, так и обзывайся. Токмо откель ты здесь взялся, Олэг? Знамо, места окрест болотные, хода ни конному, ни пешему нет.

– Хороший вопрос, – рассмеялся Середин. – Тебе подробно рассказать или вкратце?

– Ты мне правду скажи, ведун.

– Вкратце я тебе, Любовод, могу сказать только одно: никогда не шути с заклинаниями.

Купец задумался. Олег между тем отошел в сторону и уселся на теплые струганные доски, привалившись спиной к борту.

Нет, пожалуй, все получалось на удивление хорошо. Он за последние дни так ноги истоптал, что скоро и чувствовать перестанет. Почему бы не отдохнуть несколько дней? Особенно с

учетом того, что за время отдыха он попадет в славный город Новгород. Возможно, уже Великий.

Корабельщики закончили тризну где-то через час, бодро полезли на палубы. Некоторые сунулись было к девкам, но бородатый мужик в шелковой рубахе, занявший место у рулевого весла, грозно цыкнул:

– А ну, куда претесь, варяги бестолковые! На корму все, быстро! Мечеслав, Богдан, весла берите, от берега отталкивайтесь. Приготовились... Толкай! – И кормчий с силой навалился на весло, подворачивая корму к берегу.

Ладья, нос которой, благодаря переходу всех людей на корму, приподнялся, величаво качнулась, неожиданно громко зажурчала скользящая под киль вода, торопливо побежали вдоль борта, сменяя друг друга, двое корабельщиков, старательно отталкиваясь длинными веслами со странно узкими лопастями. Судно неспешно выкатилось на стремнину и начало постепенно набирать ход.

– Все, бездельники, можете валяться брюхом кверху, – разрешил кормчий, работая веслом. – Только и умеете, что баб портить да белорыбицу дармовую жрать.

– Да брось, деда Боря, – неожиданно воспротивился оскорблению один из молодых корабельщиков. – Пустил бы меня, да сам отдохнул.

– Тебя только пусти, – нервно дернул себя за бороду кормчий, шурясь на что-то впереди. – Река узкая, тут сноровка нужна немалая. Пустите ладью на дрова – на чем я домой вернуться стану?

– Деда...

– А ну, цыц! Не суйся под руку! – Кормчий несколько раз гребнул веслом, поворачивая корабль, и Олег понял, почему мачта ладьи была снята: всего в паре метров над палубой пронеслось склонившееся к воде дерево. – О следующем разе его, родимое, уже пилить станем. Ну, скоро вязь Тихорская начнется, легче станет.

– Хельгой меня зовут. – На палубу рядом с ведуном шумно уселся воин, которого всего полдня назад Середин огрел по голове кистенем – на железной шапке остались две довольно глубокие вмятины.

– Голова не болит? – Олег сунул руку в карман косухи, к кистеню.

– Не, не болит, – хохотнул корабельщик. – Благодарствую тебя, колдун.

– За что? – удивился Середин.

– Дык, по шапке дал, не по загривку. Мог и убить, да не стал. Это я, как оклемался, враз понял.

– Тогда не называй меня колдуном, Хельга, – попросил Середин, выкладывая руку обратно на колено. – Я не люблю колдовать, просто умею. Ведаю это мастерство.

– Ведун, значит, – понимающе кивнул воин. – А звать как?

– Олегом.

– Хелегом?

– Олегом, – поправил Середин.

– А меня Хельгой, – повторился корабельщик. – Коли ты вместо Радомира остался, то, стало быть, в один круг с нами сторожить попадаешь, с Урием и со мной.

– Что сторожить?

– Все едино. Кто на нос, кто на корму, кто возле трюма крутится. Днем-то и так догляд со всех сторон, да и ладья плывет. А коли ночь, так и приплыть кто может из ближней деревни, скрасть что с корабля. А лихие люди, коли появятся, так и вырезать всех могут, либо хазарам в невольники продать.

– Случается?

– Кто знает? Вода следов не бережет. Кто сплюшал, тот не расскажет. – Воин звонко прибил комара у себя на щеке. – Вот и вязь Тихорская. Скоро Белая начнется, можно будет мачту ставить.

Олег приподнялся и выглянул наружу. Оказывается, лес и вправду исчез, превратившись в чахлые березки, что торчали тут и там на сером мшистом просторе. Кое-где виднелись сосенки – однако и это были уродливые карлики. Прикша, перестав вилять среди обрывов, текла строго по прямой, словно кто-то по линейке русло для нее прорезал.

«Интересно, – подумал Середин, – это что же, дорога, по которой я из деревни двинул, в топь упирается?»

Получалось, что так. Впрочем, деревенские от такой жизни наверняка не унывали. Болота да вязи надежнее любого тына защищали их от всякого рода разбойников и бродяг, а самим в люди выехать – так летом на лодке можно, а зимой и вовсе по реке санным поездом.

– Эй, ведун! – появился из «сарая» хозяин ладьи. – Иди сюда, перемолвиться с тобой желаю.

– Ну вот, – вздохнул Олег. – Не успел наняться, уже «на ковер» вызывают.

Он даже не ожидал, насколько окажется прав. Широкое хозяйское помещение примерно четыре на четыре метра ковры устилали в самом прямом смысле этого слова. Пушистые бухарские, с ворсом в ладонь толщиной, лежали внизу, войлочные турецкие висели на всех стенах... Или Турции в этом мире не существует? Ладьи, помнится, были в употреблении давно... Очень давно... На них ушкуйники Золотую орду грабили, в Норвегию ходили, по Оби в дикие земли. В общем, не меньше тысячи лет в употреблении находились, по такому изделию точно датировки не добиться.

– Садись, Олэг, – указал купец на место перед расстеленной на полу скатертью, – угощайся, гостем будь. Дай, я тебе вина налью древлянского. Белорыбицы отведай итильской, мяса соленого.

– Спасибо, не откажусь...

Придержав ножны, чтобы сабля не попала под ноги, ведун опустился, взял небольшой ломтик рыбы, положил в рот... Слабо соленая рыбка оказалась настолько нежной, словно на язык попал только запах – пахнуло дымком, ощутился легкий привкус жирка, а рыбки-то уже и нет, растворилась, будто леденец. А вот вино было полной противоположностью: густое, как свежий мусс, оно пахло пряностями, вязало рот, точно черноплодка, и имело яркий вкус терпкого вишневого сока. Олег с огромным наслаждением выпил всю налитую кружку и собственноручно наполнил ее снова, тут же сделав еще несколько глотков.

– Ты ничего не чувствуешь на моей ладье, ведун?

– Я? – Середин пожал плечами. – Да вроде ничего.

– Совсем?

На этот раз Олег чуть помедлил с ответом... Нет, крест холодный, предчувствия никакого нет...

– Нет, ничего не чувствую.

– Видать, плохой ты ведун, Олэг, – вздохнул купец. – Проклята оказалась эта ладья. Вещий Аскорун, волхв ильменский, предрек кораблю сему игрушкой чар колдовских, чернобожских стать. Кружиться путями неведомыми, царствами живыми и мертвыми. А мне предсказал встречу с пучиной и обитателями ее вод, холодными и горячими.

Любовод нервно схватил кружку вина и осушил ее одним глотком. Потом расстегнул кафтан, грубо отшвырнул его в угол, оставшись в ярко-синей шелковой косоворотке с алым воротником. Похоже, зажатый глубоко в душе страх пытался вырваться наружу.

– Мы и к знахарке ходили, что при краде Перунской прижилась, и волхва просили беду отвести, колдунам серебром кланялись – никто беды отвести не берется. Пытался я знакомого одного опытного с собой зазвать – отказался. Да что знакомец, команда, как прослышала, раз-

бежалась вся! Токмо кормчий отцовский, Борислав, и не спужался. Корабельщиков пришлось двойным серебром сманивать, да и то только трое согласились. Судовую рать и вовсе из варягов набрал. Голытьба нищая, ленивая. Про вино токмо помнят, да невольниц вконец замучили, не продать дома будет. За серебро поначалу согласились, а сейчас норовят прибавки вытребовать, уйти грозят. Боюсь, сбегут, как случай станет. Четыре дня мне осталось до дома дойти. Коли и случится предсказание, то сейчас. Сегодня, завтра. Самое позднее – на Ильмене. Перед Новгородом, думаю, нечисть озерная шалить побоится, боги родные защитят.

– Что же ты сам поплыл в дикие земли, если такое предсказание получил?! – забыл про угощение Олег.

– Коли на роду утонуть написано, – с предельным фатализмом пожал плечами Любодов, – то от воды ни в подвале, ни под одеялом не скроешься. Все едино она тебя найдет. Чего прятаться?

– Это верно, – удивился Середин столь неожиданному слиянию покорности судьбе и безрассудной отваги.

Он встал, приоткрыл полог, посмотрел по сторонам. Мох, полудохлые березки, местами поблескивают болотные окна. И никуда здесь с корабля не выпрыгнешь, не убежишь. Хитер, однако, купец. Сразу про беду не сказал – подождал, пока новому знакомому деваться станет некуда.

– Вот, стало быть, Любодов, почему ты так рьяно уговаривал меня заменить на ладье Радомира! – оглянулся на парня Олег. – Тебе был нужен не воин, а колдун. Ты все еще надеешься снять проклятие, изменить судьбу.

– Ты поклялся защищать корабль и меня так, как только умеешь.

– Ну ты жук! – покачал головой Середин. – Что ни говори, а ты меня все-таки обманул.

– Если бы я рассказал тебе про все сразу, ты бы сбежал, – пояснил купец с таким видом, словно это умозаключение могло оправдать коварную хитрость.

– Жулик.

– Я заплачу тебе вдвое против уговора, коли поможешь добраться домой.

– Как долго еще будут тянуться болота?

– До речки Белой и еще полпути до Любытина. Ты хочешь убежать?

– Конечно, хочу, – взялся за кружку с вином Середин. – Только не могу. Во-первых, некуда. Во-вторых, я дал тебе слово... Хотя ты и мошенник. А я никогда не нарушаю своих обещаний.

– Я заплачу втрое.

– Хорошо. – Вообще-то «хорошо» относилось к просьбе помочь, а не к обещанию утроить вознаграждение, но поправляться Олег не стал. – А теперь, Любодов, помолчи немного, дай мне подумать.

Середин выдернул нож, отрезал себе еще кусочек рыбы, перекинул его в рот и полуприкрыл глаза, пытаясь разобраться в услышанном.

Итак, корабль должен стать игрушкой водяной нечисти, а его хозяин – сгинути в пучине. Скорее всего, второй пункт прямо истекает из первого, и потому позаботиться следует в первую очередь о корабле.

Ведун расстегнул молнию на своей сумке, заглянул внутрь. Мелки на месте. Можно просто очертить борт, защитив всех присутствующих на палубе, вот только... Только под водой никаких линий не проведешь, и днище ладьи останется в полном распоряжении нечисти.

– От, электрическая сила... – недовольно пробормотал Олег.

– Какие у тебя странные застёжки на сумке и поддопешнике, – перебил его мысли купец.

– Застёжки как застёжки, – пожал плечами Середин, – «молния» называется. Закрывает крепко, только работа очень кропотливая, пока каждый из маленьких замочков на свое место приклепаешь.

– Сам делал?

– Нет, – даже удивился ведун. – Купил готовую. Эти штуки на станках шлепают.

– Рабы?

– Нет, вольные ремесленники... – Олег понял, что так просто купец не отстанет, и решил послать его с бессмысленными расспросами куда подальше: – Это китайцы лепят. Такие, желтолицы и узкоглазые.

– А-а, те, что за большой Китайской стеной живут? – Любовод рассмеялся. – Да, и вправду китайцы. А я думал, у них токмо шелк выделяется.

– У них много чего выделяется. Ты хочешь, чтобы я ладью твою защитил, или нет?

– Извини, ведун, – запнулся парень, приложив руку к укрытой глянцевым шелком груди, – уж больно застежки странные.

– Ничего... – отмахнулся Середин, глядя, как купец доликает ему в кружку вино. – Много вокруг странного...

«Значит, – подумал он, наблюдая за темно-бордовым водоворотом у себя в кружке, – значит, угрожают нам твари водяные. Стало быть, их можно отпугнуть, сделав корабль для всех обитателей вод опасным. Примерно так, как ворон отпугивают, развешивая возле участков дохлых птиц. Правда, всякого рода болотников, водяных, русалок, анчуток обычной дохлой рыбиной на носу не проймешь... Но ведь энергетику смерти водяным тварям можно и усилить!»

– Мне нужны рыбы кости, – быстро начал перечислять ведун, чувствуя неожиданное возбуждение от возможности проверить на практике свои знания. – Еще лучше – рыба голова. Потом потребуются огонь, глина, чуток жира и масляная лампа. Масляная лампа есть?

– Конечно! – Купец торопливо поднялся, отошел к одному из выставленных вдоль стенок сундуков, откинул крышку и извлек нечто, похожее на чайник с очень длинным носиком. – А рыба у меня токмо соленая и вяленая.

– Пойдет, – кивнул Середин. – Теперь ищите место, где можно взять глину и развести костер.

К его удивлению, этот вопрос решился быстро и просто. Болота – это все ж таки не моря, островов на них хватает. Когда один из таких, покрытый не хилыми чахоточными деревцами, а высоким густым березняком, оказался неподалеку от пробитого течением русла, кормчий повернул ладью, и прочный, как сталь, киль из мореного дуба, прорезав толстый торфяной слой, уткнулся в берег. Купец и еще несколько корабельщиков вслед за Олегом выпрыгнули на поросший густой травой берег.

– Любовод, зажги лампу, запали от нее костер и сожги на углях рыбы кости и головы, которые есть, – распорядился ведун. – Мне понадобится только костная зола. А я пока глину поищу...

Глина для любого амулета требуется качественная: не слишком влажная, чтобы форму держала, без примесей песка или травяных корешков – иначе рассыплется, растрескается. Для начала Середин копнулся под корнями деревьев – но там обнаружился такой мусор, что расчистить его не было ни малейшей надежды. Тогда ведун спустился к берегу, разгреб поросший осокой торф, ковырнул дно – глина. Олег сместился чуть выше и над самым срезом воды с помощью ножа начал рыть норку шириной с руку. Поначалу глина шла пополам с корнями и даже прелой листвой, но сантиметров через двадцать превратилась именно в то, что нужно – в жесткую и сухую, но нерассыпчатую светло-коричневую массу. Набрав добрую горсть, ведун направился к пылающему неподалеку костру.

Явно повеселевший купец ворошил кривым суком собранные на острове сухие ветки, чтобы быстрее прогорали, и даже напевал что-то себе под нос. Шелковая косоворотка была растегнута полностью, из-под нее выглядывал тонкий шнурок с крохотной, не больше желудя, серебряной амулеткой.

– А это что? – кивнул на нее Середин.

– Это... – опустил глаза парень. – Амулет это мой, на удачу. Отец сказывал, мать подарила.

– А почему «сказывал»?

– Дык, не видел я матери ни разу, – поморщился Любовод. – И отец ничего говорить не хочет. Нянька, помнится, и вовсе подкидывшем меня называла, я пару раз слышал. Но то вранье. Мы с отцом похожи, прямо как братья. Разве по бороде и отличишь. Так что сын я его, точно сын.

– А посмотреть можно? – протянул было левую руку ведун – и тут же отдернул, испуганный внезапной болью у запястья. Освященный крест остыл так же мгновенно, как и раскалился, но кожа продолжала зудеть, не в силах забыть страшного ожога.

– Не дам, Олэг, – покачал головой купец. – Отец настрого запретил чужакам показывать.

– Ну, и не надо, – согласился Середин, потирая обожженное место. – Как головы, перегорели?

– Снизу лежат, усыхают, – снова поворошил хворост Любовод. – Как угли прогорят, так и они испепелятся.

– Ладно, подождем, – кивнул ведун, усаживаясь рядом. – Костер от лампы зажигал? Для талисмана важно, чтобы породитель силы выходил из одного источника.

– От лампы, – подтвердил парень.

– Давай ее сюда. – Ведун потушил лампу, из носика отлил на глину немного масла и принялся тщательно разминать. Все складывалось одно к одному: масло и источник силы для огня, и глину размягчить может, и не высохнет, как вода, не даст талисману потрескаться.

Со стороны ладьи послышался шлепок, плеск от тяжелых шагов. К огню вышел хмурый Урий, остановился, широко расставив ноги:

– Воины волнуются. Долго еще на болоте стоять будем? Комары здесь, и места недобрые.

– Я вам плачу не за вопросы, а за то, чтобы их не было, – резко отрезал купец. – Ведун о вас же заботится, корабль защитить хочет.

– Противно здесь, хозяин, – упрямо набычился варяг. – Ночь скоро. Как бы посереде вязи не остаться.

– Здесь скал нет, можно и ночью плыть, не разобьемся, – покачал головой Любовод. – Ступай. Как пора будет, так и тронемся.

Середин закончил разминать ставшую пластичной глину, взял у молодого купца палку, разворошил угли, кончиком ножа подцепил золу и мелкие кусочки полуобгоревших костей, пересыпал на сально поблескивающий комок у себя в руках. Сразу запахло паленым, глина стала матовой, темной. Ведун разделил комок на две половинки, расплющил их и кончиком ножа на каждом нарисовал символ гармонии – двойной круг, куда вписал большой треугольник, линии из вершины которого переходили в маленький треугольничек меж двумя окружностями. Поверх маленького треугольника Олег начертал обратный, отводя символику каббалистического знака в потусторонний мир, изобразил в центре похожий на петлю гистерезиса листок, символизирующий глаз. Затем выложил почти готовые талисманы в расчищенный центр кострища и начал наговаривать заклинание, одновременно нанося зарубки на стороны треугольников:

– Встану средь ночи, вылезу из печи, посмотрю на звезды, уйду под землю. Выгляни, Чернобог, в ночь темную, в ночь непроглядную. Открой своим слугам глаза, открой уши, открой нюх. Пусть они галдят-веселятся, над путниками насмеются, с колдунами встречаются, болотниками советуются, а беды опасаются. Не пусти, Чернобог слуг своих верных к беде-пропаже, костру жгучему, кости колючей, золе чихучей. Аминь!

Наверное, для язычника Любовода последнее слово показалось странным, но для заклинания оно требовалось не как символ веры, а как энергетическая точка, замыкающая наговор.

– Что теперь? – опасливо прошептал купец.

– Почти все. – Ведун подобрал готовые талисманы. – Теперь возвращаемся на ладью.

На корабле Олег пробрался под пологом на самый нос, сдвинув край ткани, выглянул наружу и, встав на специальную приступку, аккуратно срезал ножом нижнюю часть одного талисмана, приклепнул его открывшейся масляной сердцевинной резной голове лебедя на макушку, а затем, кроша отрезанной частью вдоль борта и нашептывая себе под нос наговор, быстро пробежал на корму, приклепнул второй талисман на кормовой доске, выступающей вверх уже без всяких украшений. Завершая линию защиты, раскрошил отрезанный от второго талисмана край вдоль второго борта.

– Все! – с облегчением перевел он дух. – Теперь нашему кораблю никакая водяная нечисть не страшна.

– Чему быть, того не миновать, – высказал неожиданную сентенцию молодой купец и махнул кормчему: – Отчаливай, деда Боря!

И опять все люди перешли на корму, двое корабельщиков веслами отпихнулись от острова, выталкивая ладью на стремнину. Корабль подхватило течение и стало старательно разгонять в сторону недалекого Новгорода.

– Эй, варяги, – застегивая рубашку, распорядился Любовод. – Щиты на борта вывесите, да оружие приготовьте, луки держите на виду. Мимо Любытина поплывем, как бы боярин чего недоброго не учудил. Мыслью я, коли среди топи ночевать не хотим и ночью поплывем, так и город в темноте миновать станем. Кабы не учудил чего спросонок боярин-то...

Плавнo покачиваясь, несмотря на полное отсутствие волн, ладья катилась по темной полосе воды, прочерченной меж серых просторов Тихорской вязи. Солнце постепенно влеклось к закату; тихий плеск из-за борта, ритмичное женское попискивание с носа корабля навевали усталую дремоту.

«Да, в общем, и не удивительно, – подумал Олег, возвращаясь на свое место рядом с Хельгой, – день сегодня выдался долгий...»

Он прикрыл глаза, собираясь немного отдохнуть, а когда его тронули за плечо, с удивлением обнаружил, что вокруг стоит глубокая ночь.

Воздух наполняла приятная прохлада, с чистого безоблачного неба за путниками следила огромная, чуть желтоватая полная луна, окруженная тысячами ослепительных, словно отблески электросварки, звезд.

– Наша очередь, Олег, – негромко сообщил варяг. – Урий на носу уже стоит. Тебе, стало быть, на корму. На рассвете в круг Оскар выйдет, с Вальтером и Глебом.

Середин, зевнув с риском вывихнуть челюсть, поднялся, поправил саблю, пригладил волосы и, зевнув еще раз, отправился в сторону сарая.

На руле стоял не старый, умудренный опытом Борислав, а тот самый мальчишка, что предлагал ему утром помощь. И рулил он не как дед, а постоянно работал веслом, словно венецианский гондольер. Гребок, чуток подправил направление движения. Гребок – опять подправил. Правда, делать это у паренька получалось совершенно бесшумно, и ночную тишину разрывало только осторожное шипение воды за бортом. Болото, похоже, сменилось редколесьем – в неясном лунном свете по обеим сторонам реки проплывали крупные, кажущиеся в сумерках тяжелыми и массивными, кроны деревьев. Однако же до густого соснового бора, присущего сухим местам, берегам было далеко. В воздухе время от времени проносились темные силуэты, но крест у запястья не грелся. Либо просто летучие мыши комаров отлавливали, либо заклятие не давало болотной нечисти приблизиться на опасное расстояние.

– Ты не спишь, колдун? – При виде Урия рука Середина невольно дернулась к рукояти сабли. – Иди на нос, теперь твое время на ветру стоять. А я тут за стеночкой отдохну.

Олег немного поколебался, но решил не спорить: почему, действительно, местами не поменаться, чтобы все было по справедливости? Стараясь не топтать, он прошел по палубе

вперед, перешагивая через тела спящих воинов и корабельщиков – спальных отсеков на ладье не предусматривалось, – кивнул облокотившемуся на борт Хельге, поднырнул под навес и выбрался возле коричневого «лебедя», украшающего нос. Уселся на подставку, с которой добирался до головы носового украшения. Здесь вода не шипела, а мерно шелестела, словно днище скользило по густой траве. Идеальная гладь реки казалась отлитой из обсидиана, и только пробегающие изредка водомерки подсказывали, что здесь существует обыкновенная, земная жизнь.

Послышался негромкий всплеск, над водой начали клубиться струйки тумана. Они тянулись к кораблю, словно призраки гигантских анаконд сошлись вместе, выросли выше головы, и буквально за пару минут корабль исчез в густом тумане.

Под тентом запыхтели, из-под ткани высунулся варяг:

– Ты это, колдун... Коли препятствие увидишь, ори сразу. Токмо не «Бревно!» али «Камень!» – а где торчит. Там: «Справа!», «Слева!». А то кормчий не поймет, куда отворачивать.

– В таком тумане нужно не отворачивать, а в дрейфе лежать.

– Дык, дно мягкое, русло прямое... Проскочим.

– Нужно было не от нечисти, а от дурости заговор делать, – покачал головой Середин.

– Что, есть такое? – удивился Хельга.

– В том-то и дело, что нет, – вздохнул ведун. – Ладно, иди. Я все понял.

Варяг исчез под пологом, оставив впередсмотрящего наедине с туманом и журчащей водой. Олег, изо всех сил напрягая зрение, всматривался вперед, но ничего не происходило. Мерно журчала вода, накатывались, чтобы уйти за борта, низкие берега, изредка проносились над водой стремительные тени, старательно пели в болоте лягушки. Мир вокруг пах влажностью и спелой брусникой. Хотя для таковой по календарю было еще слишком рано...

Наконец туман начал светлеть. Запели утренние птицы, налетел отдохнувший за ночь ветер. Из-под полога появился бородатый детина в черной войлочной тубетейке, укрывающей любовно выбритую лысину.

– Все, гуляй, колдун. Моя очередь.

* * *

Когда Олег проснулся, над рекой все еще висел густой туман. Все, что находилось за пределами ладьи, растворялось в светлой пелене, вяло покачивающейся, но и не думающей рассеиваться. Желудок недовольно заурчал, напоминая, что неплохо бы и позавтракать. Ведун поднялся, отправился к хозяйской каюте:

– Тук-тук, – шлепнул он пару раз по пологу. – Можно?

– Да. – Полог почти сразу откинулся, купец выглянул наружу: – Все еще висит? Мы, часом, не умерли ночью, ведун?

– Не знаю как ты, Любовод, – покачал головой Олег, – а я еще жив.

– За что же великий Стрибог обиду на нас держит? Может, обидел ты его действием своим, ведун?

– Разве могли светлые боги обидеться за то, что ты сохранил свою жизнь и добро, Любовод?

– Не знаю... – Купец скрылся в сарае, но почти сразу вернулся с кружкой и горстью сушеного мяса в руках, подошел к борту, несколько раз плеснул в воду понемногу вина: – Тебе, Стрибог, вам, Тур и Велес, тебе, великий Сварог.

Вслед вину парень высыпал сушеное мясо, а остаток вина допил. Наклонился через борт, сильнее, сильнее... Середин метнулся к нему, в последний момент перехватил за пояс, ворот, рванул к себе:

– Ты чего, купец?!

– Я?! – удивленно выдохнул Любовод, отер покрытый испариной лоб. – Не знаю... Вода там течет и течет... Поманило... – Он снова тяжело выдохнул: – Благодарю тебя, колдун. Я ведь чуть не того...

– Не колдун я, – напомнил Олег. – Есть чего-то захотелось. Как там, в кормовой трюм заглянуть можно или разрешение нужно спрашивать?

– Да смотри, – махнул рукой купец. – У нас на ладье татей нет, мы за добро не боимся. Нет, постой... По уложению, я всех корабельщиков кормить должен.

– Это неплохо, – кивнул Олег. – Только у меня там курица запеченная. Будет жалко, коли испортится.

– Ну, смотри... – Купец оглянулся на борт ладьи, шагнул было к нему, но вдруг резко замотал головой и торопливо метнулся в каюту.

Середин обошел кормовой сарайчик, прыгнул в люк, почти на ощупь нашел там свою заплечную суму, развязал, достал глиняный ком, выбрался на палубу, вернул крышку на место, расколол глину прямо об него, а потом принялся неторопливо извлекать уже холодные, но от того не менее вкусные кусочки, выбрасывая обгрызенные кости прямо за борт. В конце концов, кости – это не стекло. Это мусор естественный, природой легко усвояемый.

– Глина, кстати, тоже не полиэтилен, – добавил он, закончив с едой, и вышвырнул туда же осколки.

Снаружи продолжала тихонько шуршать вода, радостно пели птицы, словно грелись на ласковом полуденном солнышке. А на палубе было сыро и довольно прохладно.

– Кончится это когда-нибудь или нет! – слышался недовольный голос. – Кормчий, к берегу поверни! Хоть костер разведем да солонины обжарим!

Ответа не последовало, однако звук изменился. Шорох сменился веселым журчанием, корабль качнуло. Середин взял рукой за борт, ожидая толчка, но ничего не происходило. То ли кормчий не стал поворачивать, то ли... Русло стало шире?

Олег обогнул кормовой сарай, дошел до навеса, глядя вперед, но никак не различал ни перед изогнувшим деревянную шею «лебедем», ни по сторонам ни деревьев, ни кустарников. Ничего, кроме воды...

– Эй, Борислав! Хватит версты отмерять, жрать хотим! – слышался уже другой голос.

– Ничего не понимаю, – негромко, но вполне различимо пробормотал кормчий. – Здесь никогда не встречалось разливов.

– Ты никак заблудился, дед? Мы десять дней назад сюда заплывали! Нет на Прикше озер. Хватит баловать, поворачивай к берегу!

– Мечеслав, Богдан! – с неожиданной злостью закричал Борислав. – Весла берите! Не видите, ладья руля не слушается. Славомил, Игорь, тоже шевелитесь!

Только теперь Середин понял, что отверстия в бортах на уровне палубы предназначены отнюдь не для слива воды во время шторма, а являют собой обычные уключины. Четверо корабельщиков, просунув каждый по лопасти в эти дыры, начали дружно и с видимой натугой загребать. Вода зажурчала громче. Борислав толкнул лопасть от себя, корабль ощутимо качнуло в сторону. Но ожидаемого толчка килем о берег все еще не было.

– Что тут за крики? – появился из надстройки Любовод, запахиваясь в теплый кафтан. – Деда Боря, ты что творишь?

– Берега нет, Любаша, – хрипло ответил кормчий. – В обе стороны рулил, саженой по сто от стремнины отошли. А тут в реке и десяти не наберется. Нет берега, и не видно ни зги.

– Может... – запнулся купец. – Может, затор впереди? Река разлилась?

– Как ни разливайся, а березки с макушкой-то не скроешь, Любаша. Опять же, кончатся пора Прикше. И Белой бы пора. Ан ни Любытина, ни Мсты не видать.

– Эй, колдун, – выбрался из-под полога Урий. – А скажи честному человеку, что ты здесь вчера волхвовал? Уж не о тебе ли хозяйского сына вещий Аскорун упреждал? Ты куда нас загнал, колдун? Кому души наши продал?!

– Я? – растерялся Олег. – Да я же защитное заклинание творил...

Ш-ш-ш-ш-ш-ших-х-х – зловеще прошептало извлекаемое из ножен железо. И клинок обнаженный блеснул в руках еще вчера такого дружелюбного Хельги.

– Е-мое... – попытился Середин и уперся спиной в рукоять висящего на краю борта щита. – Честное слово, защитное делал...

Но тут он заметил на губах Урия злорадную усмешку, и в сознании словно шелкнул переключатель: ночь; сперва варяг стоял на носу, потом перешел на корму.

– Стойте!!! – Ведун вскочил на борт, задевая щиты ботинками, пробежался до деревянного «лебедя», провел рукой сверху... – Где он?! – Мгновенно улетучились сомнения, вернулась уверенность в своих силах. – Где мой обоженный на огне талисман?! И что это за сырая грязь?

Ведун швырнул в толпящихся на крышке трюма воинов шлепок сырой глины, спрыгнул на палубу и, отпихнув попавшихся под ноги невольниц, проскочил под пологом.

– Это ты! – указал он пальцем на Урия. – Это ты, баран, кретин безмозглый, дерево тупое, ты талисманы ночью снял! Хотел...

Завершить свою мысль Олег не смог, поскольку варяг, взыв, как раненый медведь, выдернул меч и кинулся в атаку. Корабельщики шарахнулись в стороны, а ведун еле успел наклониться, проскользнуть под тяжелым клинком и, выдергивая саблю, сорвать с борта один из щитов.

– А-а-а! – Урий мутузил щит с такой силой, словно держал в руке не полупудовый меч, а легкую шпагу.

Удар – и одна из досок, из которых был собран щит, раскололась вдоль. Еще удар – и в руках Середина осталась только рукоять с двумя медными заклепками. Хорошо понимая, что легкой саблей остановить падающий на голову остро отточенный лом невозможно, ведун опять увернулся, сцапал другой щит. Как назло, все заклинания мгновенно выветрились из головы.

– А-а-а! – снова взревел варяг, кидая вперед свой клинок, и Олег еле успел прикрыться собранным из легких тополиных досок диском.

Однако неудачно: вертикальная рукоять, скрепляя две половины, вынуждала Середину держать доски горизонтально, и первый же тяжелый удар обломил верхний край до крепежной заклепки. Урий кинул меч поперек – ведун едва успел присесть, пропуская со свистом режущее воздух железо над головой, и, пользуясь моментом, попытался достать врага своим длинным клинком. Однако варяг с неожиданной ловкостью отскочил, снова рубанул из-за головы, нарушая все правила рубки на мечах, – и щит опять разлетелся на куски. Олег кинул обломки врагу в лицо, выигрывая драгоценные мгновенья, метнулся через палубу, распугав жмущихся в стороны зрителей, схватил еще один щит – на сегодня уже третий.

– Иди сюда! – Тяжело вколачивая ноги в корабль, двинулся за ним варяг, взмахнул мечом.

– А так... – Повернув щит досками вертикально, ведун подпернул его к себе, гася удар, и сверкающий клинок не разрубил диск в куски, а вошел в него сантиметров на двадцать, прочно застряв в дереве. Олег отпустил щит – неожиданная тяжесть дернула меч к палубе, и Середин, вложив в удар всю свою силу, толкнул саблю вперед в открывшееся тело.

Оружие вошло по самую рукоять – видимо, выйдя из тела с другой стороны. Ведун отступил, выдернул клинок и резко им взмахнул, стряхивая кровь. Варяг гулко упал на колени, оперся руками, пытаясь удержаться в вертикальном положении.

– Радомир... – прошептал он. – Радомир, прости...

Руки не удержали тяжести, согнулись в локтях. Урий упал лицом вниз, но смог найти в себе силы и перевернулся на спину. Нашел глазами купца:

– Любовод... Я не нарушил... Он меня оскорбил...

– Да, ты сдержал клятву, – подтвердил купец. – Твоя совесть чиста.

– Меч... Мой меч...

Олег поднял щит, грохнул им о палубу, освобождая засевший клинок, подобрал меч, вложил его рукоятью в руку варяга.

– Радомир... – улыбнулся воин, с неожиданной силой сжимая рукоять, и облегченно вздохнул.

– Душа ушла... – кивнул купец. – Не знаю, найдут ли жаворонки ее в этом тумане, но он умер с мечом в руке. Этого достаточно в благодарность за уничтоженные обереги. Теперь выбросите тело за борт и отмойте палубу от крови. Тризны не будет.

Любовод отошел к борту, положил ладонь на грудь, с силой ее потер.

– Как тут душно... Ведун, теперь ты сможешь избавить нас от этого проклятого тумана?

– Тумана?... – Олег поднял глаза к небу, задумчиво потер подбородок. – Похоже, какая-то нечисть лишает нас света. А значит...

И опять в его душе появился уже знакомый азарт: получится, не получится?

– Ладно, пусть будет туман... А скажи мне, купец, ведь у тебя есть чернила?

– Сейчас...

Тело варяга с тяжелым плеском ухнулось за борт, безусый корабельщик выплеснул на палубу пару кожаных ведер воды, и еще не успевшая свернуться кровь безропотно потекла за борт.

– Вот, держи, ведун... – вернулся из своего сарая Любовод и протянул деревянный цилиндр, закрытый пробкой. – Перо нужно?

– Давай. – Середин распотрошил верхнюю часть гусяного пера, отошел на сухое место, опустился на колени. Выдернул из чернильницы пробку, макнул внутрь верхнюю часть пера, решительным движением нарисовал почти правильный круг, внутрь вписал двойной крест. – Весь мир, на все концы света... – Он перевернул перо, ткнул в чернила его нижнюю, рабочую часть и принялся старательно, аккуратными буквами выписывать по окружности имена богов русской земли, одновременно наговаривая: – Встану на заре, выйду из дома, выйду красными дверьми, широкими воротами. Пойду в чисто поле, на высокий берег, на быстрый ветер. Красива заря в небесах, красива земля в ногах, силен ветер в волосах. Ой, вы, Сварог и Сваргиня, Ладо и Лилия, Белбог и Белгиня, ой, ты матушка Триглава и прекрасная Макошь. Вы ли мир создавали, детушками населяли. Так покажите нам воду глубокую, небо высокое, берег далекий...

Вписав последнее имя, Олег поднял голову. Туман продолжал стоять, словно непробиваемая стена. Корабельщики томились у бортов в ожидании чуда, переминались, облизывали пересохшие губы. Туман оставался на месте, и это означало, что что-то сделано не так.

– Мир создавали, детишками населяли... – тихо проговорил про себя Середин, и его осенило: душа! В раскрывающем глаза знаке не хватало символа души! – Мне нужна кровь! Кровь невинного человека!

Воины непонимающе переглянулись.

– Кровь невинного человека... – лихорадочно соображал ведун. – Невинного... Электрическая сила! Невинного... Невольницы! Они подойдут!

– Невольницы? Невинные? – не поверил своим ушам кто-то из варягов.

– Да! – раздраженно рявкнул Олег. – На них нет греха убийства и насилия! Он на вас. Тащите их сюда!

Сразу несколько человек кинулись на нос, оттуда донесся жалобный вой. Мгновение спустя к выписанному на палубе знаку приволокли сразу обеих рабынь, почему-то обнаженных.

– Нет! Не нужно! Пощадите! Не надо, прошу вас! – кричали они на два голоса, но мужчины умело поставили их на колени, вынудив склониться над кругом. Хельга выхватил меч, прижал клинок к горлу одной из жертв:

– Куда резать?

– Не надо! – По лицу женщины текли крупные слезы. – Нет, прошу, умоляю...

– Ты чего? – несколько опешил Середин. – Зачем горло? Хватит пары капель!

– Да? – На лице варяга появилось выражение искренней обиды.

– Конечно. Ты же весь оберег кровью смоешь. Пару капель – сюда, в центр креста.

Воин перехватил руку невольницы у локтя, вытянул вперед, чиркнул лезвием по тыльной стороне ладони, перевернул ее разрезом вниз. Женщина, тихонько всхлипывая, не сопротивлялась.

– Встану на заре, выйду из дома... – торопливо забормотал ведун, – ...небо высокое, берег далекий... Открой!

Крупная капля отделилась от руки, упала вниз, расплескавшись в стороны десятком крохотных точек, и с окружающего мира словно сдернули покрывало...

– Ура-а-а!!! – взревели два десятка луженых глоток.

– А ты молоток, ведун, – тихо добавил Олег, и гордость, которую он испытывал в этот момент, стоила куда дороже даже десятикратного оклада воина судовой рати.

Правда, крик радости погас довольно быстро, поскольку люди обнаружили, что находятся в самом центре большого вытянутого озера. В свете безоблачного дня были хорошо различимы серые просторы болот вдоль широких берегов водоема, узкие же окаймлялись лесными опушками.

– Клянусь валгаллой, – пробормотал Хельга. – Колдун, куда ты закинул нас на этот раз?

– Я знаю, куда, – неожиданно подал голос Борислав. – Несколько лет назад мы отсиживались здесь от полочан, когда взяли у них несколько ладных девок и десятков ребятишек на продажу. Это Паницкое озеро. Отсюда протока до Мсты идет, часа три ходу. Деревня Кривое Колено верстах в пяти за топью будет. А до Ильменя два дня пути.

– Жарко-то как, – скинул кафтан купец. – Может, искупаемся, да и тронемся во имя Хорса?

– Куда тут, Любаша? – покачал головой кормчий. – Глубина тут неведомая, а по берегам – топи. Нехорошее здесь место. Потому и не селится никто.

– А я хочу! – упрямо топнул ногой хозяин.

– Э-э, ты чего, братишка? – Середин подошел к купцу, осторожно обнял за плечи, отвел в кормовую надстройку и уложил на ковер. Налил из стоящего на сундуке кувшина кружку вина, поднес к губам: – Вот, выпей маленько. И отдохни.

– Хватит валяться, бездельники, – послышался снаружи зычный голос кормчего. – А ну, хватай мачту, да в гнездо опускай! Хватит болтаться, как дохлая крыса на воде, пора и парус на ветру проветрить!

– Как душно, – откинул голову на ковер Любовод. – Ведун, сделай милость, откинь полог.

Олег, выйдя из надстройки, зашвырнул тяжелый шерстяной полог, заменявший дверь, на крышу сарая. Оглянулся. Купец, тяжело дыша, закрыл глаза.

На палубе тем временем корабельщики заканчивали устанавливать мачту с похожей на трезубец верхушкой: четверо привязывали растяжки на носу и корме, еще двое деревянными колышками закрепляли основание в гнезде перед крышкой трюма. Парнишка, ночью заменявший кормчего, не дожидаясь конца работ, уже лез вверх с двумя хорошими веревками в зубах. Оставшиеся корабельщики тем временем подносили толстую – с человеческое бедро – балку, к которой несколькими шнурками была прихвачена парусина.

– Держи! – Мальчишка перекинул веревки через выемки трезубца, бросил концы вниз, заскользил следом.

Корабельщики распустили шнурки, дружно отбежали назад, к надстройке, схватились за веревки.

– А ну, дружно!

Они потянули в десять рук. Поперечный брус дрогнул и пополз вверх, вытягивая за собой серо-коричневый парус с огромным, вписанным в круг, крестом, концы которого оканчивались птичьими лапами. Ткань пару раз недовольно хлопнула, словно просыпаясь, после чего выгнулась под напором ветра, туго натянув привязанные от углов к борту прочные пеньковые канаты. Натужно скрипнула мачта, слегка наклонилась вперед. Из-за борта слышался сперва шорох, потом плеск, который быстро перешел в торопливое журчание.

– Милостью Сварога али злобою ночной Сречи, однако же любытинскому боярину нас не видать, – сообщил кормчий, правя корабль носом на солнце.

– Не может быть, деда, – удивился парнишка-кормчий. – Как же мы мимо прошли?

– А кто его знает, – пожал плечами Борислав. – Видать, есть путь и помимо Мсты. Вязи здесь неоглядные. Коли здешнее болото до самых Тихорских топей тянется, так и не удивлюсь. Сиречь, одна и та же трясина и есть.

Середин увидел, как купец зашевелился, встал. Двинулся наружу. Олег хлопнул по плечу ближнего воина, жестом поманил за собой и двинулся в сторону хозяина корабля.

– Я так разумею, деда Боря, – с умным видом разглагольствовал паренек, – мы в тумане в протоку какую попали. Что сверху слегка заросла, но плыть все-таки не мешала.

– А я так мыслю, – ответил кормчий, – что негоже странность сию поминать, коли не хочешь на наши головы новую напасть накликать. Побаловала нечисть, да отпустила. За то Стрибогу наш поклон, а Сварогу уважение.

Любовод остановился у борта, замороженно глядя в бегущую мимо воду, начал наклоняться вперед.

– Держи! – Олег первым метнулся вперед, сбил его на палубу, не дав кувыркнуться наружу, и прижал к доскам.

– Жарко! – заметался купец. – Жарко, пусти! Хочу воды! Пустите! Воды хочу.

– Да держи же ты! – рыкнул на варяга Середин. – А то вырвется и в воду сиганет. Похоже, жар у него. В прохладу, за борт тянет. За ноги бери, помоги в каюту оттащить.

Вдвоем они донесли мечущегося, словно в беспамятстве, парня назад в надстройку, положили на ковры.

– Пустите! – продолжал вырываться Любовод. – Купаться хочу... Жарко... Душно, пустите.

– Уксусом его растереть нужно, – предложил воин. – Потом укрыть и бабу подложить, дабы согрела.

– А есть уксус-то?

– У деда Бори надобно спросить, он про товар более моего ведает.

– Жарко! – неожиданно выгнулся дугой купец.

От неожиданного толчка Середин отлетел в угол – а когда снова вскочил на ноги, то увидел, что Любовода уже в дверях поймал варяг, обхватив сзади за грудь и удерживая на весу.

– Постой, хозяин... Ты куда...

Ведун подбежал на помощь, и вдвоем они снова уложили купца на ковер.

– Тебя как звать-то? – переводя дух спросил Олег.

– Оскаром, колдун.

– Я не колдун, просто ведаю поболее вашего, – мотнул головой Середин. – Так что с хозяином делать станем, Оскар? Я смотрю, от жара совсем обезумел.

Варяг помялся, потом сунул руку за пазуху, вытащил несколько тонких кожаных ремешков. Вопросительно взглянул на Олега. Тот кивнул. Вдвоем они перевернули Любовода на

живот, завели руки за спину, связали. Потом прикрутили ноги одну к другой. Отступили. Купец пару раз выгнулся дугой, перекатился с боку на бок, затих. Глаза его увлажнились:

– Пустите меня. Именем Макоши и Триглавы прошу... Отпустите... Жарко мне... Хочу воды, хочу искупаться.

– Потом как-нибудь искупаешься, – отер лоб Середин. – Когда не так жарко будет. А мы тебя сейчас для успокоения уксусом натрем.

Они с Оскаром вышли наружу и обнаружили, что возле надстройки собрались почти все корабельщики ладьи. Да оно и не удивительно, учитывая то, какие сцены только что устраивал купец.

– Чего это с ним? – поинтересовался Хельга.

– Приболел хозяин, – ответил Оскар. – Уложили мы его пока остыть. Натрем уксусом, дадим вина, приведем невольницу. Глядишь, к утру в себя придет.

– А чего же колдун не вылечил?

– Слушайте, ребята, – попросил Олег, – дайте и мне дух перевести. Я как проснулся, только тем и занимаюсь, что либо дерусь, либо колдую. Опять же и знахарских снадобий у меня с собой нет. Подождем чуток – может, и сам оклемается. Мужик – кровь с молоком, ничего с ним не сделается. И вообще, я бы пожрал, а? Как вы на это смотрите?

– Я бы тоже, – отозвался от кормового весла Борислав. – Сейчас к протоке выйдем, там и причалим. Огонь разведем, жертву принесем богам за избавление. Тут в озерце и полуверсты в ширину не будет, быстро проскочим.

– А уксус есть на корабле? – поинтересовался ведун.

– Причалим сейчас, все, что надобно, отыщем, – ответил дед, и это обещание удовлетворило всех.

Середин присел на палубу, лицом к солнцу, отвалился спиной на борт и закрыл глаза, выпитывая ласковое тепло.

Наверное, на некоторое время он провалился в дремоту, поскольку, когда его затрясли за плечо, тень от мачты отползла от его ног до матерчатого навеса, хотя нос корабля по-прежнему смотрел на край далекого леса. Бодро журчала за бортом вода, ветер старательно наполнял парус. Однако...

– Дед, ты чего, – окликнул кормчего Олег, – по кругу плаваешь?

Борислав промолчал, а вот Хельга отозвался неприятным смехом:

– Ты смотри, заметил! Да мы уже полдня под полным парусом идем, да ни на сажень не сдвинулись!

– Да ну, не может быть... – Ведун поднялся, выглянул за борт.

Нет, на месте они не стояли – вода уносилась за корму с приличной скоростью, мелькали перед глазами сухие иголки, листья, лохмотья водорослей и прочий озерный мусор. До берега на глазок оставалось метров сто, и... Олег выждал, глядя на полузатопленный прибрежный ивняк. Минута, другая... Пятая... Нет, как было сто метров, так и осталось. Ладья мчалась словно по беговой дорожке: как не беги, а все одно никуда не денешься.

– Вот тебе и ква, – пробормотал ведун себе под нос. – Это еще что за фокусы? Встречного течения быть не должно, мы же не на реке...

– Ну, что скажешь? – Хельга тряхнул Середину за плечо.

– Этого не может быть!

На этот раз гнусно захохотали уже несколько варягов.

– Самый умный, да? – высказался Борислав, зашелестев шелковой рубашкой. – Как ты на ладью попал, так у нас сразу беды и начались.

– За борт его, и вся недолга, – непринужденно предложил кто-то из-под навеса.

– За борт чернокнижника! Это из-за него все напасти! – подхватил кто-то еще. – К русалкам колдуна!

– Вы чего, сдурели? – Ведун положил руку на рукоять сабли. – Не на мне, между прочим, проклятие лежало, а на вашей посудине.

– Жарко! – из кормовой надстройки послышался громкий стук. – Воды!

– А ведь точно, мужики, – оглянулся на выбирающихся из-под навеса варягов Хельга. – На купце нашем проклятие лежит. Его водяная нечисть к себе зовет. Вон, как мечется.

– Отдать его водяным нужно, – тут же согласились еще несколько варягов. – Тогда они нас отпустят.

– Вы чего, ребята? – не поверил своим ушам Олег. – Как можно живого человека за борт? Он же хозяин ваш, ребята!

– Хозяин воды его зовет, колдун, – подвел итог Хельга. – Не тебе с ним спорить.

– Да вы чего... – Середин отступил на пару шагов перед напирющими корабельщиками и, не видя другого выхода, обнажил клинок. – Вы что, забыли, что защищать Любовода и корабль его клялись?

– Вот мы ладью и спасаем. – Хельга, вместо того, чтобы хвататься за меч, снял с борта щит. – Не мешай, ведун. Твоей крови мы не хотим.

Еще несколько варягов взялись за щиты, и за считанные мгновения перед Серединым появилась прочная деревянная стена. Край на край, упор на плечо – все в точности так, как он сам учил в клубе новобранцев.

– Деда Боря, – оглянулся за поддержкой на кормчего Олег. – Скажи ты им!

– Я, колдун, супротив богов не пойду, – покачал головой Борислав. – Судьба у Любовода такая, сам вещий Аскорун ее предрекал...

– Не пушу! – Середин отступил к самой надстройке, встал в дверях. – Не дам человека по дурости жизни лишать.

– Навались! – скомандовал Хельга, и на ведуна двинулись сразу несколько щитов.

Олег рванулся навстречу, попытался уколоть саблей поверх деревянной стены, а когда щиты дернулись вверх, резко присел, рубанул понизу. Однако опытные в рукопашных схватках варяги ловко убрали ноги из-под ударов, притоптывая, словно в пляске, прикрывали головы, медленно, но верно оттесняя ведуна к рулевому веслу.

– Спасибо, Оскар! – Из дверей надстройки вышел варяг, пряча нож в ножны, а следом на нем, откидывая перерезанные путы, Любовод.

Корабельщики отхлынули от Середина, следя за тем, что будет дальше.

– Жарко-то как сегодня, – расправил плечи купец, рывком поднялся на борт, на мгновение замер.

– Не-ет!!! – кинулся к нему ведун, но Оскар дал Олегу по ногам и тот, споткнувшись, покатился по палубе.

Любовод качнулся вперед, толкнулся ногами. Послышался громкий всплеск.

– Стой! – Середин вскочил, кинул саблю в ножны, сделал пару глубоких вдохов и, опершись руками о борт, сиганул следом.

Вода на миг обожгла лицо холодом, после чего мокрыми щупальцами принялась забираться под свитер и футболку, в штаны, в ботинки. Олег запоздало подумал, что обувь следовало снять – но теперь менять что-либо было поздно. С трудом различая в полупрозрачной озерной воде покорно уходящего в глубину Любовода, ведун гребнул воду руками, раз, другой, потянулся к совсем уже близким сапогам – как тут что-то серебристое мелькнуло сбоку, и он ощутил сильный удар под мышку. Изо рта вырвались пузыри воздуха, Олег задергался – тут его кто-то дернул за штаны, крутанул вокруг своей оси. Середин почувствовал, что начинает задыхаться, и, предоставив купца своей судьбе, рванулся к поверхности...

Не тут-то было: нога зацепилось за что-то тяжелое, увлекающее вниз. Олег пару раз пнул это «нечто» свободной ногой, отцепился, но тут его потянули в сторону за ремень, толкнули в затылок. Чувствуя, как легкие режет от недостатка воздуха, ведун развернулся... И вдруг уви-

дел прямо перед собой женское лицо. Сил удивляться не оставалось... Легкие сделали рефлекторный выдох, выпустив к поверхности вереницу пузырей, – и тут женщина прильнула к нему в жадном поцелуе. Легкие сделали вдох – а Середин почувствовал, как вся грудь наполнилась смертельным, непереносимым холодом. Он приготовился к тому, что сознание сейчас погаснет... Как ни странно, никакого страха ведун не чувствовал. Только обиду за то, что все закончилось так быстро и глупо...

Однако ничего не происходило: глаза видели, сердце стучало, руки двигались. Женщина отодвинулась, улыбнулась, нырнула вниз. Вконец очумевший Олег сунулся было следом – но его опять дернули за ногу, за ремень, пнули в бок, дернули за ухо. Потом толкнули вверх. Точнее, поволокли за ногу, отпустив только под самыми волнами. Середин извернулся, гребнул обеими руками, прорываясь к поверхности и... Обнаружил, что тонет. Сабля на боку, кистень в кармане, тяжелые форменные ботинки, намокшая одежда – все тянуло вниз, как ни старался он грести ладонями или махать ногами.

Однако на дне Олега не ждали. Он получил сильный тычок в живот, в пятую точку, удар под подбородок – и неожиданно очутился на воздухе. Легкие сжались, изрыгнув изо рта потоки густой темной жидкости. Ведун сделал судорожный вздох, закашлялся, снова попытался вдохнуть – и с ужасом понял, что опять погружается в волны. В тот же миг кто-то цепко ухватил его за пятку и стремительно потащил по поверхности. Несколько минут – хватка исчезла. Начерпав носом не меньше ведра воды, ведун извернулся, выплевывая содержимое желудка и легких, и только тут понял, что стоит на отмели, в гуще высоких камышей.

За спиной кто-то хихикнул. Середин быстро обернулся, но увидел только круги на воде. Камыши зашелестели, смешок переместился туда. Ведун пригладил волосы, огляделся. Вдалеке под всеми парусами удалялся корабль, на противоположной стороне озера серело болото, а вот за камышами, метрах в двадцати, покачивались серебристые плакучие ивы; в паре шагов от Олега из воды высывались по плечи две девушки с русыми волосами.

– Вы кто? – спросил он.

Девушки хихикнули и ушли под волны.

Олега это почему-то ничуть не удивило. Он вообще на сегодня уже потратил весь лимит удивления, и пронять его было невозможно совершенно ничем. Поэтому ведун обнажил саблю и принялся прорубаться сквозь камыш к берегу. Теперь Середин уже порадовался тому, что не успел скинуть своих ботинок: дно оказалось каменистым, босиком все ноги переломать можно. Зато берег, похожий на отвал каменоломни, давал надежду, что грязи и болотины здесь не будет, пожара от разведенного костра тоже можно не опасаться.

– Костер, костер, – вслух пропел Олег, едва не щелкая зубами. Хотя солнце и кочегарило, как сталинский стахановец, однако мокрая одежонка тепла к телу не подпускала категорически. – Ладно, сейчас запалим. Одно в этом мире хорошо: туристов не существует. А потому и валежника в каждом углу навалом.

Разложив на горячих валунах косуху, свитер и футболку, Середин, лениво отмахиваясь от крупных, громко жужжащих комаров, отправился вдоль прибрежных зарослей, подбирая сухие березовые и ивовые ветки, бересту, молодые засохшие деревца, не выдержавшие здешних суровых условий. А когда вернулся, то обнаружил на камнях уже изрядную грудку хвороста.

– Кто здесь? – закрутил ведун головой.

И опять – смешки, мелькающие за деревьями тени, таинственный шепот.

– Ну, раз никого нет, – громко объявил Середин, – тогда я дрова в дело пускаю!

Он отобрал немного сухих березовых веток, поломал, сложил кучкой, подпихнул в самую середину тонкую бересту, достал из кармана зажигалку, тряхнул перед глазами. Пожалуй, газа хватит еще надолго. Олег хорошенько продул замок, чтобы удалить с кремня капельки воды, пару раз крутанул колесико – все нормально, искры летят. Потом черкнул и нажал на клавишу газового клапана. Поднес язычок пламени к бересте – и вскоре между камней затрещал

пока еще небольшой костерок. Середин накидал поверх растопки валежник, перенес и разложил вокруг огня одежду, расшнуровал ботинки, поставил их на солнце, скинул и повесил сушиться джинсы и трусы. Придвинулся к огню сам, подставив спину небесному светилу, а животик отогревая у огня земного. Вскоре мурашки разбежались с тела, а вместо них по коже разошлось блаженное тепло. Правда, нутро еще помнило сырую ночь и холодное купание, а потому согреться не торопилось.

– Чайку бы сейчас горячего, – мечтательно произнес ведун. – Надо мне котелком обзаводиться. При первом удобном случае.

Он попытался подвести итоги своего короткого путешествия на новгородской ладье. Был в лесу неизвестно где – и опять попал в лес неизвестно куда. В географическом смысле намечается ничья. До путешествия имел котомку с кое-какими припасами, зато теперь в кармане «косухи» позвякивает полученный с купца аванс. Тоже, можно сказать, при своих остался. А еще у него теперь имелся на ремне острый, симпатичный нож...

– В общем, грустить не надо, – вслух решил Середин. – Покамест я в прибытке.

Крест у запястья неожиданно кольнул жалом, а по спине, от правой лопатки к пояснице, поползло что-то холодное. Олег поежился, потом повернулся.

– Ты разговариваешь со мной или с лесом? – поинтересовалась русоволосая, зеленоглазая, курносая девушка чуть ниже его ростом. У нее были небольшие и аккуратные, словно выточенные ювелиром из лучшего янтаря, ушки с длинными мочками, бледные бесцветные губы, тонкие белесые брови и длинные ресницы. Но самое главное – она была совершенно, то есть абсолютно голой! Девичьи груди прикрывались только длинными, доходящими до пояса прядями распущенных волос. Соответственно, то, что ниже...

– Ты кто? – судорожно сглотнул Середин, а руки его рефлексным движением сошлись вместе, прикрывая то, что христиане называют срамом, а язычники – достоинством.

– Лада я, Калинкина, – захлопала девушка изумленно распахнутыми глазами. – Разве ты не знаешь?

– Я... Извини... Не местный...

Из-за деревьев послышались новые смешки.

– Слушай, Лада... Э-э-э... А перекусить у тебя ничего не найдется?

– Подожди, человек, сейчас принесу. – Она развернулась и, покачивая бедрами, направилась к березам. Олег же метнулся к камням, торопливо натянул трусы.

Минутой спустя девушка вернулась, неся в ладонях большую горку грибов: белых, красных, лисичек, моховиков, – выложила перед ведуном:

– Вот. Тебе этого хватит?

– Вполне. – Середин прикрыл ладонью запястье, на котором при приближении обнаженной красавицы начинал нервно раскаляться крест.

– Ты только не убивай здесь никого, тут и так мало кого живого.

– Я и в мыслях не имел...

– Это пока не голоден. А вот это ты зря, простудишь. – Девушка по-хозяйски спустила с молодого человека влажные трусы, положила ладошку на его детородный орган. – Ой, какой он замерзший.

Олег, просто не представляя, как себя вести в такой ситуации, ждал продолжения. Однако одного не последовало.

– К огню иди, грейся, – легонько подтолкнула девушка ведуна.

– Скажи, Лада, – решился прямо поинтересоваться Середин. – Ты русалка?

– Берегиня я здешняя, дурачок... – рассмеялась девушка и отступила к камням. – Помни про свое обещание, человек. Грибов я тебе опосля еще принесу. А как одежонка просохнет, к жилью выведу.

«Берегиня, – покачал головой Олег, на душе которого неожиданно стало приятно и тепло. – Настоящая берегиня».

Приученный быть настороже, готовый в любой момент сразиться с криксами, оборотнями и василисками, он как-то забыл, что, помимо нечисти, в густых русских дубравах живут также и берегини, смераглы, травники, а где-то в самых дебрях в доме на курьих ножках обитает Баба-Яга, всегда готовая приютить, обогреть, накормить, помочь советом и делом. Да и лешие, коли с ними не ругаться, тоже могут оказаться друзьями верными.

Он выбрал среди хвороста несколько тонких длинных веточек, заточил, расставил вертикально возле огня, подождал, пока грибы начнут слегка подвигиваться, а затем, исходя из принципа: «Горячее сырым не бывает», – благополучно умял.

Только теперь Олег начал ощущать, что на самом деле на улице довольно жарко. А если вспомнить, что он уже несколько дней не мылся и даже не раздевался, то не мешало бы и искупнуться, пока условия и погода позволяли. Вот только по камням через камыши ломиться было неохота...

Середин поднялся, забрался на самый высокий из камней, огляделся по сторонам. По левой стороне среди камышей различался разрыв, и ведун направился в ту сторону.

Метров через сто он наткнулся на узкий ручеек, втекающий в озеро со стороны березняка. И, что немаловажно, – несущий по дну мелкий желтый песок, что выстилал узкий пляж и длинную полосу от берега в глубину. Благо снимать ничего не требовалось, Олег просто вошел в воду, долго плескался, смывая с себя накопившуюся грязь и пот, а потом растянулся на горячем песке, широко раскинув руки и ноги.

– Гавайи... – довольно пробормотал он.

Послышались тихие шаги, осторожный смешок. Крест у запястья начал медленно нагреваться.

– Лада? – лениво спросил он.

По груди, по животу скользнули нежные прохладные пальчики, остановившись на бедрах. Такие же нежные и прохладные губы коснулись его губ.

– Лада... – уже не вопросительно, а утвердительно прошептал он, чувствуя, как по телу скользят длинные волосы.

Зеленые глаза, вздернутый носик, точеные ушки, тонкие губы, соболиные брови. А какая грудь скрывалась под волосами! Какие бедра...

Ведун почувствовал, как плоть его от подобных мыслей восстает и твердеет, словно неолитический мегалит, схватил ласкающую его девушку, привлек к себе, впившись самым настоящим, жарким поцелуем. Потом, не удержавшись, скользнул левой рукой вниз, крепко сжал упругую грудь. На бедра опустилась приятная тяжесть, обнявшая его достоинство приятной упругостью – Олег дернулся ей навстречу решительным толчком, невольно застонав. Однако краешек его сознания отметил, что в позе обнимаемой девушки отмечается какая-то несурязица... Молодой человек открыл глаза – и вдруг обнаружил, что обнимает отнюдь не Ладу, а какую-то черноволосую, смуглую, раскосую красотку, а вторая – бледная, как лист писчей бумаги, с острым подбородком и большой раскачивающейся грудью, закрыв глаза и откинув назад голову, самозабвенно вкушает наслаждение близостью.

Правда, Олег был не в том состоянии, чтобы прекращать общение и спрашивать паспорта...

* * *

Незадолго до заката, пощупав одежду, Середин понял, что до темноты она не высохнет совершенно точно, а потому отправился в лес за дополнительным припасом валежника и развел рядом с первым второй костер. Верное средство, если не хочешь, чтобы один бок

раскалялся, а другой мерз, – это запалить два костра и лечь между ними. Чтобы камни бока не намяли, Олег наломал веток, сделав себе узкое ложе, а сверху накидал рваной травы. Не перина, конечно, получилась, но спать можно.

Ночью ему снилась Таня. Главный ветеринар зоопарка добровольно явилась к нему домой в полупрозрачной комбинации и черном белье, устроила стриптиз на подоконнике, а потом накинулась и, сладострастно рыча, начала жадно предаваться любви всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Оргазмы шли один за другим, но женщина была ненасытна, не оставляя свою жертву ни на мгновение...

Несколько раз Олег просыпался от холода, поднимался, прислушиваясь к раздающимся со всех сторон смешкам, подбрасывал в костры валежник, укладывался снова – и пульсирующий жаром крестик у запястья подсказывал ему, что сны такие приходят неспроста... Однако же застать никого возле себя ведуну за всю ночь так ни разу и не удалось. А что до следов – так у мужчин такое бывает... При долгом воздержании...

Прежде чем одеться, Середин по предрассветному туману добежал до ручья, бухнулся в воду, смывая с себя налипшую листву и прочую грязь, еще раз сполоснул волосы. Внезапно совсем рядом появилось светлое пятно – поверхность озера разорвалась, и над нею выросла голова, облепленные шелком плечи, торс, мокрые шаровары.

На пляже Любовод опустил на четвереньки, дернулся вперед, словно его затошнило – на песок из рта выплеснулись струи воды. Купец немного покашлял, потом уселся, поджав под себя ноги.

– Ты... откуда? – облизнув занемевшим языком губы, спросил Олег.

– Оттуда, – кивнул на озеро Любовод.

– Ага. – Середин зачерпнул воды, плеснул себе на лицо. – Тогда пошли к огню, обсушишься немного.

Одежда ведуна высохла, поэтому он оделся, вместо своих штанов разложил купеческие, шелковую косоворотку кинул на ветки – и так за считанные минуты высохнет. Протянул вернувшегося из пучины парню «шашлык» из грибов.

– На, поешь. Как будем готовы, Лада к жилью обещала вывести.

– Не нужно, – покачал головой купец. – Скоро за нами придет ладья.

– Ты уверен?

– Конечно...

– Слушай, – вздохнул Олег. – Давай не будем крутить. Ты же понимаешь, что меня от любопытства вот-вот в куски разорвет. Или сразу скажи, что все тайна, или признавайся, чего случилось.

– Да в общем, ничего, – пожал плечами Любовод. – Просто она – моя мать.

– Кто?

– Русалка.

– Какая?

– Наиной зовут... – Парень потер себе пальцами виски. – Много лет назад отец здесь упал за борт. Он был в кольчуге, при оружии, а потому сразу пошел на дно. Мама его заметила, и он ей сразу в душу запал. Наверное... Люди ведь сюда редко заплывают, вот и скучают утопленницы по мужской ласке. Многие, рассказывают, и речь людскую забывать стали. Хотя, говорит, понравился сразу. Вот и не дала утонуть, и подруг никого к отцу не подпустила. Несколько дней продержала при себе. Но потом отдала обратно наверх, неволить не стала. А как родила меня, как выкормила до первых зубиков – так отцу передала, дабы мужчину воспитал.

– Так русалки, что, родившихся детей отцам отдают? – передернул плечами Середин. – Как же те их находят? Как доказывают, что дети от них.

– Я про то маму не спрашивал, – развел руками Любовод. – Отдают как-то. А тебе что за долг?

– Ай, – отмахнулся Олег.

– А-а-а... – понимающе кивнул купец. Потом улыбнулся. Потом громко захохотал: – Ты, ведун, через девять месяцев к рекам и ручьям лучше не подходи! И к колодцам не подходи! И вообще лучше воду не пей, не надо. Не то наступят для тебя большие хлопоты...

– Хватит ржать! – не выдержал Середин. – Ничего смешного!

– Сколько... – купец аж попискивал от восторга. – Сколько их было?

– Ш-ш-ша-а... – Впервые за многие годы у ведуна чуть не вырвалось нехорошее слово. Ворон с самого начала настрого всех учеников предупредил: никогда не призывать ни бога, ни черта. Потому как силы это столь мощные, что раз свяжешься – вся судьба кувырком пойдет. Но иногда что-нибудь эдакое так и норовило сорваться с губ... – Электрическая сила! Тройное ква в одном флаконе. Японский городской и двести раз по Фудзияме.

– Сколько? – не в силах успокоиться, переспросил Любовод.

– Вечером две было. Да еще ночью кто-то приставал.

– Да уж, Ладе ты сегодня удовольствие доставил!

– Кому? – вздрогнул Середин от знакомого имени.

– Ну, Ладе, – кивнул купец. – Богине Ладе нашей. Ну, богине любви. Ты чего, ведун? Али еще что-то было?

– Ничего, – поморщился Олег. – Ты лучше про себя дальше расскажи.

– Да я уже все и поведал. Соскучилась мама. Повидать захотела. Узнать, каким стал, чего хочу, о чем думаю. В общем, свиделись... Ладно, давай собираться. Ладья аккурат возле ручья, где я вышел, проплыть должна. Вот и подберет.

Ладья их действительно подобрала. Но не сразу – увидев на берегу двух утонувших товарищей, корабельщики не то что не остановились – схватились за весла, норовя побыстрее проскочить мимо. Любовод только посмеялся наивности своих людей.

Сдались корабельщики только на пятой попытке. Видно поняли, что не смогут выбраться из заколдованного места, пока хозяина и ведуна не подберут. Ладья спустила парус, повернула к берегу, постепенно теряя скорость, и почти без толчка приткнулась в песок. Наружу вывалилась веревочная лестница.

Любовод поднялся на борт первым. Остановился, облокотившись на выгнувшего деревянную шею «лебедя», окинул отпрянувших варягов укоризненным взглядом:

– Эх, вы... Ладно, всех прощаю. Борислав, правь к Новгороду. Ночью паруса не спускай, иди спокойно. С моим кораблем отныне ничего на воде не случится.

Так оно и вышло.

Новгород

Движение по Волхову на подступах к городу было такое, словно на въезде в Москву летним воскресным вечером: сотни ладей, шнеков, шитиков, бус, ушкуев, лодок и прочей плавучей мелочи, пытаясь протиснуться по реке шириной всего с шестиполосное шоссе, шлепали веслами по воде, отпихивались друг от друга, в то время как кормчие громко ругались друг на друга на знакомых и незнакомых языках всех концов света, проклинали матерей и потомков друг друга, грозили мечами и кистенями – что, впрочем, скорости никому не добавляло.

Ладья купца Любоведа, одетого в богатый алый суконный кафтан, подбитый соболем, в высокую горлатную шапку и сафьяновые сапоги, отвернула с Волхова километра за полтора от высоких стен кремля, вошла в неширокую речушку, берега которой состояли, казалось, из сплошной череды причалов – как пустых, так и украшенных судами самых разных конструкций, среди которых разве только китайских джонок не хватало. Еще примерно через полкилометра ладья, едва не перевернув рыбацкую лодку, отвернула влево на еще более узкую протоку, крутые берега которой были укреплены бревенчатой набережной, а вдоль русла шла деревянная мостовая.

– Где это мы? – непонимающе закрутил головой Олег.

– Малый Волховец, колдун, – ответил Борислав, который напряженно ловил рулем сантиметры, протискивая огромный корабль в щель между европейским коггом и персидским кунгасом.

– Канал, что ли?

– Не... – покачал головой кормчий, – река. Токмо углубили ее купцы маленько...

Наконец он приказал корабельщикам убрать весла – ладья стала медленно подкатываться боком к свободному месту. Борт гулко стукнулся о дубовый причал, несколько человек выпрыгнули через борт, привязывая прочные канаты к выпирающим на высоту пояса разломаченным деревянным быкам.

– Слава Стрибогу, – наконец-то отпустил кормовое весло дед. – Прибыли...

Встречающих видно не было – только разгрузившие соседний корабль амбалы с опаской косились на новоприбывших. Любовод низко, коснувшись кончиками пальцев палубы, поклонился берегу, затем выпрыгнул на него, скинул шапку, опустился на колени и поцеловал землю. Следом за купцом начали выпрыгивать остальные путешественники, в точности повторяя действия хозяина. Олег, не желая привлекать к себе лишнее внимание, тоже отвесил новгородской земле низкий поклон, а потом прикоснулся губами к жухлой утоптанной траве.

Корабельщики все вместе двинулись не в сторону Новгорода, а прямо в противоположном направлении: вдоль реки, вокруг небольшого болотца. Вскоре впереди показалось озерцо, отделенное от Волховца крутой песчаной насыпью, узкой у входа, но дальше расширяющейся метров до двухсот. Поначалу Середин удивился тому, что на этом перешейке растут огромные вековые дубы, но вскоре понял: в таком месте может происходить все, что угодно. Потому как в окружении дубравы находился внушительный частокол, из-за которого выглядывали макушки высоких истуканов.

Поскидывая шапки и склонив головы, путники вошли в украшенные улыбающимся солнцем ворота. Середин, морщась от боли в руке под раскалившимся крестом, быстро стрельнул глазами по сторонам, пытаясь опознать местных богов. В центре, разумеется, стоял Сварог, бог солнца. Грубо отесанный, в два обхвата столб метров пяти высотой, с небрежно намеченными бородой и глазами, потемневшим от времени ртом, пронзительными точками зрачков. Стало быть, три колышка за ним – жена и дети. Слева и справа возвышались столбы пониже – такие же древние и такие же небрежно исполненные. Кто-то из них должен был символизировать Белбога – гаранта справедливости и хранителя добра, а кто-то Триглаву – богиню земли. А может,

Олег и ошибался – у всех идолов были намечены небольшие бородки. Дальше вдоль частокола тянулись боги помельче: Макошь – мать наполненных кошельков, Велес и Тур – боги скота и богатства, Стрибог – повелитель ветров и течений, Лада – богиня любви. В общем, точно опознать удалось только две, стоявшие у самого входа, личности: низкого, но очень толстого Чура, обеспечивающего незыблемость границ, и чуть более рослого, поставленного на короткие железные ножки, Перуна – бога-громовержца. Оба, в отличие от древних идолов, имели самые настоящие, тщательно прописанные лица. Перун – угрюмое, недовольное, с большими губами и крупным носом. При взгляде на него возникало ощущение, что бог объелся несвежей рыбы и сейчас его пучит и тянет сорвать злость на случайном прохожем. Чур, напротив, косился на приходящих с еле уловимым ехидством. Увидев эту хитрую рожу, любой человек мгновенно понимал: незыблемость границ – понятие ооочень растяжимое.

– Прими благодарность от внуков своих, детей солнца и земли, дедушка, – поклонился центральному идолу Любовод. – Не оставь нас своей любовью, милостью и вниманием. Не порежь нас скромным подношением нашим, из дальних стран привезенным...

Купец достал из-за пазухи сверток, раскрыл его перед идиолом. Олег, вытянув шею, разглядел меховую шкурку, слиток железа размером с кулак и небольшую баклажку.

Любовод отошел влево, поклонился одному из истуканов, замерших у частокола, низко склонился:

– Благодарствуем тебе, Стрибог, за помощь твою и покровительство в дальнем пути. – Купец отвел руку назад, и подбежавший паренек-кормчий вложил в нее другой сверток, в котором оказались беличий мех, солонина, небольшой кожаный бурдюк.

Затем парень пересек капище и поклонился третьему из покровителей:

– Ты, Макошь, не оставь нас своей милостью, помоги завершить славно начатое, сохранить накопленное, приумножить даденное...

Середин с громадным изумлением увидел на подбородке богини кошельков короткую бородку и мысленно произнес тройное «ква», поняв, что разобраться со здешними богами его ума никак не хватит.

Между тем корабельщики, выразив свою благодарность властителям мира, развернулись и двинулись назад по перешейку, но перед самым выходом на дорогу путь им неожиданно преградили трое волхвов – худощавых, с длинными седыми бородами, в полотняных рубахах ниже колен, опоясанных синими матерчатыми кушаками, из складок которых торчали неизменные для обитателей здешнего мира нож и ложка. В руках они держали тихо курившиеся кадила.

– Ведомо нам стало от великого Сварога, что прибыли вы, путники, из дальних земель, из неведомых мест, – начал благообразно вещать один из них.

– Верно, вещий слуга божий, – приложив руку к груди, слегка поклонился Любовод.

– Посему повелел он нам отогнать злых духов, что устремились следом за вами в наши святые веси и города... – Не дожидаясь ответа, волхвы принялись старательно раскачивать кадила. Под напором воздуха из тех повалил густой черный дым. Старики начали ходить между людей, стараясь поднести свой инструмент так, чтобы обкурить каждого человека со всех сторон. Когда очередь дошла до Середина, то он едва не задохнулся от едкого запаха, мгновенно поняв, что ни о каком религиозном ритуале тут и речи не идет – приезжих самым банальным образом дезинфицировали. – Ладья ваша далеко?

– У нашего семейного причала, уважаемый, – кивнул Любовод. – Пойдемте.

Волхвы с похвальной старательностью облазили все трюмы и надстройку – после чего от ладьи стало разить дегтем, как от старого солдатского сапога, – и, получив что-то из рук купца, благополучно откланялись. Однако их место тут же занял молодой небритый писец в коричневой суконной куртяшке, черных шароварах, с обкусанным гусиным пером за ухом и матерчатой сумкой через плечо.

– Че везем? – поинтересовался он и открыл свисающую с пояса чернильницу.

– Ничего, – нахально ухмыльнулся Любовод.

– Как ничего?

– Ничего, – покачал головой купец. – Торга вести не собираюсь, припаса прикуплю, отдохну дней пять, да дальше поплыву.

– А постоянное?

– То не общинный причал, то наш, семейный.

– Без мытного листа на торг не пустят, – угрожающе предупредил писец.

– Не стану торго вести, я же сказывал, – повторил Любовод.

Песец недовольно развернулся, затыкая чернильницу, и отправился гулять вдоль берега дальше.

– И здесь парковщики, – сплюнул на мостовую Олег.

– Присмотри за товаром, ведун, – попросил Любовод. – Я до дома дойду, порадую отца возвращением, телеги для железа подвезу.

– Ладно, посмотрю, – легко согласился Середин, который все одно не имел в городе никаких дел. – Только недолго.

Он перепрыгнул на ладью, слезил в кормовой трюм за своим вещмешком, достал баклажку с медом.

– Забуду еще, а он засахарится. Нужно съесть.

* * *

Любовод вернулся от силы часа через два. Зато не один, а с пятью телегами и своим отцом – нетрудно догадаться, кем может быть мужчина, фигурой и внешностью отличный от парня разве что густой бородой.

– Так вот ты каков, ведун, – низким голосом произнес купец-старший, окидывая Олега внимательным взглядом. Затем перебрался на ладью и крепко его обнял: – Спасибо тебе. Сын успел мало про тебя рассказать.

– А чего рассказывать? – развел руками Середин. – Ничего я в предсказаниях волхва изменить не смог. И ладью силы нечистые покружили вдосталь, и Любовод в пучине побывал.

– Однако же ты за ним прыгнул! А верность таковая ныне много стоит.

– Подожди немного, ведун... – Молодой купец скинул с крышки трюма парусину, выбил деревянную крышку. Затем, с помощью приехавших возчиков, приподнял и сдвинул в сторону крышку. – Вот они, отец. Все мешки у правого борта, и все, что у левого. Я железо для пущей устойчивости попеременно клал. Да и доставать так проще.

– Молодец, сын. Ну, ступайте, отдохните. Я тут уже сам разберусь. И невольниц заберите, пусть отмоются.

– Пойдем, Олэг, – кивнул Середину Любовод. – До ворот новгородских менее версты осталось.

– При чем тут ворота? – поначалу не понял ведун, но тут же вспомнил: – Ах да, я же обещался службу только до ворот нести! Значит, контракт закрыт?

– Конт... – наморщился купец.

– Неважно, – махнул рукой Олег. – Ну, пошли, показывай дорогу.

Мощенная поставленными на попу чурбаками, улица тянулась вдоль реки метров пятьдесят, потом отвернула вправо, запетляла меж солидными бревенчатыми амбарами. А может – ангарами для ладей. Должны же новгородцы зимой их где-то хранить? После очередного поворота впереди открылась высоченная деревянная стена, прикрытая сверху тесовым навесом. Ее составляли поставленные вертикально цельные сосновые стволы диаметром не менее полуметра. Между бревнами пробивалась зеленая травка – похоже, под ними была обычная земля.

Дорога повернула вдоль стены, мимо низеньких избушек. Двери домиков были раскрыты нараспашку, над каждой крышей курилась труба, со всех сторон доносился ритмичный перезвон.

– Кузнечная слобода, что ли? – поинтересовался Олег.

– Слобода за китайской стеной, – непонятно ответил купец. – А здесь токмо кузни.

Улица вышла к реке, и на противоположном берегу Середин увидел тот Новгород, что и ожидал: тянущиеся вдоль края берега стены из красного кирпича, поднимающиеся на уровень пятиэтажного дома и перемежающиеся с еще более высокими башнями; деревянные шатры над некоторыми из них, увенчанные сине-красными флюгерами. Именно в этот миг Олег впервые понял, в какие дикие времена он попал: стены изгибались вдоль берега. Изгибались! А ведь после изобретения артиллерии стены всех крепостей на Руси были спрямлены для удобства огневого боя. Первые пушки на Руси появились где-то в двенадцатом веке. Значит, сейчас года еще более древние...

– Эй, ведун! – окликнул его Любовод. – Никак, спишь стоя?

– Красавец город-то...

– А ты думал?! Чай, не в египетских землях живем!

Олег рассмеялся неожиданному сравнению и вслед за купцом повернул в просторные деревянные ворота. Тут его ждал очередной сюрприз: оказывается, ворота вели не в сам город, а в широкий коридор, тянувшийся между облицованными камнем стенами метров сто. Видимо, это был «огненный мешок», куда попадали прорвавшие первый рубеж обороны враги: пока они будут добираться до вторых ворот, со стен на них можно скидывать камни, бревна, лить кипящую смолу или кипяток, стрелять из луков, метать копья или еще как-нибудь с толком использовать человеческую смекалку.

Новые ворота, завершающие коридор, были двойными и разделялись бревенчатым потолком, почти сплошь состоящим из бойниц. Только миновав нависающую над входом решетку, путники наконец увидели свет и с облегчением вдохнули свежий воздух, пропитанный запахами навоза, кислой капусты и дыма. А чем еще может пахнуть в городе, где по улицам ездят запряженные лошадьми телеги, а от каждого дома доносится коровье мычание и поросычье похрюкивание; где все дома топятся дровами, а холодильников не существует в принципе?

– Ты не обидишься, ведун, если я заплачу тебе дома? – поинтересовался купец. – Слугам велено для нас баню протопить, стол приготовить. Ты не откажешься, если я приглашу тебя погостевать у нас в доме, Олэг? Негоже хорошему человеку на постоялом дворе ютиться.

– Баня – это классно! – с чувством произнес Середин. – Согласен.

Дом у породнившихся с русалками купцов, фамилии которых ведун так и не узнал, был двухэтажным, каменным, с толщиной стен метра в полтора и узкими, расходящимися наружу, окнами, больше похожими на бойницы. Низ занимала лавка – чему Олег ничуть не удивился. Торговали здесь шубами, полотном, пенькой, веревками, нитками, иглками, коврами, войлоком и сукном. Верх отводился под жилье: расписные сводчатые потолки, по которым меж сочными травами бродили неведомые существа с пышными рыжими гривами; ковры на полу и стенах, изразцовые печи, слюдяные окна. Еще имелся двор: хлев, конюшня, пара больших амбаров и, само собой, – рубленая баня с внушительным котлом для воды и наполненной мелким гравием каменкой.

Молодые люди и обе невольницы разделись в предбаннике, нырнули в сухой жар парилки. Впрочем, Любовод тут же зачерпнул из стоящего на полу бочонка полный ковш янтарной, пахнущей хмелем браги, плеснул на каменку – и пар тут же стал влажным.

– Хорошо-то как... – Олег шустро забрался на самую верхнюю полку и с наслаждением вытянулся во весь рост.

Хозяин баньки еще пару раз плеснул брагой на камни, занял полку чуть пониже. Обновленные невольницы остановились рядом с котлом, переминаясь с ноги на ногу.

– Вы чего? – удивился их поведению Любовод. – Аа, понятно... Ведун, ты чего-нибудь хочешь?

– Пива. Холодного, – пробормотал Олег. – «Степана Разина». В стеклянной запотевшей бутылке с желтой этикеткой.

– Понятно, – кивнул купец и повернулся к рабыням: – Мойтесь, бабы. Продадим вас завтра в хорошие руки. А то корабельщики после еще одного похода вас совсем изломают. Скажем, что девственницы... Да, давайте, мойтесь быстрее. А потом скажете дворне, чтобы вина нам с гостем принесли.

Что может быть чудеснее, чем после целой недели шатания по лесам, сна под открытым небом, купания в холодной воде, отсыревания в ночном тумане – забраться под самый потолок натопленной, как паровозный котел, баньки и истекать потом; а после смыть его горячей водой, восстановить потерю жидкости парой пивных кружек терпкой вишневой наливки, снова пропотеть, вычистить тело дубовым веником, облиться холодной водой, горячей, вновь холодной, опять отогреться в самом жару; и потом, окончательно осоловев от удовольствия, завернуться в простыни – одежду-то местные бабы стирать уволокли, – перебраться в залитую радужными отблесками горницу и развалиться за столом, уставленным совершенно неведомыми в двадцать первом веке блюдами: почками заячьими в сметане, потрохами лебяжьими, рябчиками солеными с перцем и шафраном, печеной лосиной в латках, заячьими пупками, зайчатиной печеной, бараниной в полотках, сельдью на пару, белорыбницей сушеной, спинками стерляжьими, белужинной сушеной, щучьими головами заливными с чесноком, запеченными окунями, векошниками из плотиц, ухой из пескарей, молоком с хреном, караваями ставлеными, караваями блинчатыми...

– Мыслю я, ведун, – в очередной раз глотнув из кружки, сообщил Любовод, – спустя пять дней отправиться далее в немецкие земли. Отец вместо железа воск, меха, шкуры и войлок погрузит, да и тронусь. В землях за северным морем товар отдам, куплю кружева, да серебра поболее, детей, девок тамошних, да прямым ходом, мимо Холмогор, Онеги, Белоозера, по Итиль-реке в Персию теплую спущусь, холода там пережду, да расторгуюсь не торопясь. А там и назад вернусь.

– Хорошая идея, – кивнул Олег. – А детей как – красть станешь, или туземцев грабить?

– Зачем? – пожал плечами купец. – Гольтьба несчастная обитает в тамошних местах. Во дворах во многих лошадь на всех токмо одна, одежка едина на все дни. Они, сказывают, как детей много нарастает, в лес их отводят и бросают там, потому как кормить нечем. А коли за них медь али серебро дашь – так отдают с радостью, хошь всех забирай. Про другое я сказываю, ведун. Иди со мной в дорогу? Варягов этих, жадных да трусливых, брать не хочу, иных соратников мне надобно на такой срок. Тебе – верю, ведун. Ты за мной кинулся, когда деда Боря отвернулся. Пошли вместе в поход! Хочешь, не стану серебра обещать, зараз в долю торговую возьму?

– Хороший ты мужик, Любовод... – Середин тоже отхлебнул изрядно вина. – Да только не просто так я по земле здешней хожу. Понимаешь, слово я ищу. Слово мудрое, слово тайное... Здесь оно где-то, окрест спрятано... Ты подумай, Любовод: ну, откуда этому слову в Европе оказаться? Коли даже здесь все еще пушек нет да истуканам поклоняются, то там, наверняка, и вовсе в шкурах ходят, человеческие жертвоприношения приносят, а людоедскую римскую цивилизацию почитают верхом совершенства.

– В шкурах? Да, шкуры берут охотно, – с грустью подтвердил купец. – И колдуны тамошние тебе не чета. Они только просят у богов, но не способны отвести глаза или истребить туман. Не могут они знать тайного слова, неведомого даже тебе. Да... Стало быть, в немецкие земли ты плыть не хочешь... А в персидские?

– Тут сперва пошарю, – покачал головой Олег. – А там дальше посмотрю.

– Может, свидимся? Через Белоозеро и Онегу я на юг пойду, там меня спросить можешь.

– Спрошу, если в ту сторону занесет.

– Только не мешкай, ведун. До первых холодов мне надобно уйти...

– Твое здоровье, Любовод, – поднял кружку Середин.

– И тебе того же желаю, – выпил ответную здравицу купец и поднялся из-за стола. – Так, я тебе тройное супротив воинского содержание обещал. Стало быть, три на три, девять гривен кун. Одну ты получил. Восемь гривен кун – это две гривны новгородских. Сейчас, отсчитаю...

Парень поднялся, неуверенно покачиваясь, вышел в соседнюю комнату. Вскоре грохнула крышка сундука, и молодой купец вернулся с двумя матерчатыми мешочками:

– Две гривны серебром. Эх, жалко отпускать тебя, ведун! Ты хоть погостевать немного останься. Слово заветное за несколько дней не пропадет, от тебя не скроется.

– Отчего не остаться, останусь, – кивнул Середин, ясно понимая, что в таком состоянии не то что «заветного слова» – постоянного двора найти не сможет.

– Тогда давай еще вина отпробуем. На двоих, дабы свидеться и друг друга не забывать!

* * *

Новый день ведун посвятил себе, любимому. Он наконец-то купил себе флягу – правда, не обычную, металлическую, а мягкий бурдюк из заячьей шкуры с деревянным горлышком и деревянной же пробкой. Купил щит из ясеня, и тут же отдал его в кузню, наказав обить деревянный диск прочной стальной окантовкой, – память о том, как варяг разносит очень похожее оружие в мелкие щепки, еще достаточно ясно жила в его памяти. Купил кресало, приобрел небольшой медный котелок, который аккурат укладывался на донышко заплечной сумы.

Все вокруг вызывало у Середина восторг и удивление. Ну, разве можно себе представить рынок, на котором нет ни единого изделия – ни вилки, ни уголка, ни кастрюли – из алюминия? Разве легко понять, что никто не изготавливает железной посуды, потому что по сравнению с медной она слишком дорогая? Кто поверит, что мешок хохломской расписной, лакированной посуды может стоить меньше, чем маленький нож безо всяких украшений? Или что на монетку, неотличимую издавна от обычного рубля, можно купить корову? А на пять таких же монет – хорошую лошадь? Или крепкого невольника? Или сразу трех молодых да ладных девок? Или что пушнину можно менять целый тюк за одну фарфоровую чашечку? А нескладная и кривая, хотя и оправленная в золото, стеклянная бутылка равносильна рубленому двухэтажному дому? Дома, кстати, продавались здесь же, любые: какой понравится – разбирай да увози.

Но больше всего Олегу хотелось разжиться периной. В гостях он спал на ней впервые в жизни и только теперь понял, к чему стремились изобретатели водяной постели: чтобы в нее точно так же, как в перину, можно было упасть и утонуть, ощущая, как тебя со всех сторон обволакивает невесомое тепло, что ты словно паришь в воздухе, потому как не ощущаешь на теле никаких прикосновений – но при этом никуда не падаешь. Разжиться-то хотелось – но ведун понимал, что одинокому скитальцу, ищущему ответ на заданный в далеких мирах простой вопрос, таскать с собой подобную роскошь не с руки. Нельзя ему обзаводиться добром, что станет слишком сильно оттягивать плечи. И в то же время он знал: теперь, когда он вернется домой, более никакая мебель, никакие постели не будут казаться ему мягкими. Искусство изготовления качественных и удобных вещей к двадцатому веку будет утрачено навсегда.

Свой заказ он получил от кузнеца к вечеру второго дня, но покидать гостеприимный купеческий дом не решился. Не так-то просто бросить теплую мягкую постель и богатый стол, чтобы отправиться по проселочным дорогам не зная куда, но точно зная, что спать придется на земле, а питаться через раз чем повезет. Поэтому Середин провел в отведенной ему светелке еще одну ночь, а потом еще половину дня обсуждал с лениво попивающим вино Любоводом дороги, на которых тот успел побывать, и селения, которые тот повидал.

– В Ростов тебе надобно, ведун, – припоминал купец. – Тамошние мужики сказывали, бродит у них каженную зиму чудище. С виду человек, но весь мехом густым порос, что медведь дикий. Людей, скотину не трогает, а погреба зачастую разоряет. Дверь выломает, влезет, брюквы пожрет, что конь некормленный, а потом обратно в чашобу убегает. Токмо летом он спит, никто не видал его летом-то. Али в Белоозере сказывали, рыба-кит у них всплывала. Размером с ладью – ну, как моя. Хвост, спина – все мохом поросло, глаза, что щит варяжский – желтые, и не шевелятся совсем. На отмель она забралась – и ну по песку прыгать. Мох-то поотлетал, а рыба обратно в озеро ушла. Вот куда тебе путь держать надобно, ведун! Где еще слово заветное храниться может, кроме как не в брюхе у рыбы-кита? Вестимо, чудищу лесному слова так не спрятать. Его мужики найти могут да завалить. А рыба-кит сетей не боится, гарпуном ее на глубине не достать...

У лестницы громко хлопнула дверь, послышались торопливые шаги:

– Любовод! Ты здесь, сынок?

– Да, отец, – торопливо отставил кружку с вином молодой купец.

– А, вижу. А гостюшка наш дорогой еще не отъехал?

– Думаю, сегодня уйду, – поднялся с лавки Середин. – Благодарю за гостеприимство, за доброту да ласку, однако пора и честь знать. Дорога зовет.

– Это верно, зовет, – тяжело дыша, кивнул отец Любовода. – Обожди чуток... Сосед мой, Глеб Микитич, следом идет... Ты куда идти собираешься, ведун?

– Туда... – неопределенно махнул рукой Олег.

– А Белоозеро тебе не по пути будет?

– Белоозеро? – Олег переглянулся с Любоводом. – Легко на помине. Даже и не знаю...

Дверь хлопнула снова, и хозяин дома облегченно кивнул:

– Ну, наконец...

В горницу вошел невысокий и очень толстый мужчина, остриженный, как принято говорить, «под горшок», но с окладистой бородой. Подбитый куньим мехом кафтан да шуба, надетая поверх него, несмотря на жару, придавали гостю и вовсе необъятные размеры. Едва добредя до лавки, он тяжело бухнулся на нее, отер шапкой пот.

– Вот, Глеб Микитич, – указал на Середин купец. – Это тот самый ведун, про которого я тебе сказывал. Биться колдовскими способами умеет, слово держит, что замок железный. Храбр, что барсук лесной.

Глеб Микитич неопределенно пыхнул и устало покачал головой.

– Товар сосед мой в Белоозеро отправить хочет, – вместо гостя сообщил купец. – Думаю, надежный охранник ему потребуется. Уж больно нехорошие вещи сказывают про тамошние леса.

– Леса-то ему зачем? – удивился Любовод. – На ладье по Волхову до Ладоги дойдет, по ней на Свирь, от нее по Онеге до Иким-реки, по ней наверх, волоком к Кушто-озеру, с него по Базеге до Белого озера, а оттуда до стольного города всего двадцать верст. Я же, батюшка, там раза три ходил.

– А сколько дней идти-то, посчитал? Опять же, товар у Глеб Микитича не тяжелый, ему ладья ни к чему.

– Самоцветов у меня залежалось изрядно, – наконец-то смог подать голос гость. – Да дорогие, не всякий и возьмет. А тут весть дошла, что князь Белозерский дочь свою замуж за Игоря Ростовского отдает. Гулять собираются славно, князей и бояр созывают со всей Руси.

– Тоже, что ли, погулять хочется? – хмыкнул Любовод.

– Да я бы не прочь, – не стал отнекиваться толстяк. – Но куда пуще хочу самоцветы на торгу выложить. Князьям ведь дариться придется, да отдариваться. Да так, чтобы в грязь лицом не ударить, щедрость свою показать.

– Хорошая мысль, – признал молодой купец.

– Еще бы, – хмыкнул Глеб Микитич. – Да токмо вести добрели до меня не торопясь... Через десять дней свадьба назначена. Стало быть, через пятнадцать гости и вовсе разъезжаться начнут.

– За десять дней не успеть, – покачал головой Любовод. – Ни на ладье не успеть, ни по тракту с обозом. Прямого пути нет, вязи там одна на одной. Через Железный Устюг ехать придется. Там верст сотни три, не менее. Да еще неведомо, проезжие ли дороги будут.

– И обоз вовсе ни к чему, Любовод. – Гость окончательно пришел в себя, надел шапку, расправил плечи. – Мой товар в двух мешках увезти можно. Коню быстрому через холку перебросить, да шпоры хорошие дать. Посему замыслил я с двумя слугами доверенными верхом до Белоозера домчаться. А конному эта дорога за пять-шесть дней и не в тягость.

– Правильно, – оживился молодой купец. – Коли завтра поутру отправиться, то, не поспешая, за два дня до хорошего торга прибыть можно, с гостями первыми. Тут как раз и товар хорошо пойдет, и серебро князья да бояре растратить не успеют.

– Токмо вместе с вестями о торжестве и слухи нехорошие приехали, – добавил хозяин дома. – Сказывают люди, нечисть окрест Меглинского озера последний год расшалилась. А его никаким путем не миновать. Хошь напрямую к Устюгу скачи, хошь через Тверь.

– И чего рассказывают про тамошнюю нечисть? – впервые за все время подал голос Олег.

– Совсем нехорошее сказывали, – покачал головой толстяк. – Баяли, двух мужиков в лесу окаменевшими нашли. Еще было – боярин молодой выехал из леса, коня у крайней избы в Балковой горке привязал, а сам к озеру спустился, в воду этак не торопясь вошел, да и утонул. Девочек несколько умом тронулись, два брата друг друга до смерти порезали...

– Вот это ква-а... – покачал головой Середин. – Это верно, в тамошние леса лучше не соваться. Василиск там гуляет, его почерк.

– Первый раз слышу, – почесал в затылке Любовод.

– Значит, повезло, – усмехнулся Олег. – Хотя, конечно, василиск – это редкость. Он рождается раз в тысячу лет – из яйца, отложенного петухом и насиженного жабой.

– Нешто такое бывает? – удивился Глеб Микитич.

– Один раз на тысячу лет всякое может случиться, – пожал плечами ведун. – Беда в том, что высиженная из такого яйца тварь облика не имеет. Мечется, в чужие тела лезет, злится, гадости творит. И нет ей ни жизни, ни смерти.

– Бессмертная, баешь?

– Почти, – рассмеялся ведун. – Убить нельзя – обмануть можно. В тело мыши, например, загнать, в клетку посадить да в море выбросить. Или вовсе в таракана – в бутылку кинуть, и в океан поглубже, чтобы рыбаки случайно не поймали. Василиск – это дух. Но дух гнусный и слабый. Настоящего, чистого, намоленного бога он боится, как огня. И символов, богом освященных, – тоже.

– Ну, что я сказывал, сосед? – гордо спросил хозяин дома.

– Дело у меня к тебе есть, ведун... – Гость снова снял шапку и уложил ее себе на колени. – Хочу тебя в охранники взять. Заплачу честь по чести, скупиться не стану. Слуги у меня храбрые, да токмо супротив нечисти меча да храбрости мало. Тут не только клинок – тут слово вещее требуется. Ходил я к волхвам в святилище наше, да нет с них толку. Старые уже все, в седло не поднять. Прямо не знаю, что и станет, как помрут старики-то... – Глеб Микитич укоризненно покачал головой. – Не знаю... Волхвы наши обереги мне наговорить обещались, токмо будет ли польза от них в чужом лесу? А ну, как неверное чего твориться станет – что тогда? Нет, с собой мне колдун хороший нужен, дабы на месте твари черной мог бой дать.

– Я не колдун, – уже в который раз покачал головой Олег. – Я не творю, я просто ведаю про тайное знание.

– Две гривны дам, – пообещал толстяк.

– Пять, – потребовал Любовод. – Две он с меня получил.

– Четыре.

– Пять. Ты же его не просто посева от мокрухи заговаривать зовешь, ты его смерти в глаза заглянуть подталкиваешь.

– Четыре, и коня со всей упряжью, на котором в Белоозеро поедет, – уступил немного Глеб Микитич. – По рукам?

– По рукам, – не стал тянуть волынку Олег. Почему бы и не сопроводить путников в небольшой прогулке? Все равно определенной цели для похода у него пока еще нет. Придется довериться судьбе и катиться по воле случая.

– Клянешься ли ты довести в целости до Белоозера меня и мой товар? – произнес уже знакомую формулу договора толстяк.

– Клянусь, – кивнул Середин.

– А я клянусь передать тебе на торговой площади Белоозера четыре полные гривны серебра и коня со всей упряжью, на котором ты приедешь туда, – кивнул Глеб Микитич. – Как тебя зовут, воин?

– Олегом кличут, – ответил Середин. – А чаще просто ведуном. Можно и так, и так. Я не в обиде.

– Выезжаем завтра на рассвете, ведун, – согласно кивнул толстяк. – Доспех твой, припасы мои. Жди у нас у лесных ворот. Вот... – Гость поднялся. – Ну, благодарю тебя за помощь, соседушка, и да пребудет с тобою милость богов. Стану молить Сварога, дабы позволил мне ответить тебе тем же, и не единожды.

– Какие счета между соседями, – развел руками хозяин дома. – Всегда рады.

– В пути пить нельзя, – сказал Любовод, когда они снова остались одни. – А дома – можно. Давай выпьем за то, чтобы боги свели нас в Белоозере еще раз и дали нам на двоих один и долгий путь!

– Наливай, – кивнул Середин. – Все едино, на сегодня у меня никаких планов нет.

Василиск

Когда Олег вышел из ворот города, Глеб Микитич уже ждал его, восседая на лениво прядающем ушами чалом скакуне. В дорогу вместо дорогих и тяжелых одеяний купец облачился в скромную серую войлочную куртку с застежками на плече, тесные шерстяные штаны, сапоги из толстой кожи. Правда, с плащом он все-таки не утерпел и надел валяную сизую, как голубь, епанчу, подбитую по краям лисьим мехом и с золотыми пуговицами. Впрочем, возможно, лисий мех здесь считался чем-то дешевым и простонародным – поскольку на обоих бородастых купеческих телохранителях красовались лисьи треухи с суконным верхом, к которому были пришиты толстые железные пластины. Из доспехов на них имелись еще более толстые, нежели серединская косуха, кожаные куртки, широкие, обитые бронзовыми бляхами ремни. Плащи были серые, украшенные беличьим мехом и беличьими же хвостами, на груди у каждого болтались золотые амулеты в виде молотка с длинной ручкой. Разумеется, все трое были при мечях, но вот щиты на крупах коней болтались только у слуг.

– Утро доброе всей честной компании... – При виде гнедого оседланного коня без седока у Олега засосало под ложечкой, но внешне он постарался сохранить спокойствие: попав в этот мир, рано или поздно, а на лошадь садиться придется. Пешком по русским просторам много не находишь – никаких ног не хватит. Посему ведун с напускным равнодушием перекинул из-за спины щит, повесил его за ременную петлю на луку седла, по другую сторону прицепил заплечную суму, прикрыл глаза, готовясь к решительному поступку, а потом поставил ногу в стремя и, оттолкнувшись от земли, поднялся гнедому на спину. Конь всхрапнул, немного попятился. От неожиданности Середин схватился за поводья, сильно рванул, удерживая равновесие. Скакун жалобно заржал.

– Давненько я верхом не ездил, – оправдывая свою неловкость, пробормотал Олег. – Уже и забыл, как это делается.

Это было истинной правдой. На лошадях Середин действительно не ездил очень давно – с тех самых пор, как его в пятилетнем возрасте покатали на пони в зоопарке. Впрочем, здешние кони ростом от пони отличались не особо: седло находилось на высоте чуть выше пояса, уши – Олегу ниже подбородка. Так что падать, если что, с такого жеребца не смертельно.

– И ты здоров будь, ведун Олег, – с некоторым запозданием кинул толстяк. – Поехали?

– Поехали, – кивнул Середин, старательно вспоминая прочитанные в какой-то из книг правила управления лошадьми: вперед – ткнуть пятками в бока; остановиться – натянуть поводья; поворот – повернуть голову лошади в нужном направлении с помощью поводьев и отпустить их по мере совершения поворота. После скачки – не поить, на отдыхе – отпускать подпруги.

Однако в этот момент случилось то, что заставило ведуна мгновенно забыть про все теоретические познания и предоставить рукам и ногам управляться с новым средством передвижения на уровне интуиции: купец повернул коня, и Олег увидел, что у седла толстяка, покатываясь по выступающему вниз потнику, болтается большая клетка с сидящим внутри... петухом!

– Вот это ква, – изумленно пробормотал Середин. – Я вижу, ты времени зря не терял, Глеб Микитич. Откуда такие познания? Чего ласку не взял?

– Ласки у меня в доме нет, – покосился на ведуна купец. – А петуха просто в курятнике взял.

– Кто же тебе сказал, Глеб Микитич, что василиски петушиного крика боятся? – продолжал расспрашивать Олег. – Вчерась ты этого, как я помню, не знал?

– Мыслишь, ты один такой умный в новгородских землях? – хмыкнул толстяк. – Али боишься, мы с петухом хлеб твой отберем?

– Ну, положим, не так сладок мой хлеб, чтобы я за каждую кроху цеплялся, – улыбнулся Середин. – Однако конкурентов нужно знать в лицо. Откуда секреты василисков утекли?

– Вещий Аскорун за полгривны кун вечор много чего про тварей сиих порассказал... – признался наконец купец.

– Опять он! – не удержался Середин. – Ну, просто в каждой бочке затычка. Надо будет познакомиться с ним поближе при случае...

– Не стыдно тебе слова такие охульные про волхва нашего говорить! – неожиданно вспыллил толстяк, придерживая своего чалого скакуна. – Он служитель богов достойный, за жизнь долгую ни разу себя не опозорил, предсказания его завсегда сбываются. А ты кто таков?!

– Я, – пожал плечами Середин. – Я – всего лишь нищий бродяга с некоторыми навыками владения клинком и заклинанием. Может, раз уж ты теперь человек ученый, без моей помощи обойдешься? Я не гордый, могу хоть сейчас своей дорогой пойти.

– Куда? И откуда? Откуда ты взялся, ведун в странных одеждах? Кто твои мать, отец, в каких землях ты родился?

– Какая тебе разница, купец? Ты мне за родословную платишь или за клинок и голову? Я, что, щенок коккер-спаниеля – предками хвалиться? Коли передумал, так и скажи, плакать не стану. У тебя своя дорога, у меня своя. – Олег с такой силой натянул поводья, что гнедой, жалобно всхлипнув, встал на дыбы, и Середину пришлось, забыв о споре, мертвой хваткой вцепиться в луку седла, чтобы не вылететь в грязь.

– Ты при людях клятву дал, ведун, до торга белоозерского меня с товаром довести, – напомнил толстяк.

– К чему тебе моя клятва, коли тебе вещий Аскорун про василисков вчера все рассказать успел?

– Волхв Аскорун сказывал, что василиск, рождаемый черным петухом, жабой и навозом, боится токмо окрика родительского, петушиного, – покачал головой купец. – И токмо ласка быстрая, с зубами острыми охотиться на него способна. Но страшен он настолько, что взглядом своим может заставить окаменеть любого приблизившегося человека. А яд в нем так силен, что способен просочиться сквозь оружие и руку поразившего его воина и отравить несчастного насмерть!

– Это все тебе волхв рассказал? – уже в который раз за последние полчаса донельзя изумился Середин.

Легенды про взгляд и яд василиска он слышал не один раз и отлично знал, откуда они пришли – из воспоминаний Плиния Старшего, столкнувшегося с этой тварью в Ливийской пустыне. В короткой схватке римляне потеряли нескольких воинов, один из которых, разрубив василиска мечом, затем тут же отсек себе руку, чтобы яд не успел просочиться через нее в тело. Получается, здешние волхвы знакомы с латинскими источниками?

Хотя, с другой стороны, учитывая географию новгородских торговых связей, тут вполне могли познакомиться со всеми легендами мира, начиная с китайских сказок и заканчивая исландскими сагами. Не говоря уже о том, что, когда кровожадная Римская империя достала всех соседей своими разбоями, самодовольством, развратом и развлечениями вроде гладиаторских боев, именно откуда-то из земель между Уральскими горами и Днепром пришли в Европу закованные в сталь от макушек до конских копыт бородатые катафрактарии и втоптали в грязь голозадые римские легионы. Возвращаясь назад, победители наверняка прихватили с собой не только золото и серебро, но и многочисленные свитки из римских библиотек.

– Так что, – вырвал Олега из глубины размышлений купец, – намерен ты сдержать свою клятву или же, как лживый немец¹, сбежишь от опасных обещаний?

¹ Автор считает необходимым отметить, что понятие «немец» не имело расового признака и относилось вообще к людям, не знавшим русского языка. Немец – значит «немой», не способный говорить.

– Ну, вот еще, – хмыкнул ведун. – Подумаешь, василиск! Я этих тварей перебил столько, что и считать забыл...

Уточнять, что все предыдущие схватки были учебными, с Вороном, Середин, разумеется не стал.

– И не боишься? – Купец повернул коня на дорогу, ткнул пятками бока. – Я ведь, коли встретим тварь эту страшную, тебя вперед пушу. Тебе за то и золото обещано.

– Помилуй, батюшка Глеб Микитич! – На этот раз конягу осадил один из воинов, голу-боглазый, с выбивающимися из-под шапки рыжими волосами. – Помилуй, куда же ты нас на смерть верную против этакого чудища ведешь?

– Не будет никакой гибели, – зыркнул глазами в сторону Середина купец. – Сказывал вчера Аскорун, спасет меня от василиска нежить без роду и племени да небо русское. Сами, небось, слышали: роду-племени у ведуна нашего нет. А небо всегда над нами. Поехали!

Маленький отряд из четырех всадников наконец-то двинулся в путь. По широкой утоптанной дороге обогнул жмушиеся к городским стенам палисады, более далекие предместья, состоящие из небольших избушек, зачастую даже без печей, и маленьких, небрежно огороженных дворов. Похоже, здесь горожане занимались только теми работами, что невозможны в городе: огнеопасным кузнечным или вонючим кожевенным промыслом, огородики держали, изредка – скотину, предпочитая все ценное укрывать за высокими стенами, да и ночевать там. Тянулись эти постройки километра полтора, после чего резко оборвались, сменившись удивительно опрятными березовыми да дубовыми рошницами, высокими осинниками и темными ельниками. Середин заподозрил, что в каждом таком живом укрытии наверняка находится по капищу, но вслух ничего не сказал – какая разница? Хотя, конечно, с оборонительной точки зрения мощные бастионы оштетинившихся пушками монастырей, что вырастут на их месте лет этак через триста-пятьсот, смотреться тут будут куда внушительнее.

Лошади шли размеренным шагом, что не очень сильно усложняло жизнь ведуна. Так, пинался легонько гнедой седлом в задницу, и не более того. Скинуть не пытался, на дыбы не вставал, в стороны с дороги не шарахался. В общем – не путешествие получалось, а сплошное удовольствие.

Дорога отвернула от Волхова и, сузившись почти втрое, погрузилась в тень густого соснового бора. Песок мягко шуршал, вылетая из-под копыт, над головой залиvistо пели птицы, по небу лениво ползли рыхлые кучевые облака.

«Только бы дождя не было», – подумал Середин. На взгляд Олега, никаких приспособлений для укрытия от дождя путники не имели. Да и в любом случае – не станет купец останавливаться, хоть ты тайфун на его пути устрой. Не для того он решил мимо василиска идти и золото охране платить, чтобы погоды испугаться.

Песчаная колея вывернула на небольшую полянку перед весело журчащим ручьем. Над самым берегом торчал низкий пенек, с небрежно намеченными глазами, носом и ртом. Траву вокруг заплетали ленточки, на земле лежало несколько куриных яиц.

– Мшашака, Мшашака... – непонятно забормотали воины, спешиваясь с коней, а Глеб Микитич, вынув из сумы бурдюк, открыл пробку, плеснул на землю чуть-чуть жидкости. В воздухе запахло брагой. Охранники поцеловали траву возле пенька, вскочили обратно на коней, пересекли ручеек. Середин, уже переехав мелкую протоку, еще раз оглянулся на идола, и только тут до него дошло: да это же Чур! Видимо, они только что пересекли границу города.

Снова под копыта стала ложиться узкая, чуть желтоватая лента. Дорогой, судя по всему, пользовались редко. Да и к чему она, если рядом находится Ильмень – готовая ровная трасса, по которой можно безо всяких лошадей, с помощью паруса да нескольких корабельщиков перевозить за один раз груз в десятки, если не сотни телег? Лошади трусили, не особо торопясь, но, обогнав нескольких пеших мужиков и баб с лукошками в руках, Олег понял, что скорость у отряда, тем не менее, будет километров десять в час, если не более. Не «Феррари», конечно,

но вчетверо быстрее пешехода точно. Коли путь предстоит не в соседнюю деревню, а за сотни верст – разница очень даже существенная. А ведь скакуна, коли приспичит, и подогнать можно, и ноги не устают. Попрыгивай себе в седле, и вся недолга.

Еще час – и Олег увидел свою старую знакомую – реку Мсту. Правда, на этот раз она стала не путеводной нитью, а неодолимым препятствием – через речушку шириной в сто метров, да еще с приличным течением, так просто не перескочишь.

– Эгей, лодочник! – непонятно кому закричал купец, однако же на противоположном берегу сразу двое мужиков, бросив под куст удочки, заторопились к вытащенной на берег плоскодонке.

Середин, следуя примеру остальных путников, спрыгнул на землю, скинул на песок снаряжение и сумки, отпустил под седлом обе подпруги, скинул его на землю, сверху положил толстый войлочный потник. Пока он возился, лодка пересекла реку, уткнулась во влажный пляж. Купеческие слуги торопливо перекидали упряжь и сумки в посудину, забрались в нее сами, удерживая скакунов за поводья. Те, недовольно мотая головами и роняя с губ слюну, подошли к срезу воды. Лодочники оттолкнули плоскодонку, торопливо перебежали на весла, начали грести. Лошади, недовольно фыркая, были вынуждены войти в воду, поплыть – и спустя минуту маленький отряд оказался на другом берегу.

– Ну, теперь до самых Мошенников дорога ровная, – с облегчением кивнул купец, наравне со всеми жесткой щеткой сгоняя воду с шерсти своего чалого.

У ведуна такая щетка тоже нашлась – в притороченной к седлу хозяйской суме, вместе с крупнозубой деревянной расческой и большим мешком ячменя.

Слегка подсушив спины лошадей, путники уложили на них потники, тщательно разглажив от возможных складок, сверху положили седла, затянули подпруги, вернули на место сумы, мешки и щиты, поднялись верхом – и толстяк сразу погнал скакунов стремительным галопом, видимо, собираясь хорошенько прогреть лошадей после купания.

Спустя несколько минут под копытами загрохотала бревенчатая мостовая, по сторонам от дороги раскинулось селение, оглашавшее все вокруг веселым перезвоном.

– Это что, ссыльное поселение для кузнецов? – удивился Олег.

– Бронницкая слобода, – повернул к нему голову кареглазый воин. – Уголь здесь, скажут, хороший. И железо с окрестных болот подвозить удобно. В Новгороде любой причал монету стоит, а здесь пока даром швартуются.

Грохот оборвался, под ногами лошадей опять оказался песок, дорога стала намного шире, чем до реки. Правда, ненадолго – где-то спустя час стремительной скачки сосняки по сторонам сменились березовыми и осиновыми рощами, подступающими все ближе и ближе к дороге, пока их кроны не сомкнулись у путников над головами. Пахнуло прелостью, по ногам потянуло холодком. Купец перевел лошадей на широкий походный шаг. Под копытами запыхнула пересохшая глина. Правда, время от времени дорога ныряла в низины, и тогда из-под брюха коня начинало доноситься неприятное чавканье, а над головой принимались зловеще гудеть комары.

Время от времени не выдавшее с утра маковой росинки брюхо намекало ведуну, что неплохо бы сделать остановку на обед, но местность вокруг выглядела настолько сырой и неприятной – у Олега просто язык не поворачивался предложить толстяку сделать привал.

Только после того, как солнце перевалило далеко за зенит, тракт выбрался на сухой взгорок. Лес расступился в стороны, выпустив путников на широкое колосющееся поле, под куртки и свитера наконец-то стала проникать блаженная жара.

– Я уже думал, мы никогда до нее не доедем, – сняв шапку, отер лоб купец. – Хотя последние годы меня лешаки ни разу не путали, но по молодости один раз вместо Суздаля в Муром завели, было дело. Как в лесу надолго окажусь, завсегда тот торг вспоминаю.

– Какой торг? – поинтересовался Олег.

– Да как пытался муромскую соль по суздальской цене сбыть. Заморочили мне голову весельчаки лесные, все никак понять не мог, где нахожусь...

– Не побили? – вежливо поинтересовался Середин.

– Нет, – покачал головой толстяк. – Токмо мыту торговую я так и не оправдал... О, вот и Лыповая гора. Сейчас, кутному деду толику отдадим, да и дальше тронемся.

Олег порылся в памяти и повеселел. Кутный дед считался побудителем обжорства, а значит, обещание выделить ему толику чего бы то ни было означало неизбежный обед.

* * *

Деревня Лыповая Гора представляла собой четыре двухэтажные, с резными наличниками и тесовой крышей, бревенчатые избы, собравшиеся вокруг пятой, похожей больше на ангар, чем на дом. Зато внутри этого обширного строения, обогреваемого сразу тремя печами, имелось шесть столов с лавками, дощатые лежаки, присыпанные сеном, крупные бочонки литров по двести, десятки составленных в стопки деревянных мисок и груды деревянных же кружек. Заведовал всем этим хозяйством розовощекий здоровяк – еще более упитанный, нежели Глеб Микитич, – в заляпанном кожаном фартуке.

– Коням овса, нам еды и самовар, – распорядился Глеб Микитич, усаживаясь за ближний к выходу стол. – Что-то пусто у тебя сегодня, Святослав.

– Гать за Дажьбогом размыло, вот и пусто. – Хозяин постоянного двора водрузил на стол пузатый начищенный самовар. – Мыслию я, еще неделя пройдет, как мужики рахинские обратно соберут.

– А как же устюжские путники? Ужель с Железного Устьяга никто на Новгород не торопится?

– У-у, Глеб Микитич, – перешел на шепот хозяин. – Нехорошие вести приходят с тамошней дороги. Сказывали, как византийцы с Белоозера с позором бежали, так все летники попорчены оказались. Князя Владислава склоняли предков отринуть и богу хазарскому молиться. Ну, а тот их высечь повелел, да и гнать из города прочь. И как ушли они, дела странные твориться начали. Где волки баловать принялись, где берегини пропали, где и вовсе неведомые твари появились, никогда неслыханные...

Купец и оба его воина невольно покосились в сторону Середина. Олег невозмутимо подтянул к себе деревянную кружку с явно приклеенной рукоятью, подсунул под краник.

– Чего в самоваре-то?

– Сбитень, вестимо, – пожал плечами хозяин. – Чего еще в нем быть может?

– Хорошо... – Ведун открыл кран, в кружку потекла вялая желтоватая струя, а в нос сразу ударило густым запахом пряностей.

– Тебе, Глеб Микитич, как, комнату приготовить, али попутчиков своих тоже уложишь?

– Нет, Святослав. Знаю, хорошо у тебя... Мясо парное, мед хмельной, баня жаркая... Да не могу. Надобно мне в Устюг срочно добраться.

– Не нужно, Глеб Микитич, – покачал головой хозяин. – Ехал бы ты лучше в Тверь. Как гать подлатают, так и поезжай.

– Молодец, Святослав, – добродушно рассмеялся купец. – За что люблю тебя, так за сноровку совет добрый в нужный час завсегда дать.

– Все едино поедешь, упрямая твоя голова, – понял хозяин. – Ладно, поезжай, коли так. Гляди токмо, мимо озера Меглино не ходи.

– Так ведь нет другой дороги!

– А вот нигде и не ходи, Глеб Микитич, – рывком отодвинулся от стола владелец постоянного двора. – В Тверь ходи.

– Слыхал, ведун? – поинтересовался у Середина купец.

– Слышал. – Допив до конца сбитень, напоминавший по вкусу сладкий кофе с перцем, Олег отодвинул кружку и сладко потянулся.

– И что?

– Глеб Микитич, ты чего, предлагаешь мне цену повыше набить?

– Пойдешь, значит, не спужаешься?

– Пойду, – спокойно пожал плечами Олег.

Он, в отличие от местных жителей, знал один маленький, но очень важный секрет. Ворон в свое время рассказывал, что василиск убивает не ядом. Василиск не имеет плоти, а потому убивает, проникая в чужую душу, захватывая чужое тело. Больше двух-трех тел за раз он удерживать не способен, а потому, по природной гнусности, чаще всего не просто покидает захваченное в плен живое существо, а портит его, калечит, убивает. Исходя из этого, можно заподозрить, что отрубивший себе руку римский воин наверняка оказался жертвой василиска, отомстившего так за гибель своего предыдущего тела. И помер его товарищ не от яда, а тварь бестелесная что-то подлое сотворила. Как можно объяснить все это обычным воинам и купцам – Середин даже примерно не представлял.

Сам Олег василиска не боялся. Ворон рассказывал – этот дух не так уж и силен, подавить крепкую волю, подмять разум тренированного человека не способен. «Вспомните Будду, Шри Ауробиндо, Конфуция. Силой своей души они ветер останавливали, шторма успокаивали, тучи собирали. Неужели вы поверите, что выбить их из тела сможет какая-то мелкая бесплотная тварь? – вдалбливал учитель. – Посему тренируйте душу. Учитесь концентрироваться внутри себе, учитесь концентрироваться во вне. Занимайтесь медитациями, занимайтесь размышлениями. И тогда сможете таскать василиска за нос, а любого гипнотизера – за уши».

Да и вообще в местах с сильной энергетикой василиск выжить не способен. В церкви, например. Или, как ни странно, на кладбище.

Середин потянулся к самовару, налил себе еще кружку сбитеня. Хотя этот обжигающий напиток и показался ему странным, но тем не менее хотелось пить еще и еще. Он согревал тело изнутри не хуже водки, что после долгого перехода по сырым низинам казалось истинным наслаждением.

Хозяин двумя руками принес четыре миски с кашей, в которой лежали крупные куски мяса, поставил на стол, кивнул:

– Ну что, останетесь али совсем разума лишились?

– Поедем, – вместо того, чтобы обидеться на грубость, добродушно усмехнулся Глеб Микитич.

– Тогда я вам с собою пироги с вязигой дам, аккурат на три дня хватит, пока живы будете, и квасу налью. Но его лучше за два дня выпить. Жарко.

– Хорошо, – кивнул купец.

– Тогда две куны с тебя, Глеб Микитич.

– Что-то жаден ты стал, Святослав, в последнее время.

– А ты раньше, Глеб Микитич, сам-три ездил, а не сам-четыре. Да еще коням пришлось ячменя задать. Вы ведь, мыслю, их на травке оставлять будете? И петуху еще пшена насыпал.

– Петух точно за двух лошадей наклевал, – покачал головой Глеб Микитич, однако расплатился.

Путники достали ложки, принялись уминать кашу. Олег, мысленно выругавшись за бестолковость, кинулся на улицу к своей суме, достал ложку и, вернувшись, присоединился к общей компании. Затем вместе со всеми тяпнул еще по сбитеньку из горячо пытящего самовара и поднялся из-за стола. Коней они не расседывали, так что маленькому отряду оставалось только затянуть подпруги и снова выехать на дорогу.

Путь по Лыповой горе занял еще около получаса, после чего тракт опять нырнул вниз, к голодным комарам, сырой прохладе и чавкающим лужам. Солнце медленно двигалось к закату,

и у Середина появилось нехорошее ощущение, что ночевать им придется где-то здесь, во влажном мху, между гнилыми топями.

Часа через два Глеб Микитич остановился, слез с коня. Оба его воина спрыгнули следом, скинули шапки. Олег запоздало заметил, что среди ветвей орешника возвышается очередной столб с человеческим лицом, и тоже торопливо спешил.

– Простри, Дажьбог, над нами руку свою, – отчетливо прошептал купец, – сделай наш путь быстрым и легким. Отведи опасности, одари милостью.

Толстяк в очередной раз отлил на землю из своего бурдюка, потом немного отхлебнул от него сам, заткнул отверстие, низко поклонился и направился обратно к коню:

– Вот и росох, ведун Олег. Дорога на Устюг, – махнул он в сторону проселка, отходящего под темные ели от главного тракта. – Теперича нам иного пути нет.

Скакали они до самых глубоких сумерек, пока не выбрались на небольшой, поросший редкими березами, взгорок у вытянутого лесного озерца. Торопливо, пока не наступила полная темнота, расседлали коней, отвели их к воде, а затем, спутав ноги, оставили на поляне, усыпанной алыми точечками земляники. Рыжий воин достал из своей котомки бурдюк, немного отпил, протянул товарищу, сам начал выкладывать румяные печеные пироги. Кареглазый протянул кожаную флягу Олегу, и тот с наслаждением припал к пахнущему хлебом, чуть кислому квасу. Затем они разделили пироги с рыбой каждому по два...

И вот тут Середин почувствовал, как крестик у запястья начал потихоньку пульсировать теплом. Он приподнялся, закрутил головой – но никого, естественно, не увидел. Коли нечисть захотела бы, чтобы ее разглядели – уже бы напала. Олег торопливо выстрелил глазами на ветки – крикс нет; на озеро – никакого движения; в сторону зарослей малины за березами – тоже все тихо. Крест между тем продолжал слать сигнал опасности.

– Ты чего, ведун, сыт, что ли? – плотоядно облизнулся рыжий воин, и Середин торопливо вернулся к еде: с такими сотоварищами только зазевайся!

Оставив немного пирога и соорудив из листа травы маленькую чашечку, Глеб Микитич отнес подношение к малиннику, после чего вернулся, достал из своей чересседельной сумки темную медвежью шкуру, кинул ее на траву, завернулся с головой, и вскоре все услышали его мерное посапывание. Воины начали укладываться на потники.

– Э-э, ребята, вы чего? – забеспокоился Середин. – Может, хоть огонь разведем, дежурного оставим? А ну, медведь забредет?

– Не бойсь, ведун, – сонно посоветовал рыжий бородач. – Место спокойное, прикормленное. Спи.

– Ква, – подвел неутешительный итог диалогу Олег. – Пожалуй, даже тройное.

Над лесом стремительно сгущалась тьма, поскольку даже на полумесяц, дававший хоть какой-то свет, накатилась туча – черная, как совесть олигарха, и обширная, как его банковский счет. У озера заквакали лягушки. У запястья бился теплым пульсом освященный в Князь-Владимирском соборе крест. Хотелось спать – и вовсе не хотелось дежурить одному за всех.

Середин нащупал последний потник, развернул, лег. Покрутился, жалея, что не догадался купить плащ, которым сейчас было бы так приятно укрыться. Не для тепла – для хоть какого-то уюта.

Руку опять обожгло, и ведун настороженно вскинул голову. Прислушался... Нет, вроде тихо. Опять лег, повернулся на другой бок. Прислушался.

– Спи. Все хорошо... – Олег увидел прямо над собой девичье лицо с зелеными глазами, ощутил на щеке прикосновение длинных волос.

– Берегиня... – прошептал он, чувствуя, как на душу нисходит странное, всепоглощающее спокойствие и блаженство, и окончательно провалился в мир дремы.

* * *

Утром он проснулся от громкого плеска и оглушительного хохота. Оказывается, несколько косуль, не ожидавших, что возле водопоя обнаружатся непрошенные гости, прибрели к озерцу и теперь во весь опор улепетывали от рыжего воина по мелководью. Его кареглазый товарищ уже расстелил полотенце и выкладывал на него пироги.

– Очнулся, ведун? Спишь, словно тебя баюкал кто-то на ночь. Давай, перекусывай. Сейчас Глеб Микитич вернется, и поедем.

Олег подумал, отломил кусочек белого рыхлого теста, отошел к малиннику, положил на траву, низко поклонился:

– Спасибо тебе, берегиня.

И не столько по теплomu толчку в запястье, сколько по беспричинному шевелению веток в кустах осознал: его подношение принято.

Снова началась скачка. Незадолго до полудня они остановились в небольшой деревеньке Боровна в шесть дворов – перекусили, напоили коней из речушки с таким же названием, дали скакунам часок пощипать травки, после чего отправились дальше. После шестичасового перехода по такому сырому болоту, что верст пять дороги тянулись по пружинящей под ногами гати, Середин понял, почему купец решил сделать первый привал так рано – потому что второй, уже за трясиной, в выселках со смешным названием Укрой Его, пришлось назначать перед самыми сумерками. Но на ночлег толстяк останавливаться не стал, приказав после короткого привала снова подниматься в седла – и спустя час, почти в темноте, путники оказались в довольно большом селении, которое имело даже окруженный прочным частоколом детинец и до боли знакомое название, пахнущее домом и двадцать первым веком: Боровичи.

Знакомый со здешними местами, Глеб Микитич даже в потемках без труда нашел постоялый двор, в котором поздним гостям выделили самовар сбитеня и припорошенный сеном топчан на троих – сам купец ночевал где-то в более комфортном месте. Поутру, хлебнув сбитеня и закусив расстегаем – большой ватрушкой с грибами и репой, – путники вброд перешли Мсту, оказавшуюся здесь не очень-то и глубокой, и повернули вместе с дорогой к Опеченскому посаду, огибая некую непроходимую Лимандрову вязь.

Посад они миновали, даже не спешившись: всего полтора часа пути от Боровичей – рано отдыхать. Правда, потом началась новая гать, но только на две версты, после чего дорога выбралась на возвышенность, и путники, дыша полной грудью, поскакали через пахнущие свежей смолой сосновые боры, иногда перемежающиеся березовыми рощами. Ближе к полудню впереди открылась новая река – метров пяти шириной, темная, торфяная.

– Вот и Уверь, – тяжело вздохнул купец. – Приехали. Туда, выше по реке, деревня Мошенники, они с неопытных путников за перевод по броду куну берут. А дальше уже Меглинские земли. Я ранее ночевал там у озера. В Крепужихе товарищ у меня жил, у него завсегда и оставливался. Один переход оттуда до Железного Устья. А ноне и не знаю, что делать...

– Петуха-то не съели еще?

– Да здесь он, ведун, никуда не делся, – похлопал по клетке толстяк.

– Тогда ищем брод – и вперед, – предложил Середин.

– Чего его искать? Уверь в любом месте перейти можно, токмо дна в воде не видно. Потому и Мошенники. Я мыслю, может, здесь заночуем? Завтра за день Меглинские земли пересечем, а там и до Устья недалеко.

– Ночью василиска бояться ни к чему, он не оборотень, не ночница. Ему жертву видеть нужно, – пояснил Олег. – Опять же, петух, если ночью в тишине кто-то подкрасться попробует, обязательно закричит. А василиски этих криков бояться. Ну, значит, реку прямо тут переехать можно?

За три дня пути ведун уже успел несколько привыкнуть к скаку, а потому довольно уверенно пнул пятками его бока, одновременно натягивая левый повод; когда же гнедой повернулся к воде, пнул его еще раз. Конь фыркнул, ступил в реку, медленно, словно прощупывая дно, зашагал вперед, а когда до противоположного берега оставалось всего метра два, неожиданно всхрапнул, пару раз скакнул вперед и выбрался на поросший сочной зеленой травой откос.

– Вот видишь, как все просто, – потрепал его по шее Олег. – Прыг-скок, и мы уже во владениях василиска.

Первые впечатления от «владений василиска» оказались сугубо положительные: берег повыше, дорога посуше. Стрекозы порхают, кузнечики стрекочут.

– Подклинь скоро, – тихо сообщил купец. – Два двора о прошлом году было. Там и узнаем, как оно...

Как обычно, близость селения обозначилась широкими прогалинами среди лесов – лугами с уже сметанными на них стогами, длинными черными грядками, украшенными огромными лопухами капусты и бордовыми листьями свеклы, обширным садом, в котором росли попеременно яблони, сливы, вишни, а между ними – мощные кусты смородины. И уже за овальными кронами фруктовых деревьев открывалась сама деревня.

В первый миг Середину показалось, что на взгорке, обнесенный изгородью в три жерди, стоит один дом, но рядом с зеркалом. Два двора соприкасались плотным плетнем из ивовых прутьев, в каждом стояло аккуратно напротив друг друга по два сарая, по одной «черной» бане – а что еще могут означать мочалки и веники у входа? – по высокой, в два этажа, избе, по два окна на стену, у каждой имелось крытое крылечко в две ступени. В каждом дворе гуляло по два десятка кур – конечно же, примерно, точными подсчетами Олег не занимался, – в каждом рылось в утопанной земле по четыре одинаковых поросенка с пуд весом. Вот только колодец был один – но и тот вынесен за дорогу, чтобы не нарушать сбалансированного равновесия.

Залаяли на приближающихся путников собаки, выкатились навстречу, звонко тявкая, четыре мохнатых глазастых клубка, одновременно открылись двери. Однако на одном крыльце появилась женщина в повойнике, в рубахе и темной юбке, а на другом – одетая в полотняный сарафан с красными и зелеными цветами девица, потому как с непокрытыми волосами. Через плечо вперед была перекинута главная ее красота – толстая длинная коса с вплетенными атласными ленточками.

– Мир вашему дому, хозяйюшки, – придержав коня, поклонился купец. – Как живется-может?

– А по-разному, гость дорогой, – кивнула женщина. – Когда густо, когда пусто. Вы куда путь держите, откуда? Может, в гости зайдете, хлебушка нашего переломите?

– Спасибо, хозяйюшка, путь долог, а времени мало...

Однако в этот момент скрывшаяся в доме в начале разговора девушка вновь появилась, неся в руках большой ковш, до краев полный пенным желтым напитком. Спустилась с крыльца, вышла со двора, протянула его купцу:

– Испейте с дороги, гости дорогие...

Перед этим обращением Глеб Микитич не устоял, спешил, принял ковш. Воины последовали его примеру, за ними следом прыгнули и Середин.

– Спасибо тебе, красна девица, – изрядно отпив, передал ковш своим слугам толстяк. – Хорош квасок, ядреный. Сама делала?

– Я что? – пожала плечами девушка. – Какая репа уродилась, такой и квас.

– А хорошо уродилась?

– Нынче хорошо растет, – присоединилась к разговору вышедшая со двора женщина. – А о прошлом году помокло все. Хлеб, репа, свекла – ничего не было. Одна капуста выросла. Всю зиму пришлось одними грибами да мясом с капустой жить.

– Свое мясо-то? – наострил уши Середин. – А то слухи дурные ходят, будто лихо у вас тут объявилось.

– Да больше в лесу мужики наши ловили, – признала хозяйка. – Но ныне зверь ушел. Коли опять беда с урожаем случится, прямо и не знаю, что делать. Уходить-то не хочется. Сад, вон, только поднялся. Отстроились, печь белую всего три года назад сложили.

– Так плохо?

Хозяйка тяжело вздохнула, помолчала. Потом, покачав головой, сказала:

– С Зыкулино и Захарькино который месяц никаких вестей. Из Балковой Горки полгода назад все три семьи разом уехали. Мимо нас проезжали, в тверские земли подались.

– А в Крепужихе как? – поинтересовался купец.

– Неведомо, – пожала плечами женщина. – Никто не ездит давно... И вы бы не ездили тем путем. Ужели дорог мало на Руси?

Квас наконец дошел и до Середина. Он допил сладко-едкий напиток, напоминающий сок редьки с медом, только не такой концентрированный, а потому не противный и даже немного взбадривающий. Протянул опустевший корец девушке, заглянул в темно-серые глаза:

– Как тебя зовут-то, красавица?

– Велора... – неожиданно засмушалась девица и, вместо того, чтобы забрать посудину, принялась теревить ленту в своей косе.

– Остались бы, гости дорогие, – вместо нее взяла ковш женщина, – перекусили с дороги. Мужики наши вернутся, баньку стоим...

– Извини, хозяйюшка, – покачал головой Глеб Микитич. – Рады бы, да никак. Поспешать нужно.

– Пропадете, – уже более тревожным тоном предупредила женщина. – Сгинете ни за кунье ухо.

– Я смотрю, цыплята у вас подрастают, – сказал Олег, глядя покрасневшей Велоре в лицо. – Так вы петушкам-то головы сворачивать не торопитесь. Пусть дерутся, орут. Как подрастут – на ночь в разные сараи и в дом пускайте. Глядишь, и обойдется с лихом-то... Да...

Ведун отвернулся, поднялся в седло.

– Вы назад-то собираетесь? – моментально встрепелась девушка. – Скоро ль? Зажинки дней через десять собираемся устраивать. Приехали бы...

– Это как повезет, – улыбнулся ей Олег. – Сперва туда попасть нужно, а уж потом об обратной дороге думать.

– Да светит вам Ярило во всякий день и всякий час, – приложила руку к губам девушка, а потом коснулась ею ноги Середина.

Толстяк тронул коня, и путники бодрой рысью помчались по дороге.

Этот аллюр Середину нравился меньше всего. Сидишь, как на взбесившейся табуретке: седло постоянно дергается, бьет, ритма не угадать, стоять все время на стременах тоже невозможно, а потому, когда, спустившись со взгорка, купец перевел отряд на широкий шаг, ведун облегченно вздохнул.

– Заскучала девка-то, – подал голос кареглазый воин. – Видать, и погулять не с кем на выселках. Может, Глеб Микитич, и впрямь этим путем вертаться станем?

– Тебе-то что? – хмыкнул толстяк. – Она ведь не на тебя, она на ведуна нашего загляделась. Как, вернешься за девкой, Олег?

– Не знаю, – пожал плечами Середин. – Вообще, девчушка симпатичная.

– А то, – кивнул купец. – Смотри токмо, мужики тут хитрые. Ты с нею гульнешь вечеров на зажитках, а они тебя тут же сцапуют, да и обкрутят пред Сварогом. Куда тогда подашь? Они девку за так не отдадут, они тебя рядом с собой осадят. Али порчу напускать станешь?

– Вот еще, – поморщился ведун. – Ко мне девка с ласкою, а я пакость в ответ? Нет, не люблю я таких шалостей. Другое чего-нибудь придумаю...

Сказал – и сам удивился тому, что идея вернуться в деревеньку за небольшим приключением не вызвала в душе никакого протеста. Этак, вместо того, чтобы ответ на заклинание искать, недолго и осесть в этом колдовском мире. Велору ведь, коли путь до конца пройти, заклятье вместе с ним в реальность наверняка не выпустит.

– Велора... – тихо проговорил он вслух, а память тут же услужливо подсунула: «ВЕЛикая Октябрьская Революция».

– Что за бред! – в сердцах сплюнул он. – Наверняка, обычное имя. Скорее всего, скандинавское.

– Ты чего, ведун? – оглянулся на него купец.

– Ничего, – мотнул головой Олег. – Просто слишком много знать вредно.

– А ведь и правда, не то чего-то вокруг... – пробормотал рыжий воин. – Странно что-то...

Толстяк придержал коня, закрутил головой. Середин тоже остановился, осматриваясь. Чего-то в окружающем мире не хватало.

– Птицы! – внезапно сообразил он. – Слышите, какая тишина вокруг? Птицы не поют. Похоже, извела всех тварь нерусская. Наверное, и зверья здесь уже нет...

– Давайте поспешать. – Впервые за весь путь купец выхватил из-за пояса плетъ и огрел ею своего чалого. Тот рванул в галоп. Остальные путники помчались следом.

Дорога пересекла широкое жнивье, нырнула в овражек, выбралась наверх, в березовую рощу, обогнула небольшое озерцо, пробилась сквозь малинник. Купец неожиданно осадил скакуна, спрыгнул на землю, приложился к траве щекой. Поднялся, отбежал в сторону, снова приложился. Поднялся, в сердцах ударил кулаком в ладонь. Оглянулся на своих воинов:

– Аплах, дай пирог!

Рыжий слуга развязал суму, достал расстегай с грибами, протянул хозяину. Тот донес угощение до кустов, положил, поклонился. Подождал... Потом повернул назад и побежал к коню. Середин с удивлением увидел в его глазах слезы.

– Ты чего, Глеб Микитич? – подал Олег вперед своего гнедого.

– Берегиня... Берегиня не отзывается... – Толстяк, прикусив губу, поднялся в седло. – Дед мой еще под ее опеку отдавался... Я маленьким видел... Как же так?

Он огрел чалого плетью и тут же резко осадил, с силой натянув поводья, оглянулся:

– Ты правда можешь истребить его, ведун? Можешь? Сделай... Заплачу, сколько скажешь. Только...

Толстяк, не договорив, огрел коня плетью и унесся вперед, предоставив всем догонять его, кто как сможет.

Скачка длилась не меньше часа – у лошадей из-под упряжи, на лопатках, на морде начала выступать белая пена, они натужно хрипели, перепрыгивая многочисленные ручейки и взмывая на взгорки. И только когда по сторонам открылись широкие пастбища, обнесенные деревянной изгородью, Глеб Микитич опять перешел на шаг.

Поля темнели от сочной, высокой травы, дышали жизнью и свежестью, однако же это никого не радовало. Хотя бы потому, что среди всего этого богатства не возвышалось ни стожка, не виднелось ни единого покоса.

– И полей чегой-то не заметно... – вслух пробормотал Аплах.

Дорога обогнула аккуратный округлый холм, на котором росли вековые дубы, пытаясь скрыть высокий частокол. На тыне, переминаясь с ноги на ногу, сидели несколько ворон.

– Вот твари, – поразился Середин. – Ничем их не пронять. Что в лесу, что в городе, что на ядерном полигоне – все им нипочем!

– Вороны в святилище, – соглашаясь, вздохнул кареглазый воин. – Беда.

Впереди открылся поселок, который выглядел совершенно целым: белели затянутые бычьим пузырем окна, торчали над целыми крышами трубы, исправно огораживали дворы

плотные – цыпленок не выскочит – плетни. Вот только не виднелось этих самых цыплят. Равно как и свиней, коров, собак, овец, коз... И людей тоже.

Путники спешили у крайнего двора, толкнули калитку, вошли внутрь. Толстяк, недовольно пыхтя, завернул в дом, Олег двинулся следом.

Внутри избу примерно пополам разгораживала большая русская печь, с занавесочками по обе стороны лежака наверху. Топку закрывал железный лист с приклепанной рукоятью, на приступке стояло два глиняных горшка, чуть выше, в специальных выемках сохли порядком стоптанные поршни. Густо пахло тухлятиной, а потому в первый миг Середин даже не решился перевести взгляд в горницу, боясь увидеть там разложившиеся тела. И только когда толстяк, громко топая, прошел через комнату к обитому медью сундуку, ведун решился проводить его взглядом.

В горнице имелось несколько лавок, грубо сколоченный стол, на котором лежали пила и топор. В обоих углах стояло по сундуку, и на том, что слева, в глиняном узкогорлом кувшинчике засыхал цветочный букет.

– Зеркало, – показал Середину купец продолговатую, гладко отполированную пластину. – Это я Милене подарил. Она бы без него никуда не ушла. А это Дидилия. Ее Велюру родители в новый дом давали...

Дидилией оказалась пузатая глиняная баба с отвисшими грудями.

Купец, захлопнув сундук, уселся сверху, сжимая в руках любимые предметы друзей и думая о чем-то своем.

Олег, покрутившись, наконец-то нашел источник запаха: это в одном из горшков безнадежно протухло какое-то варево.

– Глеб Микитич! – хлопнула входная дверь. – А погреб-то забит под завязку! Солонина там, грибы, капуста прошлогодняя, мясо и рыба вяленые. Может, приберем часть, коли все едино никому здесь не надобно?

Толстяк промолчал, качая из стороны в сторону головой.

– Глеб Микитич, смеркается! Может, здесь встанем, дабы в лесу бока о землю не студить? Все дворы пустые!

– Куда же они все делись, ведун? – наконец прервал молчание купец. – Что он с ними сделал?

– Тебе этого лучше не знать, Глеб Микитич, – вздохнул Олег. – Право слово, не нужно. И про детей тоже не спрашивай. Ни к чему это...

– Аплах! – Поднялся с сундука купец. – Суму мою сюда принеси! А ночевать... – толстяк покосился на Середина.

– Без разницы, – пожал тот плечами.

– Ночевать соседний дом займи. Коли не пахнет там, конечно.

Спустя пару минут рыжий воин приволок туго завязанный мешок, выскочил наружу. Купец распустил узел, достал уже знакомый Середину бурдюк, припал к его горлышку, опустошая крупными глотками, потом внезапно оторвался, пролив остатки браги на пол:

– Будь милостива, великая Мара, к обитателям дома сего. Все мы когда-то придем в твои объятия, и коли ты чем-то обижена ими, оставь для меня свою обиду. А друзей моих – прости.

Толстяк бросил бурдюк, отодвинул занавеску над печью, сдернул оттуда толстый тюфяк, быстро вспорол его засапожным ножом, выворотил на пол пересохшую солому. Из поясной сумки достал огниво, несколько раз ударил куском железа по камню, высекая крупные искры. Сено сразу в нескольких местах начало тлеть.

– Прощайте, – низко поклонился дому купец. – Не поминайте лихом, коли что не так. Пойдем, ведун.

Они выбрались во двор, плотно прикрыв за собой дверь, направились к облюбованной воинам избе – у нее единственной из трубы валил дым.

– Хоть горяченького сегодня поедим, – пробормотал себе под нос ведун.

Не успели они попасть в натопленный дом, как все вокруг неожиданно мигнуло алым светом. Середин оглянулся: пламя пробилося сквозь крышу и сейчас высоченным раскаленным языком плясало над избой.

– Никак, пожар?! – выскочили на крыльцо воины.

– Тризна это, – сухо ответил купец. – По друзьям моим поминальный костер.

– Зря ты это, Глеб Микитич, – покачал головой кареглазый слуга. – Темно ужо. На сто верст окрест зарницу видно будет. Коли есть кто вблизи, обязательно посмотреть придет.

– А может, пусть приходит? – оживился рыжий. – А мы пока на коней, и ходу! Авось, проскочим?

– Мы, может, и проскочим, – согласился ведун. – А как же люди, что вокруг живут? Им тоже бежать? От дома, от хозяйства? Мошенники как, Боровичи? Василиск рано или поздно до них тоже доберется.

– Да брось ты, ведун, – усмехнулся кареглазый. – О Велоре своей, небось, печешься.

– А хоть бы и так, – пожал плечами Середин. – Почему она здесь, на своей земле, земле русской бояться чего-то должна?

– Так пусть она тебе и платит, коли так! Ты ведь не ее, ты нас беречь подрядился!

– Тихо вы все!!! – неожиданно зло рыкнул купец. – Дайте помолчать немного...

* * *

Ужинали они сытно. В свете вправленных в длинные держатели лучин стол заполняли горячая солонина с небольшой примесью разваренной гречи, копченые лещи, пареная репа и свекла, соленые половинки куриных тушек, миски с кислой капустой и маринованными грибами. В погребах нашлось и вино, судя по вкусу – яблочное. Но им никто не увлекался. Хочешь жить – береги трезвую голову.

Спать первым отправился купец. Забираться на теплую печь он отказался, завернувшись в медвежью шкуру на полатах.

– А ты погреться хочешь, ведун? – осторожно поинтересовался Аплах.

– Нет, я еще посижу, – отказался Середин, и довольные воины, оставив внизу плащи, полезли на горячий лежак.

Олег сходил к дверям, поймал петуха, которому за печью насыпали немного крупы, сунул его в клетку, поставил на стол, а потом потушил лучины. Немного подождал, прислушиваясь к происходящему за черным окном.

Мир за стеной погрузился в покой. Можно сказать – в мертвый покой. Не потягивали скучающие собаки, не переминались коровы в стойлах, и даже неизменный лягушачий хор – и тот чисто отсутствовал в этом мертвом царстве.

– Ну, тварь, – тихо прошептал он. – Неужели ты не хочешь посмотреть, кто заглянул в самое сердце твоих владений?

В памяти всплыли азартные игры с Вороном, когда они с ребятами – когда все вместе, а чаще по одному – устраивали «охоту на василиска». Вот и сейчас бы выйти, прошвырнуться по темным углам, поискать смертельно опасную бестию...

Нельзя. Люди здесь без охраны останутся. Да и лошади тоже. Разве сам придет...

Олег уже начал засыпать, когда крест неожиданно обжег руку нестерпимой болью. Ведун от неожиданности вскочил, уронив клетку, – петух спросонок недовольно заклекотал, и боль моментально стихла.

– Что такое? – заворочался на полатах купец.

– Ничего, все спокойно.

– А что за шум?

– Василиск приходил. Да только петя наш спугнул его в самый неподходящий момент.
– Откуда ты знаешь?
– А за что ты мне серебро платишь, Глеб Микитич? – улыбнулся в темноту ведун.
– И что теперь?
– Ничего, – поднял клетку обратно на стол Середин. – Спугнули тварь. Теперь, думаю, до утра не появится. Давайте спать.

* * *

Первое, что сделал на рассвете ведун, так это сбегал в хлев, где над полными овса яслями ночевали лошади. Олег погладил каждую левой рукой, потеревил по морде – крест оставался холодным. Значит, обошлось. Он вернулся в дом, вместе со всеми подкрепился, дабы лишнее добро не пропадало, отправился седлать своего гнедого.

Купеческие слуги, исходя из того же принципа: «Не пропадать добру», хорошенько нагрузили чересседельные сумы и найденные мешки вяленным и сушеным мясом, кое-каким ценным барахлом, взятым в избах. Середин подобным мародерством заниматься побрезговал, хотя и понимал: в древние времена все это было в порядке вещей. Глеб Микитич, кстати, тоже ничего не взял, хотя и препятствовать слугам в разграблении деревни не стал.

Выехали путники где-то через час после рассвета. Дорога, обогнув сырой ольховник, вышла на берег обширного озера; тянулась вдоль самой воды метров триста, потом отвернула вправо и примерно через километр выбралась к другому, еще большему по размерам водоему.

– А вот это Меглино озеро и есть, коли интересно, – хмуро сообщил толстяк.

Устюжский тракт уткнулся еще в одну деревню, прошел ее насквозь. Она тоже выглядела совершенно целой: аккуратные избы, покачивающиеся у берега лодки, сохнувшие на ветру сети. И только абсолютная тишина доказывала путникам, что здесь тоже не стоит искать живых обитателей.

За селением дорога нырнула в овражек, перемахнула радостно журчащий ручеек, снова забралась на взгорок и утонула в прозрачном сосновом бору, сквозь который прекрасно просматривался озерный простор и белые барашки волн на нем.

– Интересно, сегодня жарко, или это только я так потею? – пробормотал, поеживаясь, Аплах.

– А ты разденься, – посоветовал кареглазый воин. – Супротив яда кожаный панцирь все едино не спасет.

– Сам-то не раздеваешься, – огрызнулся рыжий.

– А мне не жарко, – спокойно возразил кареглазый.

Дорога опустилась в очередную низину, вышла наверх к колосющимся полям и отвернула от озера прочь.

– Великий Сварог и дети его, – сглотнул Аплах. – Неужто миновали?

– Как птички зачирикают, – сообщил Олег, – так, значит, все позади.

Пока еще путников окружала гнетущая тишина. Они проехали через ржаное поле, миновали деревеньку в три двора, уткнулись в перекресток.

– Нам налево, – сообщил купец. – Прямо путь на Суздаль будет.

– Елки-палки, – не удержался от возгласа Середин. – Перекрестье двух важнейших дорог – а тут не то что крепости, селения приличного нет!

– А кому они нужны, перекрестки эти? – удивился Глеб Микитич. – Конный крепость обойдет, купец все едино по реке с товаром пойдет. Хорошо, коли постоянный двор окупится. И то не всегда.

Тракт тянулся по гребню меж двух болотин – с высоты, по кронам деревьев, хорошо различались влажные и сухие места. На возвышениях покачивались ели и сосны, в воде росли березы и ольха.

– Прямо хоть карту составляй, – пробормотал Олег. – Интересно, а это место как закрашивать?

Справа почти вплотную к дороге примыкала древняя, судя по размеру стволов, зеленая дубрава. И чем ближе маленький отряд приближался к роще, тем сильнее начинал греться крест у запястья Середина.

– Он здесь, – кратко сообщил ведун, натянул поводья и спешил. Проверил, не застрял ли в кармане «косухи» давно не вынимавшийся кистень, как выходит из ножен сабля, отцепил с седла щит, взял в руку.

Глядя на его приготовления, оба купеческих бойца тоже спешили и вооружились.

– Ква! – Решив не рисковать, ведун сразу обнажил клинок, пару раз взмахнул им, со свистом рассекая воздух, покрутил плечом, разгоняя кровь. – Ладно, где наша не пропадала... Вперед!

Ветер, словно испугавшись предстоящего действия, затих. Шелест листы тоже прекратился. В мертвой тишине шорох сминаемой под ботинками травы казался просто оглушительным. Сзади эхом отдались другие шаги, и ведун понял, что остальные путники крадутся следом.

Крайний дуб в три обхвата Олег обошел стороной метров за пять, остановился, повел левой рукой. Крест запульсировал чуть сильнее. Значит, тварь пряталась где-то впереди. Ведун прошел еще несколько шагов, опять остановился. Чего ему хотелось меньше всего – так это чтобы василиск, прячась за деревьями, обошел маленький отряд и напал сзади.

– Нет, пока все в порядке... – пробормотал он. – Если конечно, так можно выражаться при встрече с васили...

Впереди из-за дубового ствола выступил опоясанный веревкой дедок в белой рубахе и ростом метра полтора. Сложил руки на груди и презрительно усмехнулся, дернув седенькой козлиной бородой. Олег остановился. У него возникло до жути неприятное ощущение, что все это он уже видел. Вот только когда? Про василисков раньше он слышал только от Ворона...

И тут у него в голове словно полыхнуло: клуб, улыбающийся Ворон, Стас и Костя...

– А-а-а! – Живот от предсмертного ужаса скрутило холодом, и ведун, падая на колени торопливо кинул щит за спину. Деревяшка тут же содрогнулась от сильного удара – Олег покопился вниз и назад, увидел совсем рядом бычьи сапоги, тут же рубанул по ним саблей и кинулся в сторону над самой землей, прокатываясь окантовкой по траве, торопливо подпернул ноги, вскочил. – Надо же, жив!

Аплах, размахивая мечом, бежал на Олега, дед с коротким ножом – тоже, даже кареглазый воин, оставляя густой кровавый след из перерубленных ног, полз к ведуну, стискивая в руке широкий меч. Один только купец улепетывал к лошадям.

– И на том спасибо, Белбог, хранитель справедливости, – пробормотал себе под нос Середин, вскидывая щит навстречу рыжему врагу. Меч с зубовным скрежетом высек из окантовки сноп искр. Похоже, Аплах рассчитывал, как в свое время Урий, раскроить деревяшку на щепочки, но получился облом. Олег довольно хихикнул, покосился на старикашку с ножом, до которого оставалось еще метров двадцать, отступил на несколько шагов – еще не хватало, чтобы его подползший кареглазый за пятку ухватил.

Рыжий, угрожающе заорав, вскинул щит и обрушил его сверху. Олег опустил свой вниз, принимая удар на эфес сабли, ощутил удар в левую руку. Нашел чем удивить, рубака хренов. Середин такому приему новобранцев первого уровня учил – не его так обманывать. Ведун снова покосился на набегающего старика, громко посвистывающего сквозь зубы и старательно помахивающего на бегу ножом. Пожалуй, пора.

Середин легонько хлопнул по щиту Аплаха, имитируя удар, сдвинул свою деревяшку влево, открываясь. Воин, чуть не визгнув от радости, бросил свой клинок вперед, метясь в грудь, но ожидавший такой атаки ведун отбил его саблей влево и шагнул навстречу, заходя за щит. Теперь рыжий уже не мог закрыться спасительным диском, а рука его еще оставалась вытянутой во всю длину. Никаких шансов – слева направо ведун рубанул его по лбу, гарантированно выводя из схватки, и повернулся к старичку.

– Ну вот, – затормозил он в паре шагов и разочарованно бросил нож оземь. – Не повезло...

– Это точно, – кивнул ведун, приметился на основание шеи и со всего замаха нанес точный смертоносный удар. Потом вытер клинок о подол дедовской рубахи, вернул в ножны, повернулся к кареглазому воину. Тот лежал, уткнувшись лицом в траву. Олег присел рядом, попытался нащупать пульс. Ничего... Похоже, истек кровью. При отрубленных ногах – времени на это много не надо.

– Извините ребята, – покачал Олег головой. – Но я тоже жить хочу. Так получилось...

Купец придерживал на дороге коней, опасливо оглядываясь на место схватки, и ведун, закрыв всем трем мертвецам глаза, направился к нему.

– Ну как? – спросил толстяк, облизнув пухлые губы. – Все кончено?

– Да, – кивнул Середин. – А чего это с петухом?

– Да я так подумал, – пожал купец плечами, – что он нам теперь и не нужен. Вот и прибил. Супчик свеженький на привале сварим.

– Тоже верно, – опять кивнул Олег. – Так что, поехали, Глеб Микитич?

– Поехали, – согласился толстяк и повернулся к коню, запихивая ногу в стремя.

В этот момент ведун его и ударил – окантовкой щита в затылок. После чего отошел к своему чалому и приторочил щит возле седла.

– Дурак ты, василиск, – сообщил он, развязывая сумку и доставая оттуда торбу. – Полный дурак, хотя и воображаешь себя умным. Ну, кто из нормальных людей станет петуха мечом закалывать? Ты бы его из клетки вынул, аккуратно шею свернул. Тогда поверить еще можно, хотя все равно странно. А так...

Середин нашел ремешок, видимо, взятый на случай ремонта упряжи, связал толстяку руки за спиной, потом надел ему на голову плотную полотняную торбу и старательно обмотал края вокруг шеи, следя только, чтобы пленник не задохнулся.

– Впрочем, меня бы ты все одно не обманул, – добавил Олег. – У меня через твоё нутро колдовское скоро волдырь на запястье вздуется.

В заключение он перевернул купца на живот, привязал его руки к поводьям чалого скакуна, а коню старательно смотал ноги.

– Теперь точно не уйдет, – удовлетворенно кивнул Середин, после чего остальных коней повел в поле.

Он провозился почти полдня: погибших нужно было поднять на лошадей, закрепить поперек седел, отвезти в оставшуюся позади деревню, занести в одну из пустующих изб. В одиночку все это было очень тяжело – однако бросить мертвых людей валяться так, словно дохлых крыс, он не мог. Разложив покойников по лавкам, Олег, по примеру Глеба Микитича, нашел бурдюк с каким-то хмельным напитком, отпил сколько смог, остальное вылил на пол, кинул туда же бурдюк, попросил Мару быть милостивой к умершим и, стряхнув с печи сухое тряпье, чиркнул зажигалкой.

Затем, на улице, он дождался, пока пламя пробьет крышу и взметнется к облакам. Вообще-то, в эти минуты взмывающие вверх души мертвых должны подхватывать жаворонок и уносить в царство Мары, но и здесь василиск устроил своим жертвам подлянку: ни одной птицы над погребальным костром так и не появилось.

– Ну, ребята, – поклонился напоследок Олег, – вы уж простите, коли что не так. Какую смог, такую тризну и устроил. Да будут вам небеса пухом.

Оставленный на дороге толстяк, само собой, попытался удрать: он притоптывал на месте, натягивая поводья, но коняга со спутанными ногами мог передвигаться только еле-еле – черепаха обгонит. Услышав топот, купец замотал под мешком головой. Середин, спешившись и подойдя, расстегнул на нем ремень, развязал веревку штанов, сильным рывком сдернул их вниз.

– Ты чего делаешь?! – взвыл толстяк.

– Глеб Микитич, в теле которого ты сидишь, хороший мужик, – спокойно пояснил Олег, по очереди освобождая штанины. – Не хочу, чтобы ты ему портки испортил, пока мы до Белоозера доедем.

– Так это я – Глеб Микитич!

– Ага, – рассмеялся ведун. – А я – князь Александр Невский. Ты, василиск, голову морочь соратникам по работе. А моя специальность – таких, как ты, со свету сживать. Так что не рыпайся, не поможет.

– Мешок хотьними, душно!

– Чтобы ты новую жертву высмотреть себе смог? – Середин покачал в руке хозяйский ремень, а потом размахнулся и со всей силы стегнул им по голой заднице.

– А-а! – подпрыгнул толстяк. – Ты чего?!

– Так Микитич все едино ничего не чувствует. Ты ведь его в теле задавил. А тебе полезно. И запомни, тварь: коли мне хоть чего-нибудь в поведении лошадей подозрительным покажется, драть стану тебя, как сидорову козу. Так что не балуй... – Олег распутал коню ноги, отвязал поводья. Подвел пленника к седлу: – Давай, садись верхом.

– Не могу.

– А ремнем по розовой попке?

– Ну, смертный, я тебе это навечно запомню!

– Ну, вот и проговорился, друг сердечный, – рассмеялся Олег. – Давай, поднимайся. Не станешь дурить, не схлопочешь лишних неприятностей.

– Я чую твой запах, смертный!

– Ты его запомни получше, тварь, – посоветовал Середин, помогая пленнику забраться в седло. – Для вас всех это запах смерти... Кстати, откуда ты здесь взялся, в русских болотах? Василиски ведь в пустынях живут!

– Здесь скоро тоже пустыня будет, – пообещал пленник.

– Да не будет, не будет, – похлопал его ведун по голой коленке. – Я свое дело знаю. Удерешь – все едино найду. И прикончу. Я умею – веришь?

– Чего же тогда не убил?

– Не скажу. – Ведун связал пленнику ноги у лошади под брюхом. – Чтобы раньше времени не радовался... Ну, бессмертный ты мой, пора в путь.

Дороги на Белоозеро Середин не знал, но пребывал в уверенности, что «трасса сама приведет», тем более что некоторое представление о правилах поведения в пути он все же имел. Прицепив поводья коней, навьюченных припасами, и чалого с пленником к задней луке седла, Олег пустил своего скакуна широким походным шагом, и уже часа через четыре услышал веселое щебетание птиц. Небо серело в преддверии ночи, а потому ведун, дождавшись чистого местечка, что поросло березами и выходило на берег симпатичного озерца, остановился на привал. Он собрал немного валежника, выложил у ближайшего кустарника подарки для здешней берегини, затем разжег огонь и, впервые достав из котомки новенький котелок, начал варить там кашу: немного гречи взял из мешка Аплаха, присыпал сверху сушеного мяса, вытерпел примерно с полчаса – пока спать уж совсем сильно не захотелось, а потом умял с

отменнейшим аппетитом, запив озерной водой. Квас, как и предсказывал содержатель постоялого двора на тверском тракте, уже кончился.

Толстяка ведун кормить не стал: и торбу с головы пленника снимать опасно, и Глебу Микитичу полезно. А василиск – пусть помучается, черная его душа.

Вопреки надеждам Середина, выпасться ему не удалось – вместо ласковой берегини вокруг всю ночь бродили странные сущности и шептали в самое ухо: «Убей его, убей, убей, убей...». Поэтому он поднялся еще до восхода, наскоро перекусил озерной водой и, сунув в рот похожий на подошву кусок вяленого мяса, поскакал дальше.

Мясо удалось прожевать только к полудню, когда впереди показались рубленные стены Устюга. Заезжать в город ведун не стал, обогнув его по широкому кругу вокруг палисадов, и поехал дальше по идущему вдоль Мологи пути. Тракт очень скоро отвернул от реки в леса, но вечером оба пути – водный и сухопутный – встретились, сойдясь в деревеньке со странным названием Мокрые Липенки. Там Олег и переплыл реку, выдав местному крестьянину самую мелкую монету из своего кошель. Земледельцу она, наверное, показалась невероятным богатством, поскольку никаких вопросов на счет человека с мешком на голове он задавать не стал. Тем не менее, уже в полной темноте Середин пробирался через лес, пока не нашел широкую прогалину и не свернул по ней в сторону от дороги – чтобы, если станут преследовать, успеть заметить врагов раньше, нежели они его.

Но все обошлось, и с рассветом ведун снова начал погонять коней. Дорога поворотила резко на восток – видимо, огибала совсем непролазные топи, поскольку из примерно шестидесяти пройденных за день километров не меньше сорока пришлось на темные от времени гати. Впрочем, миновав деревеньку с вкусным названием Бабаево, дорога повернула на север, а потом и на запад. Болот стало меньше, хотя время от времени Середину приходилось скакать по гатям, а поселки и вовсе встречались раз в день. Или, точнее, всего раз и встретились – в деревне из пяти домов Иштомар Олег выпил поднесенный ему опасливо косящейся на василиска женщиной ковш кваса, уточнил, правильно ли он едет на Белоозеро, после чего двинулся дальше, заночевав в сумерках на единственном встретившемся в пути холме.

Как ни странно, низина перед холмом оказалась последним слякотным местом на его пути. Дальше места пошли сухие, песчаные, деревни встречались каждые десять-пятнадцать километров, да и дорога сама расширилась до того, что на ней могли разъехаться две телеги зараз. Правда, и народ местный проявлял куда больше любопытства, заглядываясь на пленника без штанов, да еще и с мешком на голове, совершенно открыто, без стеснения. Около полудня Олег даже сделал остановку – специально для того, чтобы портки на василиска все-таки надеть. Заодно и пообедал вяленой рыбкой, поскольку кашу варить было лень.

Город вырос впереди во второй половине дня, задолго до вечера. Белокаменные стены – пусть и не такие высокие, как в Новгороде, этажа этак до четвертого, без учета рва, – массивные башни со множеством выступающих вперед зубцов, позолоченные шатры над воротами: все свидетельствовало об исключительном богатстве и благополучии столицы Белозерского княжества. Конечно, ради показухи здешний правитель мог перед свадьбой побелить стены или обновить позолоту на шатрах. Но стены или широкий десятиметровый ров – это не такие вещи, которые мастерятся на скорую руку.

Ведя в поводу двух выючных коней и одного с пленником, Олег медленно двигался в общей толпе повозок, всадников и даже карет – правда, последних он увидел на дороге всего две, и обе маленькие, открытые. Стража на подвесном мосту ругалась, собирая пошлину и осматривая товар, но ее выкрики заглушала веселая музыка свирелей и волюнок, доносившаяся с надвратных башен. А как же, свадьба княжеская – все должны радоваться и улыбаться. Про себя Середин подумал, что в обычные дни здесь наверняка никаких «пробок» нет, въезд и выезд происходят без проблем, но когда паришься на солнцепеке, когда от жесткого дере-

вянного седла постоянно потеет седалище, а терзаемые оводами лошади то и дело начинают взбрыкивать, это является слабым утешением.

Наконец, после почти целого часа мытарства, копыта четырех срединских коней гулко простучали по мосту, и ведун въехал в блаженную прохладу под теремом.

– Товар есть?

– Есть, – честно кивнул Олег.

– Продавать будем?

– Естественно!

– Значит, прибытие для торговли, – нудно забубнил одетый в коричневую суконную куртку стражник, имевший на поясе короткий кинжал и огромный кожаный кошель. Скорее всего, просто мытарь, приданный дежурному караулу. – Въезд в город с целью торговли, без повозок, с сотоварищами, по пол-уха куньего с коня и полкуны с человека – три гривны куны серебром сразу, либо четыре куны на торгу при получении тамги... А чего товарищ твой в мешке?

– Это невольник, – спешился Середин и полез за кошельем. – Сразу заплачу.

– Помогите!!! – внезапно заорал василиск и забился в седле. – Меня ограбили! Он ограбил меня! Снимите мешок, я все расскажу!

В первый миг никто не двинулся. Воины – потому, что еще не вникли в смысл криков. Ведун – потому, что не ожидал от василиска такой прыти.

– Посмотрите на меня! Посмотрите на него! – вопил толстяк во всю глотку. – Это мои кони и мой товар! Снимите мешок, я все скажу!

Дремавший у воротины стражник в кольчуге, шлеме и с длинным копьем отделился от стены и двинулся к пленнику. Одновременно напротив зачесал голову другой привратник. А Олег с внезапной ясностью сообразил, что не сможет объяснить здешним людям, почему с василиска нельзя снимать мешок. Он кинул взгляд на дорогу, забитую повозками, – нет, развернуться в ту сторону и удрать он уже не успеет. Тесно, да и помощники у стражи наверняка найдутся.

– Послушай, купец... – начал говорить стражник с ближнего поста, но закончить не успел: ведун сунул руку в карман, накидывая на кисть проволочную петлю, выдернул грузик и почти без замаха опустил его привратнику на шлем. От удара железный конус насадился тому почти по глаза – воин выронил копье и начал заваливаться на спину.

– Три куны, – растерянно пробормотал мытарь, глядя на своего падающего товарища.

– Потом, – переменил мнение Олег, торопливо прыгнул в седло и проорал гнедому в ухо: – Гони!!!

Как ни странно, но конь уразумел все правильно и, встав на дыбы, в два прыжка разогнался в галоп, увлекая за собой всех прочих скакунов.

– Держи-и!!! – закричали позади караульные.

– Берегись!!! – еще громче завопил Олег, видя, насколько забита улица, по которой он несется во весь опор.

Гнедой шел красиво – перепрыгивал возы с капустой и горками, прошмыгивал между людьми и лавками, обгонял всадников и проскакивал позади увешанных мешками грузчиков. Но вот пристегнутые к задней луке лошади в проходе явно не помещались, и за спиной Олега стоял неимоверный грохот и ругань. Вдобавок василиск голосил не переставая, прося помощи, призывая стражу и суд.

Скачка длилась метров триста, не больше. Вылетев на широкую площадь, вдоль которой шли лавки в четыре ряда, Середин уперся в высокую, крытую парусиной кибитку, прыгать сквозь которую гнедой отказался. Олег выругался, оглянулся на толстяка, ухватил его за шиворот, подтянул к себе, выдернул саблю, наклонился вперед и кончиком клинка перерезал ремни, что стягивали ступни василиска.

– Помогите! – продолжал вопить тот.

– Судьба... – тихо прошептал ему на ухо ведун и прижал клинок к обвязанному мешковиной горлу.

Крик оборвался. Василиск сообразил, что, если он потеряет тело, так и не увидев новой жертвы, то умрет вместе с ним.

– Ну, и как тебе моя идея, тварь? – усмехнулся Олег. – Или ты думаешь, я ловил тебя, чтобы отпустить?

– Ты не посмеешь! – судорожно сглотнул толстяк. – Зарежешь меня при всех – тебя казнят за убийство. Нет, тебя разорвут возмущенные смертные! Прямо сейчас!

– Где я?! – замотал головой Середин. – Что это за площадь?

– Торг городской... – заметил кто-то из зевак.

Хоть что-то получилось так, как хотел ведун... Хотя по большей части все пошло наперекосяк. Никакого спокойного разговора с купцами, ни задушевной обработки василиска. Имелось относительно него кое-какие идеи...

Большинство ближайших к Середину лавочников предпочли разбежаться, но вместо них тут же начали стекаться любопытные горожане. Ведун прижимался спиной к кибитке, прикрываясь сразу от всех телом купца, а привязанные к седлу гнедого кони не давали любопытным приблизиться слишком близко.

– Хочешь, я скажу тебе, почему ты еще жив? – испытывая странный холодок между лопаток, спросил Середин. – Потому что я дал клятву Глебу Микитичу довести его вместе с товаром до торгового города Белоозера. И после того, как за возможность пройти по этому пути заплатили жизнями сразу три человека, я решил свою клятву сдержать. Обязательно сдержать. Лучше умереть честным человеком, чем жить проходимцем. Теперь все будут знать, что обещание я сдержал. А теперь я хочу выполнить еще одну просьбу купца. Убить василиска!

– Стой, тать! – наконец-то добежали до площади стражники от городских ворот. – Стой, заколем!

При виде направленных на него острых копейных наконечников Олег перехватил василиска локтем левой руки под подбородок, подтянул повыше, закрываясь от возможного удара.

– Ты тоже хочешь жить... – захрипела тварь. – Сними с меня мешок, и я сделаю так, что стража разбежится.

– А потом превратишь город в пустыню.

– Зато ты останешься жив, смертный...

– Зачем мне нужна жизнь, добытая такой ценой?

– Но ведь ты хочешь жить, смертный... – Голос толстяка стал вкрадчивым, как ночной туман, он просачивался в душу, точно холодный ветерок через неплотную щель в окне. – Ты доказал, что можешь убить меня, смертный. И я согласен служить тебе, как верный раб. Ты получишь все золото, которое только есть в этом городе. Самые красивые женщины станут улаживать тебя своими ласками. Твое тело будут умащивать самыми нежными маслами и самыми благоухающими...

– Замолчи! – Середин вскинул саблю и ударил толстяка эфесом по голове.

Осторожно приближавшаяся стража и зеваки от неожиданности отпрянули на несколько шагов.

– Брось оружие! – потребовал один из привратников.

– В мешке василиск, – признался Олег, поняв, что не способен на самоубийство. – Если его выпустить, он уничтожит весь город.

– Зачем же ты привел его сюда? – недоверчиво спросил воин.

– Я дал клятву, – пожал плечами ведун. – Теперь она исполнена, и я хочу уйти и убить его в безлюдном месте.

– Он лжет! – выкрикнул из мешка толстяк. – Он ограбил меня и хотел продать в рабство! А теперь надеется незаметно зарезать и присвоить мое добро! Снимите мешок, и вы увидите, что я обычный купец!

– Сними с него мешок, – опять начал подступать стражник и даже сделал вид, что пытается уколоть ведуна копьем.

– Великие боги, ну, почему я обязательно должен умереть! – взмолился Олег и снова приставил саблю к шее толстяка. – Назад, или я зарежу эту тварь! Если снять с нее мешок, она уничтожит всех! От взгляда василиска каменеют – или вы забыли?!

Народ отпрянул.

– Я обычный торговец, – опять заскулил толстяк.

– Мы, что, так и будем тут до ночи стоять? – недовольно высказался мытарь. – Ворота перекрыты, повозки ждут, казне убыток.

– Князя нужно звать, – предложил кто-то из толпы зевак. – Князя звать, Олеся Русланыча! Князь рассудит!

Стражник, подумав, поставил копье к ноге острием вверх:

– Сиди там, тать, не то заколю. Ну-ка, кто тут из купцов старший? Посылайте артельного за князем. Пусть он зараз решит, кого казнить, кого миловать. Мое дело исполнить. Ну же, шевелитесь, сердечные!

Василиск затаился. Видать, рассчитывал не просто вырваться на волю, а проникнуть в тело самого князя. Середин мысленно усмехнулся: нечисть надеялась напрасно. Жизнь так устроена, что человеку со слабой волей на трон или княжеский стол не пробиться. А против сильной воли у духа кишка тонка. Хотя, с другой стороны, Олега за сегодняшние художества в любом случае по головке не погладят.

«И дернула же меня нелегкая в честность поиграть! – в который раз подумал он. – Придавил бы эту тварь прямо там, у озера, и дело с концом!»

Правда, в этом случае остался бы вопрос с самоцветами. После гибели Глеба Микитича ведуна наверняка заподозрили бы в убийстве ради драгоценностей. Ведь в Новгороде знали, что он поехал охранять купца. Уцелел единственным, да еще с добром – значит, дело нечисто. Нет, прославиться таким образом Олегу не хотелось.

– Куда ни кинь, всюду клин, – пробормотал Середин, опуская саблю. – Влип так влип. А ты не дергайся, тварь. Мне ведь только повода не хватает...

Наконец в дальнем конце площади проявилось некое оживление. Народ заволновался, начал расступаться, и к кибитке решительно подошел стройный, широкоплечий, курчавый бородач с веселыми голубыми глазами, николаевской бородкой, чуть приплюснутым носом и небольшим шрамом поперек лба. Облачен он был в суконную коричневую жилетку с пуговицами из оправленных в золото рубинов, коричневые же штаны, заправленные в невысокие, но тоже изукрашенные дорогими камнями, сапоги. Только шелковая рубашка, рукава которой были завернуты до локтей, отливала яркой морской синевой. Вслед за князем семенили еще человек десять, одетых не менее богато, но не имевших столь самоуверенного вида.

– Ну, Велимир, кто тут меня из-за пиршественного стола вырвать решил? Кто тут шумит, что василисков нынче на торгу показывают? – причмокнув, поинтересовался он у стражника с копьем.

Тот молча кивнул в сторону ведуна.

– Не вели казнить, вели слово молвить, – произнес Олег услышанную в тысячах сказок фразу.

– Отличный у тебя клинок, мил человек, – восхитился князь. – Где взял?

– Сам ковал, – пожал плечами Середин.

– Врешь! Таковые токмо в Кубачах делать умеют!

– Честное слово, сам!

– Не может быть. Ну-ка, покажи.

Олег протянул было оружие князю, но в последний момент спохватился и отдернул:

– Ну да! Я оружие отдам, а вы василиска выпустите?

– Помогите! – опять взвыл под мешком толстяк, и Середин в очередной раз приструнил его рукоятью по голове:

– Помолчи!

– Экий ты суровый, – покачал головой Олесь Русланович. – Вижу, со связанными мужами храбр ты невмерно.

– Клятву я давал, княже, – торопливо заговорил Середин, чувствуя, что настроение здешнего правителя меняется никак не в лучшую сторону, – товар новгородского купца Глеба Микитича сюда на торг доставить. Хочу его в честные руки передать, дабы потом законному владельцу в целости достались.

– Вот как? Ну, показывай, – поджав губы, разрешил князь.

– Не могу... Василиск сбежать может.

– Василиск... – хмыкнул Олесь Русланович. – Где товар?

– Вон, в сумках, – кивнул на чалого ведун.

– Велимир, вскрой, – приказал стражнику князь.

Тот, покрутив головой, сдвинул с прилавка ближайшей лавки выложенные там яблоки, свеклу, репу, разваленные пополам кочаны капусты, прислонил рядом копьё. Скинул первую суму, развязал. Вытряхнул медвежью шубу, булькающий бурдюк, сразу три вышитых серебряной нитью кошель. Распутал тесемки, заглянул внутрь, потом отсыпал на прилавок понемногу серебряных и золотых монет. Порылся в мешке еще немного, поднял глаза на Олесь Руслановича:

– Тут токмо огниво, зеркало да дорожные безделицы всякие...

– Следующую бери.

Привратник взялся за чересседельную сумку. В одной ее половине оказалось всякое тряпье, несколько богато украшенных ножей, две меховые шапки. Из другой воин извлек тяжелый мешок, развязал, сыпанул на прилавок – и под вечерним солнцем засверкали, заиграли полированными гранями самоцветы: рубины, сапфиры, изумруды, аметисты, бирюза, агаты, яшма, жемчуг, янтарь. Многие камни были оправлены в золото и серебро, некоторые лежали так, пугая своими размерами – иные превышали куриное яйцо. Народ ахнул. Князь повернул голову к Олегу, и в его глазах впервые промелькнуло уважение:

– Так ты один, без надзора, весь этот товар из Новгорода привез?

– Ну, вот же он лежит, – облегченно перевел дух Середин. – В целости. Слово я давал. Как же было не довести?

– Артельный! – громко позвал Олесь Русланович. – Старшина купеческий где? Товар весь счесть немедля, сохранить в целости. Все сохранить, до последней куны. Сам лично, головой и добром своим, отвечаешь!

– А ну, посторонись! – тут же засуетился какой-то бородач. – От лавки, говорю, отойди, не засти. Руки прочь!

– Мой товар! – уже не так искренне взвыл под мешком василиск. – Мое! Я купец, ограбил меня тать.

– А это кто? – кивнул Олесь Русланович на пленника.

– А это купец Глеб Микитич и есть. – Поняв, что дело фактически выиграно, ведун наконец-то вернул саблю в ножны. – Василиск его оседлал, на дороге неподалеку от озера Меглина. Посему в беспамятстве он. А на кого взгляд падет, тот враз каменеет.

– Ложь! – взвыл толстяк. – Я купец честный! И товар мой! Ограбили!!! В неволю он меня продать хотел!

– Слышь, мил человек, – скривился в усмешке князь. – А полонянин-то твой другое бает. Кому верить прикажешь?

– Ему и верить, – кивнул ведун. – Пусть поклянется, что купец честный, новгородский...

– Клянусь!!! – с готовностью взвыл василиск.

– Ну, разве это клятва, княже? – улыбнулся, глядя Олеся Руслановичу в глаза, Середин. – Пусть он перед богами, в святилище поклянется...

Вопли пленника оборвались – словно отрезало. А через мгновение он неожиданно рванулся со всей силы, выскользнув из захвата расслабившегося Олега, упал на землю, принялся лихорадочно сдирать мешок о дубовую мостовую.

– Держи его! – Зеваки подались вперед.

– Мешок! – вскрикнул Середин. – Снимет мешок – умрем все!

На этот раз быстрее всех отреагировал привратник: схватил копье, ударил толстяка в голову тупым концом. Пленник мгновенно обмяк.

– Поднимите его, – распорядился князь. – Тащите в священную рощу. Хочу посмотреть, чем все кончится...

На этот раз Олегу пришлось прогуляться за ворота города пешком. Впереди шел князь со своей свитой, за ними Середин, придерживая болтающуюся саблю, позади двое стражников тащили лениво брыкающегося толстяка. Следом тянулось еще около полусотни горожан, так же пожелавших увидеть развязку истории.

Когда люди вошли под кроны древних дубов, которые росли на холме столь правильной формы, что Олег заподозрил в нем древний курган, толстяк начал вырываться куда более рьяно, бился головой о плечи стражников, пытался разодрать плотную ткань торбы о кольчугу воинов. Втащить же за ворота святилища его удалось и вовсе с немалым трудом – он изгибался и бился, как эпилептик в припадке, выл страшным голосом, мотал головой.

Внезапно тело его обмякло, словно толстяк умер, и стражники легко кинули его к основанию одного из идолов. И одновременно стихла страшная боль, что многие дни терзала запястье ведуна.

«Похоже, я несколько дней вообще креста чувствовать не смогу», – подумал Середин, достал свой маленький, доставшийся от Радомира, нож, склонился над купцом, разрезал путы на его руках, веревку вокруг шеи.

– Что ты делаешь? – встревожился Олесь Русланович.

– Василиск – это всего лишь темный дух, – пожал плечами ведун. – Он не способен войти в святилище, выжить в нем. Могущество богов, их воля стирает василиска, как волна – замки из песка.

– Почему же ты не привел этого человека в святилище раньше?

– А кто бы пустил меня сюда с конями? – развел руками Олег. – И как я мог оставить без присмотра коней с таким богатством, которое ты видел, княже? Тем более – чужим богатством, за сохранность которого я ручался.

– Складно врешь, – задумчиво кивнул белозерский князь. – А был ли василиск?

– Прости, князь, – наклонился вперед боярин из свиты. – Ходили дурные слухи про то озеро и устюжскую дорогу.

Толстяк зашевелился, сел, скинул с головы торбу, прищурился от ударившего по глазам света:

– Где я, о, боги? Что со мной?

– А ты кто таков?! – грозно прикрикнул на него Олесь Русланович.

– Купец я новгородский, Глебом кличут, – растерянно закрутил головой толстяк и перевернулся с седалища на колени. – Княже, великий, откуда? Сварог, прародитель наш, где я? Как сюда попал?

– А где ты должен быть? Ну, говори, торговая твоя душа!

– Не... Не знаю... – Глеб Микитич с надеждой повернул голову на Середина: – Как это, ведун?

– Отвечай князю, смерд! – выступил вперед из свиты какой-то боярин и грозно полуобнажил меч.

– Я не знаю, княже, – стукнулся лбом о землю толстяк. – Помню, старик в дубовой роще появился. А потом все со всеми рубиться начали, кричать. Я к лошадям побежал... Ведун, да скажи же ты!

– Я дал тебе клятву привезти тебя и товар на торг в Белоозеро, – сухо сообщил Олег. – Ты в Белоозере. Товар твой у старшины купеческого, прилюдно из рук в руки передан.

– А охранники мои где?

– Я клялся привезти сюда тебя и твой товар, – покачал головой Середин. – О воинах уговора не было.

– Складно врите, шельмецы, – хмыкнул, послушав разговор, Олесь Русланович. – Ой, складно. Да токмо про дела странные... Ну, да мы ныне разрешим все честно. Воевода!

– Слушаю, княже... – Вперед из свиты протолкался упитанный, чернобородый, лысый мужик в шитой жемчугом тюбетейке, с готовностью положил ладонь на рукоять длинного кинжала.

– Пошли пяток ратников на устюжскую дорогу, пусть проверят сию историю. Коли воделся там василиск такой и пропал, пусть сообщат немедля. Коли нет – тоже.

– Слушаю, Олесь Русланович. Поутру и поедут.

– А тебя, ведун, в гости приглашаю, – слегка склонил голову князь. – Коли правду нам сказывал, получишь шубу с моего плеча. Коли солгал, на кол обоих посажу. Быть посему!

– Дык, княже, – не понял распоряжения воевода. – Прикажешь в поруб их посадить? Не сбежали бы!

– Зачем, – склонил голову набок Олесь Русланович. – Ведун сей, имени своего по сей час не назвавший, словом своим, вижу, зело дорожит. Ну, так дай мне слово, мил человек, что не сбежишь никуда, пока истины я о тебе не узнаю... Чего молчишь?

– Олегом меня кличут, княже, – представился Середин и устало вздохнул. – Не думал я здесь задерживаться, да видно застрял. Что поделат... клянусь!

– Решай дела свои с купцом, да в детинец приходи, – резко развернулся Олесь Русланович и добавил через плечо: – Жду.

Толпа горожан расступилась, пропуская через себя правителя со свитой, потянулась следом.

– Так где товар-то? – поднявшись с земли, требовательно спросил купец. Потом, спохватившись, повернулся к идолу, низко ему поклонился: – Благодарю за милость твою, великий... Так где камни?

– Пойдем, покажу, – кивнул Олег. – Кстати, я пошлину за торговлю так и не заплатил. Это твоя головная боль, Глеб Микитич.

– Заплачу, заплачу, – отмахнулся толстяк. – Ты токмо товар отдай.

Уже выходя из рощи, Середин неожиданно ощутил на себе тяжелый взгляд, резко остановился, оглянулся через плечо.

Метрах в ста стояла мелкая лохматая собачонка, широко расставив лапы и злобно оскалив пасть. Поняв, что привлекла внимание, она щелкнула зубами, развернулась и со всех ног помчалась к темнеющему вдалеке лесу.

Искать купеческого старшину не пришлось – четыре коня новгородского торгового гостя стояли возле лавки с разноцветными тканями, а уже знакомый Олегу бородач с интересом поглядывал на почти ушедшее за крыши домов солнце сквозь крупный яхонт.

– Нравится? – поинтересовался, подойдя ближе, Середин.

Купец дернулся от неожиданности, но, узнав ведуна, облегченно вздохнул:

– Да уж, самоцвет дорогой. Не часто такой в руках поддержишь.

– И не долго, – добавил Олег. – Вот, хозяина я привел. Вертай товар и кошельки обратно.

– Так... – распрямился бородач. – Князь ведь присмотреть повелел. Ему и распоряжаться, где товар держать, кому возвращать.

– Тебе как больше нравится, – ласково поинтересовался ведун, облачиваясь о прилавок, – сразу добро хозяину отдать или дожидаться, чтобы я до князя дошел и сказал, будто в мешке камней меньше, чем ранее было.

– В целости все! – мгновенно побелел купец. – Неправда это!

– Ну, так и отдавай. Нечего к чужому привыкать. – И Середин посторонился, пропуская толстяка: – Иди, Глеб Микитич, проверяй, все ли на месте.

Ведун отошел к коням, уже привычно отпустил подпруги, огладил их по мордам, повел к колодцу, зачерпнул воды и вылил в поставленные специально на такой случай рядом лотки. После того, как скакуны напились, повесил им на морды торбы с ячменем. Четвероногие довольно захрустели угощением.

– Надо вам хлебушка купить, – вздохнул Олег. – Заслужили.

– Что говоришь, ведун? – подошел Глеб Микитич.

– Думаю, чем лошадок побаловать. Вон, сколько нас тащили практически без остановок. Может, хлеба им купить? Говорят, лошади хлеб любят.

– Лошадки ласку любят. Когда с ними поговорят, погладят, почешут, слово доброе произнесут. А хлеб это так – коли душевности от хозяина не получить, то они и ему рады. Ты какого забрать по уговору хочешь?

– А вот гнедого своего и возьму, – потрепал скакуна по морде ведун. – Привык я к нему за эти дни.

– Не к «нему», а к «ней», – поправил купец. – Это кобыла.

– Вот тебе и ква, – усмехнулся Середин. – А я-то думал: жеребец.

– Да кто же на жеребцах ездит, ведун? – несказанно изумился Глеб Микитич. – С ними вообще ничего не сделать. Меж собой грызутся, ревнуют, не слушаются, ржут в самый неподходящий момент во всю глотку. Беда одна с ними. Токмо и годятся, что кобыл покрывать. Вот, держи кошель. Все, как обещал.

– Спасибо за награду, Глеб Микитич. – Олег взвесил в руке мешочек серебра, тянувший не меньше чем на полкилограмма, опустил в свою поясную сумку.

– А теперь скажи, ведун Олег, куда ребят моих подевал, что с тобой бок о бок дрались?

– Справил я, Глеб Микитич, тризну по ним честь по чести, – отвел глаза Середин. – Но тебя пригласить не смог. В беспамятстве ты был.

– Да, – кивнул купец. – Не подумал я как-то об их судьбе, когда пророчество Аскоруново слушал. А ведь он, как и ты в своей клятве, токмо мне и товару благополучие обещал.

– Ну-ка, стой, – насторожился Олег. – Повтори, что за пророчество он сказал.

– Изрек Аскорун, – вздохнул толстяк, – что спасет меня от василиска нежить без рода и племени, да небеса наши. А про воинов моих, и вправду, ни словом не помянул.

– Угу, – кивнул ведун, оглаживая по морде гнедую, как выяснилось, кобылку.

«Аскорун, значит, – напряженно думал он. – Любоводу тоже этот вещий волхв напастей накаркал, и сбылось все в точности. И здесь... Спасение купцу предсказал, про охрану его умолчал, меня, гад, нежитью обозвал... Хотя, конечно, я в этом мире существо странное. А небеса... Интересно, а при чем тут небеса?..»

Олег задумчиво почесал в затылке, потом повернулся к купцу:

– Ты тут еще долго будешь, Глеб Микитич?

– Да неделю, не менее.

– Нет, сейчас, на площади?

– К постоялому двору пойду, – пожал плечами толстяк, – там комнату себе закажу, лошадей в стойла поставлю. Мы ведь люди простые, нас к князьям в гости не зовут...

– К какому двору?

– Да вон, в углу торго. Старшина местный присоветовал.

– За лошадкой моей посмотри, сделай милость? – попросил Середин. – А я, пока совсем не стемнело, хочу в одно место сбегать, задумку одну проверить.

– Ладно, – пожал плечами толстяк, беги. – Лошадь я тогда у привязи оставлю, перед двором. Там и заберешь.

Олег кивнул и побежал к воротам.

Что хорошо в старых городах – так это что все рядом. Через пару минут ведун выскочил за стены, отмахнувшись на упреждение стражи, что ворота скоро запрут, еще через пять, пытаясь отдышаться, вошел в священную рощу, шагнул на территорию святилища, повернул к идолу, возле которого пришел в себя толстяк. Крест у запястья, словно очнувшись от спячки, начал быстро наливаясь теплом. Правильно – чай, на пропитанной магическим духом земле находятся.

Олег, соблюдая правила вежливости, низко поклонился истукану, потом принялся растерянно крутить головой, подозревая, что посетителей наедине с богами, конечно, оставляют... Однако и пригляд какой-то должен быть.

Действительно, очень скоро из-за ворот показался волхв – как положено, в длинной белой рубахе, с пеньковой веревочкой на поясе, с длинной, до пояса, бородой. Правда, не седой. Да и глаза у жреца были молодые, никаких морщинок на лице, волосы густые, аккуратно причесанные. Лет двадцать пять парню, не больше.

Волхв приблизился к Середину, но первым заговаривать не стал – а ну, молится человек? Грех отвлекать. Встал боком, лицом к соседнему идолу. Олег закашлялся, сделал шаг к жрецу:

– Скажи, добрый человек, какое имя у этого бога?

– Меня звать Мирославом, путник, – с достоинством поклонился жрец. – А стоишь ты пред великим и могучим Сварогом, богом неба, прародителем мира и людей, дедом нашим кровным, хоть и далеким...

– Ква, – не смог сдержать довольной улыбки Олег. Все правильно: толстяка от василиска спас не только он, но и великий Сварог, Бог неба. То есть, как мудро предсказал вещий Аско-рун, – купца спасло небо.

– Я хочу сделать подношение великому Сварогу, – никак не в силах избавиться от улыбки, сказал Середин. – Или как там: подарок, жертву, дар? В общем, хочу сделать ему приятное, но не знаю, что будет лучше всего.

Ведун открыл сумку, достал из одного из кошельков серебряную монету, протянул жрецу:

– Не мог бы ты, волхв, знающий его получше, купить ему что-нибудь от моего имени?

– Разумеется, путник. – Монета растворилась в руке жреца, словно упала в воду. – Сделаю все в точности. Можешь быть спокоен, путник. Отныне милость Сварога будет пребывать с тобой всегда и везде, куда бы ни направил ты свои стопы.

Впрочем, имени Олега волхв так и не спросил.

Слово воина

Аскорун. Аскорун. Аскорун.

– Аскорун, – повторил Олег вслух имя вещего волхва.

Аскорун – вот тот человек, который сможет точно и весомо ответить на заданный книге Велеса вопрос, тот, кто сможет реализовать ключ заклинания. У Середина просто пятки чесались вскочить на коня и помчаться обратно в Новгород... Однако этому мешали два важных момента. Во-первых, в городе уже окончательно стемнело, ворота закрылись, на дороге не видно было ни зги, да еще, в конце концов, он хотел элементарнейшим образом выпаться после долгого пути! И во-вторых – Олег дал слово не уезжать, пока князь не убедится в его победе над василиском. А Середин как-то привык соблюдать данное слово. Все-таки русский человек. Негоже брехать, как блудливому журналисту. И он снова постучал по воротам детинца.

Сложенная из крупных, теперь уже замшелых, валунов, центральная крепость Белоозера, она же – жилище князя, казарма его дружины и последний оплот обороны в случае пролома стен, вздымалась на крутом берегу, над длинными городскими причалами, отступая от самой стены всего на полсотни метров, но возвышаясь над оной еще на пару этажей. И в этом была своя сермяжная правда: при захвате Белоозера из детинца по внешним укреплениям стрелять будет удобно, а вот снизу вверх – особо не повоюешь. Называть цитадель кремлем язык не поворачивался, потому как размерами она не превышала стадион средних размеров. Да и вообще: кремль – это сам город в будущем, когда пригородами обзаведется, обстроится, дополнительные внешние стены поднимет.

– Чего они там, спят все, что ли? – недовольно пробормотал Середин и, обнажив клинок, застучал рукоятью по толстым створкам из мореного дуба.

В то, что внутри спали, верилось с трудом – уж слишком громко звучала музыка, и время от времени доносились дружные радостные вопли. Олег раздраженно сплюнул, постучал снова.

– Да х-хто же ент-то ломится... – наконец приоткрылось небольшое окошко в калитке, и в него сквозь прочные железные прутья выглянуло темно-красное лицо, украшенное пышными усами, короткой бородкой и блестящим шишаком.

– Открывай, гости к князю приехали, – вернул саблю в ножны Олег.

– И-и-и-е-енто х-то? – вытянул губы в трубочку привратник.

– Олегом меня зовут, ведуном.

– А я сейчас по свитку проверю... – гнусным голосом сообщил стражник, прикрыл окошко.

Из-за ворот донеслось протяжное: «Ш-ш-ш-ш... Бдзынь!» – и Олег в красках и лицах представил себе, как потерявший равновесие ратник сполз по стене и брякнулся на мостовую.

Но нет – буквально сразу окошко открылось снова, и красномордый привратник, расплывшись в счастливой улыбке, сообщил:

– Ик-а. Нетути ведунов в списке.

– Ну, так нарисуй мне записку, что не допустил, да я домой пойду, – пожал плечами Олег.

– Щ-щас-с-с... – Стражник исчез, появился снова: – Нетути в ш-ш-спишке...

– Ну, и леший с ним, – пожал плечами Середин. – Мне главное отписку иметь. Что приходил, но не пустили. Чтобы было потом, чем перед Олесем Руслановичем оправдаться. А то как бы не обиделся.

– Ш-ш-с-сфать-то тебя как?

– Да чтоб тебя икота мучила до нового года! – вспылil ведун. – Олегом меня зовут, князю слово взял, что в гости приду! Отворяй калитку или отписку малой, что не пустил!

– Ик! – неожиданно содрогнулся привратник. – Ик! Ч-час... Спис... Ик! Иски пос... Ик!

Он нырнул под окошко, спустя минуту поднялся:

– Нету в спи...

– Проклянц! – взорвалсц Олег и саданул по калитке ногой. – А ну, боярина зови, или кто там у вас за караул отвечает! Чтоб у тебя жила стояночная не поднималась ни в ночь, ни в обед, ни в ранний час!

Стражник нырнул куда-то вниз, и через окошко донеслось:

– Ик! Ик!..

Ведун раздраженно сплюнул и оглянулся на ближние дома – там в слюдяных окнах разгоралсц свет. Пригласил, называется, князь в гости! На постоялый двор, что ли, возвращаться?

Внезапно калитка приоткрылась, за ворота вышел худощавый и низкорослый горбун, одетый, однако, в дороую парчу:

– Ты, что ли, ведун, о котором тут днем бояре болтали?

– Я, – кивнул Олег.

– Сказываешь, князь в гости звал?

– Если передумал, – пожал плечами Середин, – так я свалю, не обижусь. Дел у меня своих хватает, и все срочные. Не хотел только, чтобы меня в нарушении слова обвинили.

– Ничего про тебя Олесь Русланович не сказывал... Однако же, заходи, – посторонилсц горбун. – Поутру спрошу.

– А ты кто? – не спешил внутрь ведун.

– Ключник я княжеский, Ослабля. Ты проходи, у меня хлопот много, а помощников ныне мало осталось...

– А ты, что, непьющий, что ли?

– И я человек, – вздохнул горбун. – Да токмо меру знаю. Коня в поводу веди: князь гневается, коли в детинце верхом ездят.

– Это лошадь, – ответил Середин, пригибаясь и проходя в калитку.

– Какая разница? – пожал плечами горбун.

Олег удержал готовую сорваться с языка колкость, огляделсц. Во дворе, в пляшущем свете факелов, с трудом различались какие-то бревенчатые конструкции, похожие на буровые вышки, длинные столы, толпа народа, сгрудившаяся в самом центре. Время от времени оттуда доносилсц громкий лязг железа. Наверное, кто-то рубилсц на мечах. Под самой воротиной, любовно обнимая пергаментный свиток и равномерно икая, дрых привратник.

– На кол бы его... – мечтательно произнес ведун.

– Тогда всех пересажать придется, – хмуро ответил горбун и пнул ратника ногой. – Вставай, отрыжка болотная! Калитку запри! А ты за мной иди, да поспешай. На мне еще пир вечерний, а на ногах токмо один из трех слуг стоит.

– А хочешь, – предложил ведун, – наговор от пьянства прочитаю, чтобы не хмелел никто?

– Нет, не хочу, – неожиданно добродушно рассмеялсц горбун. – Какой же это пир, коли все тверезые останутся?

Они вошли в конюшню, настолько плотно забитую лошадьми, что казалось, втиснуть туда еще одну кобылу невозможно. Однако ключник, перебирая пальцами по загородкам, уверенно открыл дверцу одного из стойл, кивнул Середину:

– Заводи. Седло токмоними и с собой заведи. Гостей много, потом разобрать не сможем, где свое, где чужое.

– Угу. – Олег торопливо расседлал гнедую, перекинул через одно плечо три сумы: одну еще из первой деревеньки, а две другие – оставшиеся от купца вместе с упряжью, на другое накинул попону и седло. Ноги сразу задрожали – и как только лошадь под всем этим постоянно ходит?

– На смотровой башне тебя положу, – сообщил горбун. – Там ночью прохладно, то пока еще места свободные есть.

Когда они поднялись по закручивающейся тугой спиралью лестнице на пятый этаж и вошли в широкое помещение с восемью бойницами – по две на каждую сторону, – выяснилось, что под «свободным местом» подразумевается кусок пола под окном. Причем пола не ровного, а сучковатого, собранного из тонких бревнышек. Утешало только то, что в таких полевых условиях ведун пребывал не один – у стен лежало еще около десятка седел и свернутых под сумки потников.

- А нужник где? – хмуро поинтересовался Олег, оглядывая местный «люкс».
- Уж не обессудь, во дворе, – хмыкнул ключник. – Сразу за воротами.
- Почему-то я именно так и подумал, – вздохнул Середин.
- Тогда устраивайся, отдыхай, – кивнул горбун и отправился вниз.

Ведун скинул седло к стене, положил туда же сумки, расстелил на полу потник, подошел к окну. И вздрогнул от неожиданности: там лежал открытый космос. Абсолютная, бархатистая чернота, поглощающая в себе любой лучик – но одновременно сверкающая тысячами, миллионами больших и малых звезд. Только спустя несколько минут Олег сообразил, что горбун не отводил его на орбитальную станцию и что в лицо ему дышит не холод беспощадного вакуума, а самый обычный ветерок. Просто перед бойницей раскинулось огромное, спокойное и ровное, как зеркало, озеро. Называть его Белым Середин в этот момент не рискнул.

* * *

Выспался, как ни странно, Олег прекрасно. Сквозь дремоту он слышал, как кто-то поздно ночью приходил, как уходили соседи, когда помещение залил яркий дневной свет, однако осознание, что больше не нужно никуда торопиться, вскакивать при первых лучах зари, мчаться по дороге, не ведая, что ждет за следующим поворотом и когда все это кончится, наполняло душу безмерным покоем и несказанной ленью. Так бы спал и спал... Если б не некоторые потребности человеческого организма, требующие иногда вставать и бежать с пятого этажа вниз.

Во дворе уже опять гуляли гости. То, что ночью представлялось буровыми вышками, на самом деле оказалось высокими качелями, на которых с радостными визгами раскачивались девки в вышитых сарафанах и ребята в нарядных шелковых рубашках. Столы стояли вдоль стен, прогибаясь под княжеским угощением. На них все соответствовало величию хозяина. Уж если жаркое – так целиком запеченный бык, покрытый румяной корочкой, да еще с позолоченными рогами и серебряным кольцом в носу. Если рыба – то осетрина пятиметровой длины, с огромными жемчужинами вместо глаз и перепуганным кабанчиком в приоткрытой пасти. Само собой, яблоки, персики, груши нагромождались грудями, вишня свисала с подставок длинными алыми бородами, пироги возвышались крепостными стенами, вино текло прямо из увешанных бисерными гирляндами бочек. Правда, разумеется, не на пол – просто любой желающий мог подойти к деревянному кранику и налить себе сколько пожелает.

Основная толпа крутилась возле качелей – подзадоривали четыре взмывающие все выше и выше парочки. Олег же, покрутившись возле стола и посоветовавшись с пустым брюхом, взял глубокий ковшик, по виду чистый, налил себе вина, выпил, потом взялся за нож, откромсал себе от бычьей туши ломоть переперченного мяса, прожевал, откромсал еще. Выпил вина и, отложив ковш подальше от края, рядом с блюдом моченых яблок, отошел к длинной деревянной доске с белорыбицей. Выпитое на пустой желудок вино быстро добралось до головы, шепнув на ухо, что здесь можно все, а потому ведун уже более решительно откромсал себе белой, как снег, и рассыпчатой, как вьетнамский рис, плоти, поел. На закуску снял с вишневой «бороды» несколько веточек, бросил ягоды в рот, косточки сплюнул в пустую бочку.

Толпа у качелей взорвалась приветственными выкриками, отхлынула к столам. Олег на всякий случай отступил в сторону. Увидев пробирающегося вдоль стены горбуна, повернул следом:

– Эй, Ослабля!

Ключник оглянулся.

– Ну что, спрашивал князя про меня?

– Князь велел за тобой приглядывать, но ласку и заботу проявить.

Горбун рванул было дальше, но Середин нагнал его, положил руку на плечо:

– Стой! Помыться я хочу. Почитай, неделю в пути.

– Дык, баню-то для гостей князь каженный вечер топить приказал. Мойся, сколько влезет... – И ключник потрусил по хозяйским делам.

«Ага, значит, забота и ласка мне положены, – мысленно отметил Середин. – Та-ак, где там лежал мой ковш?»

Он стал протискиваться к столу с бычьей тушей, но тут его перехватили, повернули лицом к молоденькому, безусому, остроносому пареньку, глаза которого горели азартом:

– Ты кто? Чьих будешь?

– Олег я... – не совсем понял вопроса Середин.

– А с какой земли?

– Ну-у... – попытался прикинуть ведун. – Ну-у, пусть будет с новгородской.

– Наш! – довольно кивнул паренек. – Так, мы сейчас с местными в шапки биться станем.

Пойдешь?

– Как это? – продолжал недоумевать Середин.

– Ну, шапки друг с друга срывать.

– А-а-а... А у меня и шапки нет.

– Согласен, да? Валах! – громко закричал парень. – Сам играть не хочешь, тогда шапку давай! Новгородец за нас драться станет.

Слово «драться» Олегу не понравилось, и он сунул руку в карман, нащупывая кистень. Но парень, метнувшийся к какому-то мужику, уже вернулся с низкой суконной папахой, обитой каракулем, напялил Середину на голову.

– Руку левую за спину сунь, – предупредил он. – И за ремень ею удерживайся. Пошли...

Он вытолкал Олега вперед, в шеренгу из десятка молодых ребят, встал рядом. Перед ними точно так же выстроилась черед парней годков по двадцать, плюс-минус лет пять. Все они были в разноцветных шелковых рубашках, в полотняных и шерстяных штанах самых неожиданных расцветок, от ядовито-зеленых до темно-желтых, сапоги на всех были мягкие и, разумеется, тоже разных ярких цветов. Олег ощутил себя среди них таким черным рыцарем.

– Э-э! – узнали его в рядах противника. – Да это же ведун! Он колдовать станет!

– Мне больше делать нечего! – возмутился Середин.

И тут прокатился клич:

– За князя!!!

Ряды кинулись друг на дружку.

В первый миг Олег подумал, что сейчас они все просто сшибутся лбами, но юнец, заподозривший его в возможном колдовстве, в последний перед сшибкой момент притормозил, протянул вперед руку. Середин рефлексивно пригнулся, спасая голову, тут же вырос рядом с противником, быстро сорвал с его вихров шапку-пирожок, выпрямился, соображая, что делать дальше. Юнец, схватившись за голову, театрально взвыл и упал замертво. Первый этап схватки закончился: больше половины «бойцов» изображали покойников, еще несколько прыгали друг вокруг друга, пытаясь сорвать шапку с врага и уберечь свою. Олег, будучи одним из победителей, оказался в глупом положении: он просто не понимал, кто из сверкающих шелком и атласом ребят «свой», а кто «чужой». Он разобрался только тогда, когда на него кинулись сразу двое парней – «свои» так не поступают!

Середин развернулся, отбежал на несколько шагов – туда, где под ногами никто не валялся, встал, сунул добытую шапку под мышку. Враги кинулись на него одновременно. Олег

чуть присел, широким взмахом отвел вправо протянутые к нему руки, рывком сдернул шапку с мальчишки, что поближе, – и внезапно почувствовал, как голове стало холодно. Как говорят шахматисты – партия.

Зрители закричали, поздравляя победителей и выражая одобрение храбрым бойцам. Олега кто-то тоже обнял за плечи, пару раз встряхнул, кто-то похлопал по спине. Все вместе снова направились к столам, отрезая себе мясо, расхватывая фрукты, наливая вино. Середин почувствовал, что в косухе, а еще в поддетом под нее свитере упарился изрядно. Это ночью так спать тепло было, а на солнце, да еще занимаясь рукопашным боем, пусть даже шутливым, тепловой удар получить недолго.

Середин торопливо взбежал наверх, в башню, разделся, оставшись в одной футболке с алой эмблемой студенческой парусной регаты на груди, спустился обратно вниз.

– Да где же ты ходишь, Олег! – тут же ухватил его за руку все тот же парень. – Белозерские нас на две фибулы обгоняют!

Он запнулся, разглядывая странное одеяние и треугольный рисунок.

– Так, новгородский я... – осторожно намекнул Олег.

– А-а, парус! – сообразил остроносый. – Пошли!

Он быстро вытащил ведуна на середину двора, где уже стояла какая-то девушка, накинул на глаза платок и начал завязывать.

– Что хоть делать-то, скажи!

– Белозерские ей фибулу на одежду прикололи. Ты найти должен, на ощупь. До ста считать станут.

– Закрутить его!

Олега сразу несколько рук принялись крутить вокруг оси. Потом отпустили. Вот только этого ему после четырех ковшей вина и не хватало! И так в мозгах шумит...

– Один! – послышался возглас толпы.

Середин остановился, прислушался.

– Два! – Он услышал чуть в стороне выдох, повернулся туда, сделал пару шагов.

– Нечестно, он колдует! – закричал кто-то, но выкрик тут же перекрыло общее: – Три!

Олег протянул руки и тут же ощутил под ними вполне однозначные округлости. Среди зрителей послышался довольный смех. Девушка задержалась, словно пытаясь избавиться от похотливых ладоней, но не очень сильно.

– Так, здесь нет, – кашлянул Середин, повел руками вниз. Никакой фибулы не нащупывалось, зато он ощутил, как его партнерша втягивает живот. А фигура у нее ничего – Олег невольно задержал руки на бедрах, и мысли у него поползли совсем не в ту сторону. А может, как раз в ту, что нужно, учитывая, что к женщине он не прикасался уже довольно давно. Девушка тоже задышала мельче, а фибула все не находилась, и ему пришлось ощупывать мягкую ткань дальше. Вниз по бедрам, коленям, к голени. Наконец пальцы прикоснулись к голой коже.

– Они снизу, под юбку прицепили! – под общий смех подсказал кто-то из толпы.

Олег полез было под юбку, но вовремя остановился, не поддавшись на провокацию: коли фибула снизу, то все равно должна прощупаться. И стал по второму кругу забираться по ногам наверх, проверил упругую попку, потом с другой стороны, скользнул ладонью по спине, потом опять ощупал тело спереди. Девушка, наверное, реагировала достаточно нервно, поскольку смех в толпе становился все громче и громче.

– Семь десятков! – расслышал Середин среди гогота, торопливо провел ладонями по рукам. Ничего! Тогда он провел руками под мышками – девица отчаянно взвизгнула – и наконец-то обнаружил злополучную заколку.

– Вот! – воскликнул он и сдернул повязку.

Девушка перед ним имела светло-светло-голубые глаза, острый носик, тонкие, как у берегини, губы и чуть выступающий вперед подбородок с темной ямочкой. Она одновременно и улыбалась, и щеки ее горели жаром. В отличие от общепринятой на Руси толстой косы, темные волосы она собирала на затылке в узел, и над головой высоко выглядывала золотая заколка, украшенная несколькими самоцветами. Сарафан выглядел простеньким льняным изделием, если бы сквозь вышитые на груди и лямках тюльпаны не проскальзывала золотая нить, а на боках, чуть выше бедер, не алели две вшивки мягкого бархата.

– Ну, что уставился, охальник? – Она прикоснулась тонкими пальцами к пунцовым щекам и мотнула головой. – Вина налей, жарко.

Олег спохватился, кивнул, заторопился к столу, нашел свой ковш, налил его до краев бордовым, пахнущим спелым виноградом, вином, вернулся к девушке. Та жадно выпила примерно половину, протянула назад:

– На, выпей тоже. У тебя такой вид, словно ты увидел богиню Мару.

– Просто богиню, – поправил Середин. Не то чтобы хотел поиграть в галантность, а просто... Просто девушка ему понравилась... И очень хотелось прикоснуться к ней еще раз.

Девушка улыбнулась, прикусила губу.

– Что дальше? – поинтересовался Олег.

– Жмурки. Если сможешь узнать мой голос, сможешь и поймать...

Жмурки тоже оказались коллективными: парни местные и белозерские с завязанными глазами ловили окликающих их девушек и волокли каждый в свой лагерь – кто больше наберет. Потом качались на качелях кто выше – и Середину опять досталась в напарницы та же девица. Потом были петушинные бои – требовалось выбить врага, скача на одной ноге; потом пятнашки... Все это перемежалось с постоянными перекусами и внушительными возлияниями – слуги только успевали бочки менять. И сами, судя по всему, успевали к ним изрядно приложиться.

Олег и не заметил, как солнце подкатилось к закату. Двор начал постепенно пустеть. Кое-кто не справился с выпитым и благополучно посапывал возле стола, некоторые молодые люди разошлись парочками, кто-то продолжал разговоры с ковшом в руках. Часть гостей шумели где-то за стеной.

– Чего головой крутишь? – поинтересовалась девушка, которая захотела перед сном покататься с ним на качелях.

– Ослабля, ключник, говорил, что баня будет вечером протоплена. А где, я спросить не догадался.

– Так это за стеной! Останавливай, я покажу.

Разумеется, шум доносился именно из бани. Темный в ночи сруб стоял у одного из причалов, и на глазок в него могло войти одновременно человек пятьдесят. Девушка, взяв его за руку, вошла в низкую дверь. Здесь, в свете трех расставленных по углам свечей, были видны длинные лавки, заваленные одеждой.

– Все сюда перебежали, – хихикнула девица. – Замерзли, наверное.

Она вынула из волос заколку, тряхнула головой, позволяя волосам просыпаться на плечи, а потом так же непринужденно сняла через голову сарафан, оставшись совершенно нагой. Олег невольно сглотнул.

Хлопнула дверь посреди простенка, выпустив клубы пара, сразу несколько человек пересекли предбанник, прогрохотали по причалу, а следом послышался плеск.

– Раздевайся, – кивнула девушка и ушла в парилку.

Середин не меньше минуты боролся с искушением сбежать – но соблазн рассмотреть свою сегодняшнюю напарницу обнаженной оказался сильнее. Он скинул футболку, снял ботинки и джинсы, трусы и, собрав волю в кулак, шагнул в пар.

Тело сразу обняло влажным жаром, пахло пряностями и вином. На нового гостя никто особого внимания не обратил – все уже успели собраться в группы по интересам, обнаженные мужчины и женщины сидели бок о бок, не чувствуя никакой ущемленности. Середин пробрался дальше в помещение, увидел свою красотку на самой верхней полке, полез туда.

– Разогреться сперва нужно, – сообщила она, положив подбородок на скрещенные руки. – А как пот пойдет, так и грязь сама вся слезет.

В свете доброго десятка прогорающих вдоль стен свечей Олег увидел ее спину – ямки под лопатками, изгиб спины над позвоночником, легкий пушок на пояснице, на котором поблескивали капельки пара, изгиб бедер, гладкая кожа на двух холмах соблазнительной попочки. Середин ощутил страшный жар, причем во вполне конкретном месте.

– Как тут натоплено, – пробормотал он, скатился с полки, выскочил на улицу, пробежался по причалу и с разбегу сиганул в озеро.

Холодная вода приняла измученное тело в себя, подняла, покачивая, отнесла на несколько шагов от берега, остужая эмоции. На душе стало немного легче.

– Интересно, какой идиот от медицины утверждал, что долгое воздержание для мужчин совершенно безопасно? – пробормотал Олег, глядя в сторону бани. Девица, что осталась там, походила на сыр в мышеловке. Мучила и близостью своей, и недоступностью; и терпеть невозможно, и сил уйти не было.

– Ну, как? – с коварной усмешкой поинтересовалась она, когда Олег снова растянулся на полке.

– Хорошо, – ответил Середин, действительно наслаждаясь пробуждающимся в теле после холодного купания теплом. – Скажи, а когда же сама свадьба начнется? Мы ведь на нее приехали?

– Так она уже идет, – тихо хихикнула девушка. – Мы, чай, не простолюдины – за один день все окрутить. Вчера и сегодня гуляли и веселились, завтра плакать будем. Мы – плакать, невесту в саван одевать. Вы – Игоря собирать. Потом спаленку им пшеницей засыплем, курочек пустим, постель раскроем, да и оставим... А сами – за стол. До завтрашнего вечера гулять.

Она внезапно вся вытянулась, выгнулась, словно кошка, перевернулась на спину, продемонстрировав ровный животик, розовые острые соски, темный треугольничек внизу живота.

– Что-то прилипло. Лист, наверное, – обратилась она к Середину. – Посмотри.

– Сейчас... – Олег скатился с полки, пробежался по причалу и с разбега ухнулся в воду.

– Ква, – сделал вывод он. – Еще немного, и я озеро вскипачу. И вообще: кажется, я уже чистый. Надо сматываться. Пойти попрощаться, и удирать, пока дров по половому сумасшествию не наломал. Дернула же меня нелегкая к Олеся Руслановичу сразу пойти, в этот расадник пьяных князей и бояр. Еще неизвестно, чем кончится, когда узнают, что безродный охранник с ними на равных за одним столом сидел и в игрушки играл.

Приняв твердое и единственно правильное решение, Середин уверенно выбрался на берег, вошел в баню и забрался на свое место, чтобы немного согреться.

– Как вода? – скромно поинтересовалась девушка.

– Хорошая, – кивнув, тяжело выдохнул Олег.

– Ты мне воду не смешаешь помыться? А то бадью таскать тяжело.

– Сейчас, – отказывать в такой просьбе было бы просто невежливо. Середин спустился, зачерпнул кипятка из вмазанного в печь котла, добавил холодной воды, размешал, повернулся к углу.

Леди уже спускалась. Неторопливо ставя босые ножки с полки на полку, поворачиваясь то одним боком, то другим. Замерла перед Олегом. Грудь, похожие на фарфоровые пиалы, смотрели сосками точно ему в сердце, капельки воды плавно сбегали от плеч вниз, коварно обтекая места, к которым ему так хотелось прикоснуться. Девушка широким движением подняла руки над головой и попросила:

– Вылей на меня. Не самой же мне поднимать? Постарайся попасть только на плечи, чтобы волосы сильно не мочить.

Середин выполнил и эту просьбу, стараясь не обращать внимания на то, что происходит у него внизу живота.

– И потри немного спину, на ней могут оказаться щепочки.

Она повернулась к Олегу спиной, а потом медленно наклонилась вперед, опершись руками о лавку.

– Не могу... – скрипнул зубами Середин. – Все!

– Не можешь? – Она оглянулась, довольно захохотала. – Совсем? Тогда пошли, узнаем, что можешь...

Девушка опять схватила его за руку, выскочила в предбанник, быстрым движением накинула сарафан. Подождала, пока он, прыгая на одной ноге, натянет узкие джинсы, потом опять устремилась вперед, каким-то образом угадывая в темноте дорогу.

Они проскочили в потайную калитку, и девушка повернула налево – туда, где, как казалось Олегу, стояли обширные амбары, – зашла в ворота. Середин больше угадал, чем увидел, стоящие здесь легкие парусиновые шатры. Они повернули ко второму справа, тут же повалились на мягкие ковры и, судя по ощущениям, на шкуры. Зашуршала стягиваемая ткань. Олег тоже торопливо избавился от джинсов, кинулся к девушке и прижался к ней, сливаясь даже не проникновением плоти в сокровенные врата – наслаждаясь всем телом, ощущая ее жар, ее волосы, губы, дыхание, ее кожу, окончательно теряя разум и рыча что-то нечленораздельное. Он уже не верил сегодня в возможность подобного, а потому никак не мог остановиться, словно желая впитать наслаждение с запасом, на будущее. Провести эту ночь так, чтобы ее хватило на много лет вперед. И когда это все закончилось горячным взрывом, он едва не умер – потому что после этого мига уже не видел смысла в земном существовании.

Однако не умер – а потому спустя несколько минут шевельнулся, сел на коврах. А еще через несколько минут смог даже встать.

– Ты куда? – с тревогой спросила она.

– Пить хочется...

– А-а... – Девушка с легким шорохом опустилась на подушки. – И мне тоже вина принеси.

Безумие еще не отступило, а потому Середин забыл одеться. Впрочем, это не имело значения, поскольку во дворе никого не было. Олег сделал несколько глубоких вдохов, отдавая ночи то, что заставляло так часто биться сердце, прислушался. Судя по звукам, сегодня богиня Лада соберет богатую жертву. Нужно будет поднести ей подарок. Вдруг она и вправду сможет ощутить благодарность одинокого землянина?

Он прошел по двору до стола, нащупал ковш, потом так же на ощупь налил в него вина. Немного отпил сам, а все остальное донес до палатки и протянул девушке.

– Молодец, – шепнула она. – А я боялась, заблудишься.

– Скажи, а как тебя зовут, прекраснейшая из женщин? – наконец-то спросил он.

– Называй меня Верея, – ответила она, отставила ковш и привлекла Олега к себе.

* * *

Спал в эту ночь Середин мало – но, как ни странно, выспался прекрасно. Поутру в шатер заявила отчаянно пахнущая чесноком, опухшая девка и, обратив на гостя не больше внимания, нежели на сбившиеся в углу бараньи шнуры, принялась прибирать в помещении: сорочку сложила, тапочки хозяйские ко входу переставила, ковры стала поправлять.

– Оставь, Павла, – сладко зевнув, перекатилась с боку на бок Верея. – Ступай, воды студенной принеси, крапивы и ромашки завари. Мне сегодня надобно пахнуть хорошо, но грустно. Иди, иди... И похмелись после вчерашнего, смотреть на тебя страшно.

– Слушаю, боярыня, – кивнула девка и вышла из палатки.

– Тебя-то как зовут, добрый молодец?

– Олег.

– Варяг, что ли? – чуть отстранилась от него девушка.

– Нет, – пожал плечами Середин. – Просто ведун, свободный воин.

– Богатырь?

– Нет, – покачал головой Олег. – Драться я не люблю. Просто иногда приходится.

– И получается?

– Пока жив, как видишь.

– Значит, колдун-победитель... – Она откинула овечью шкуру, которыми во множестве был закидан пол шатра, выпрямилась перед ним, стоя на коленях.

– Я не колдун, – покачал головой Олег, усаживаясь перед ней и начиная целовать бедра, живот; притерся проросшей за время скитаний и ставшей мягкой бородкой к пупку.

Веря, блаженно застонав, закинула голову и запустила пальцы ему в волосы.

– Все-таки ты колдун...

Когда девушка, мурлыкая от удовольствия, снова завернулась в шкуры, Середин решил все-таки уйти. Хотя бы для того, чтобы одеться – с собой из бани он взял только джинсы. В этот раз подруга его не останавливала, и молодой человек спокойно вышел наружу.

Здесь дворовые уже старательно убрали со столов: складывали в общую грудку позвякивающие медные и серебряные ковши, допивали вино, уносили фрукты, догрызали мясо. Еще раз оглянувшись на амбар, Олег только теперь смог разглядеть, что в обширном помещении, укрытые от возможной непогоды, стояли не менее десятка шатров разных размеров, причем многие имели атласные и меховые пологи, войлочные стены, золотые и серебряные украшения на шестах. В общем, являлись не самыми дешевыми из возможных мест для отдыха.

– Однако Веря-то, похоже, здесь не на последних ролях ходит, – отметил Середин и, пожившись, побежал к потайной калитке и дальше, к бане.

Одежка его, естественно, лежала на месте – футболка, штаны, ботинки. И намывшийся вечером ведун сразу почувствовал, что посещал парилку не зря: от футболки четко и определенно пахло долгим-предолгим путешествием по жарким местам.

– Прачечная здесь, как я понимаю, не предусмотрена, – взял в руки футболку Олег. – Ладно, сейчас чего-нибудь придумаем...

Надев пока то, что есть, Середин поднялся на пятый этаж, накинул на плечи косуху, опоясался саблей, открыл сумку, достал кошель, взвесил в руке: на глазок получалось не меньше килограмма. А скорее – и больше.

– Кило серебра за полмесяца работы, – усмехнулся Олег. – Однако же оклад у меня здесь получается куда поболее, чем в кузне. Интересно, с собой добычу уволочь удастся или нет?

Он бодро спустился вниз, завернул к столу, на который подворники уже выносили новые блюда, прихватил пару пирогов, запил их ледяной водой из колодца и вышел за ворота.

Рынок Белоозера мало чем отличался от тех, которые видел Середин у себя дома – разве только лотки были деревянные, а не железные, да навесы крыты дранкой, а не пластиком. А так – те же фрукты-овощи, мед всех мыслимых и немыслимых сортов, груды тканей, готовые плащи, шубы, штаны. Разве только вместо картошки народ предлагал репу, а на месте стеллажей с радиоприемниками, видеками и телевизорами купцы продавали ножи, топоры, щиты, мечи, копейные наконечники, пучки стрел, кистени, кинжалы – да такого вида, что мент из двадцать первого века «брал» бы покупателей на месте. Галантерейщиков заменяли кожевники, предлагавшие упряжь, ремни, седла, толстые, чуть не полторасантиметровые, куртки и просто выделанные лосиные, коровьи и воловьи шкуры. Лица купцов тоже оказались знакомыми: изюмом, инжиром, курагой, халвой, сахаром и прочими восточными сладостями торговали смуглолицые усатые ребята, в которых Олег сразу заподозрил азербайджанцев.

– Откуда товар, купцы?

– Персия, дорогой! Бери, не пожалеешь! Сладкий, как мед...

Однако Середин уже увидел впереди поблескивающие на солнце шелковые рубашки и заторопился туда. За прилавком сидел плосколицый, раскосый, слегка смуглый человек с тонкими усиками, идущими по верхней губе и спускающимися к подбородку.

– Да ты, никак, татарин будешь? – остановился перед лавкой Олег.

– Ургеном меня зовут, – поднял голову купец. – Обознался ты, мил человек.

– Нет, – покачал головой Середин. – Я про национальность. Ты татарин будешь?

– Не знаю, о чем ты, чужак, – недовольно засопел торговый гость. – Из Болгарии я приехал. Болгарин буду. Проходи мимо, коли дела нет, нечего товар застить.

– Есть дело, – потрогал ближнюю рубашку ведун. – Шелковая? Шелк тоже болгарский?

– Китайский, – перестал хмуриться купец. – По Итилю с Кашгара отец самолично привез.

– И шили там?

– Там...

– Лепездрическая сила, – всплеснул руками Олег, – и здесь все тряпье китайское!

– Хазарские рубахи есть, – пожал плечами купец. – Бумажные. Али шелк продать могу. Сам шей, какую хочешь.

– Готовое все хочу, – покачал головой Середин. – Некогда мне шить. И такое, чтобы к князю прийти не стыдно.

– И что купить хочешь?

– Весь переодеться.

– Ага, – радостно встрепенулся «татарин». – Все есть, все доброе, все дорогое. А мы из Болгарии, мил человек. И дед мой болгаром был, и прадед болгаром, и у прапрадеда улус аккурат по Вятке кочевал... Приезжай к нам, мил человек, дорогим гостем будешь!

– Не знаю, – вздохнул Олег. – Может, и приеду, это как повезет.

После долгих торгов и переговоров за полгривны серебра Середин выбрал темно-вишневую рубаху из шелка, длиной до колен, со странной застежкой от плеча вниз почти до соска, но зато с коралловыми пуговицами, в пару к ней взял атласную косоворотку с высоким стоячим воротником, вышитым зелеными нитями. Вместо джинсов он приобрел иссиня-черные шаровары из мягкого войлока, с сатиновой подкладкой и толстым шелковым шнурком-завязкой вместо резинки. В качестве подарка болгарин дал ему еще и широкий атласный кушак в цвет косоворотки.

Пользуясь случаем, Олег прошелся по рынку и купил также большую медвежью шкуру, похожую на ту, в которой так сладко посапывал по ночам Глеб Микитич, а также соль с перцем – эту приправу так и продавали, уже перемешанную. И кстати, именно она и оказалась самой дорогой из покупок.

Теперь, запасшись всем необходимым, ведун почувствовал себя готовым путешествовать еще хоть целый год.

Вернувшись к детинцу, он искупался с причала перед баней, переоделся во все новое и в таком виде отправился в смотровую башню.

– Это ты ведун будешь? – поднял голову какой-то малец лет десяти, нахально спавший на его месте.

– Я, – скинул вещи поверх седла Середин.

– Тогда пошли, князь тебя сыскать повелел. С самого утра кличет.

– Странно, – удивился ведун. – Отсюда до Меглинского озера не меньше пяти дней пути, и обратно столько же. Рано вроде еще. Впрочем, пошли. Там узнаем.

К удивлению Середина, мальчишка повел его не вниз, в покои, а наверх, на смотровую площадку башни. Олесь Русланович стоял здесь, вглядываясь в озерный горизонт, рядом замер

одетый в кольчугу и остроконечный шлем ратник. Слева от люка, прикрытая меховым плащом, сидела в кресле бледная женщина.

– Это ты, ведун? – не оборачиваясь, спросил князь.

– Я, – подтвердил Олег.

– Видел я, как ты у причала дрызгался. Понял, водяных не боишься, мелких мест не держишься... – Князь повел плечами, развернулся. – Значит, ты ведун, сказываешь? Тогда у меня поручение к тебе есть, важное. Супруга моя, Беремира, захворала вдруг от болезни неведомой. Боюсь, отравить ее кто-то попытался али порчу напустил. Весь вечер вчера веселилась, за играми молодыми наблюдая, а сегодня после рассветной еды вдруг от боли сама не своя стала.

Правитель Белоозера прикусил губу.

– Вестимо, свадьбу кто-то расстроить желает. Посему о болезни милой моей никому ни слова!

– А почему я? – не понял Середин. – У вас, что, своих знахарей нет?

– Лечили уже знахари. И отвары давали от колик в животе, и заговоры читали. Вроде даже легче становилось. Но как только к любой пище Беремира притронется – так сразу от боли страдает. Будто колдун какой ее и вовсе со свету сжить пытается, голодом уморить. Волхв наш, вещий Ругун, уже жертву Сварогу и Хорсу принес, повелел супругу мою на солнце вынести, дабы богам открыть. Но не помогают они пока. Вот про тебя и вспомнил.

Князь подошел к жене, наклонился, поцеловал ей руку:

– Потерпи, милая. Девочку нашу к руке вести пора. А ты, – повернулся он к Середину, – лечи!

Олесь Русланович торопливо побежал вниз по лестнице. Ратник, облегченно вздохнув, слегка расслабился, но продолжал внимательно оглядывать горизонт.

«Это я попал...» – понял Олег. Ведун учил их умению рубиться в строю и поодиночке, учил ставить защитные заговоры и привлекать удачу, учил бороться с нечистой силой и управлять собственной энергетикой. Но он никогда не занимался медициной. Лечить, по слухам, еще лечил – но учиться этому мастерству всегда посылал в медучилище.

– Налей мне вина, ведун, – хрипло попросила женщина. – Хоть не так чувствовать буду.

Середин кивнул, наклонился к расстеленному на полу вышитому полотенцу, на котором стояла небольшая деревянная кружка, глиняный кувшин, лежали на деревянном подносе несколько небольших копченых форелей. Он наполнил кружку, повернулся к княгине.

– Да, благодарю, – протянула она руку. – Давай скорее, а то мочи нет. – Княгиня поморщилась, мотнула головой: – Скажи, ведун, я умру?

– А где болит?

– Живот весь, как углем горящим засыпан.

– Ну-ка, постой... – Олег вернул кружку обратно на полотенце, присел перед женщиной, протянул руку.

– Не смей! – отпихнула ведуну княгиня. – Вон, с девками незамужними балуй, а меня не трожь!

– Как же? – не понял Середин. – Я же как лекарь!

– Вот как знахарь и лечи! А руками чужую жену не лапай!

– Вот те... Ква! – в сердцах высказался ведун. – Как же я болезнь определю, если не осматрю, не прошупаю?

– Я те дам, посмотрю... – Женщина закрутила головой, что-то ища, но, на серединское счастье, ничего подходящего не обнаружила.

– До руки хоть дотронуться можно?

– До руки ладно... – смиростивилась больная, выложив на подлокотник украшенные перстнями пальцы.

Олег опустился рядом на колени, положил свою ладонь сверху, опустил голову и закрыл глаза...

«Невозможно налить родниковой воды в чашу, полную кваса, – нередко говаривал Ворон. – Чтобы набрать воды, вначале нужно вылить квас. Так и с душой. Если хочешь полноценно ощущать окружающий мир, сперва нужно очистить душу. Ни о чем не вспоминать, не думать, не гадать. Нужно стать ничем – и просто впустить мир в себя».

Именно так он и поступил: перестал гадать о своем будущем, о будущем всех тех, с кем успел познакомиться в этом мире, о способах лечения этой, еще не старой с виду, женщины и о том, сможет ли вещий Аскорун дать ответ на вопрос излишне действенного заклинания. Просто ни о чем не думать – не поддерживать своим вниманием влетающие непонятно откуда в сферу сознания мысли и даже не провожать их взглядом, когда они начинают обиженно таять в тоскливом одиночестве.

Сознание ведуна наполнилось пустотой – и в нее, в эту пустоту, стала вливаться энергетика существа, оказавшегося с ним в плотном контакте, а потому невольно переплетшего с Олегом свою ауру. Он испытал страх, зябкость, острую жалость к себе из-за расставания с дочерью и сильнейшую боль, которая, словно прачка мокрое белье, скручивала внутренности.

Серегин часто задышал от боли, но, вовремя спохватившись, что она чужая, отстранился. Колоть стало меньше. Он отстранился еще, и еще – от источника страданий остался только маленький огонек, который затаился в животе, всего лишь небольшая точка. Нет, не точка – источник болезни чуть вытянут... Он совсем маленький. И это не желудок, это чуть ниже...

– Поджелудочная железа! – Ведун резко отпустил руку женщины, вскочил, прошелся вдоль каменных зубцов, восстанавливая дыхание... Да, еще два-три таких сеанса, и чужие болячки начнут застревать в его энергетике, а потом и в организме...

– Ладно, пустое, – тряхнул головой Олег. Итак, что он знал о поджелудочной железе? Ее иногда удаляют. Значит, болезнь не смертельна. Железа выделяет инсулин, как-то участвует в пищеварении. Выделяет что-то, расщепляющее жиры, и еще что-то... Скорее всего, княгиня просто наугощалась на многодневном пиру всякими вкусностями выше меры. Плюс стресс из-за отъезда дочери, нервы. Вот железа и надорвалась. Скорее всего, железе достаточно просто отдохнуть.

Он поднял с полотенца кружку и выпил до дна. Потом повернулся к Беремире:

– А тебе, княгиня, извини, этого нельзя. Сегодня вообще ничего есть и пить нельзя, кроме кипяченой воды. И завтра, если силы воли хватит, нужно воздержаться. Примерно дней пять есть только черствый хлеб и воду. А еще лучше – сухарики ржаные, и водой запивать. Вот... А в дальнейшем воздерживаться от жирной пищи. То есть зайчатину можно есть, сколько в живот влезет, а вот всякого рода солонину, гусятину, свинину или, упаси боги, сало – ни в коем случае. И проживешь ты тогда еще лет тридцать, пока совета моего не забудешь. Потерпи пару часиков. Я уверен, что боль отпустит и больше не вернется.

Олег налил еще кружку, выпил, потом собрал полотенце за уголки, взял кувшин:

– А это я от соблазна приберу...

Внизу особого веселья не наблюдалось. Нет, разумеется, гости свадьбу праздновали: рассевшись на лавки за собранными в единое целое столами, они отъедались цаплями и осетриной, гусями и пирогами, персиками и капустой. Играла музыка – какие-то скоморохи в белокрасных домино создавали шумовой фон, играя на свирелях и столь любимых шотландцами волынках. Знаменитых балалаек и гуслей не виднелось и в помине.

Пройдя к дальнему от князя краю стола, Олег втиснулся на свободное место, взял с ближайшего подноса крупную сочную грушу – больше всего ему хотелось пить, а ничего безалкогольного ведун на столе не наблюдал. Минутой спустя появился служка, поставил перед ним полный вина ковш. Середин поймал на себе взгляд здешнего правителя и, смирившись с неизбежным, поднял его, кивнув Олесю Руслановичу:

– За здоровье молодых!

Многие тоже схватились за ковши и кружки, но особого ажиотажа его тост не вызвал. По всей видимости, выкрики «горько» и тосты здешним свадебным обычаем не предусматривались. Молодых, кстати, за столом видно не было. Похоже, что-то важное в празднике уже произошло. Олег мысленно пожал плечами, потянулся за гусем, отрезал себе ножом кусочек грудки, подкрепился. Затем обратил свое внимание на севрюгу. Слуга снова поднес полный ковш. Олег покосился во главу стола – князь куда-то пропал – и пить не стал. С такими праздниками и спиться недолго. А если его начнут дергать с разными просьбами – лучше оставаться трезвым.

Спустя примерно полчаса все тот же слуга положил перед Олегом на стол тяжело звякнувший кошель.

– Это еще что? – приподнял ведун брови.

– Князь велел передать.

– Забери! – потребовал Середин. – Забери немедленно! Отнеси назад.

– Но князь...

– Забери!

Слуга вздохнул, забрал деньги, ушел, но быстро вернулся:

– Олесь Русланович к себе тебя требует, ведун.

– Ох, не дадут поесть спокойно, – поднялся Середин.

Князь встретил его у входа на лестницу, гневно играя скулами:

– Слуга молвил, золотом ты моим брезгуешь, ведун.

– Я не привык брать деньги, не зная, за что они плачены, княже, – твердо ответил Олег.

– Беремиру отпустило, ведун. Она сказала, что ты обещал ей тридцать лет жизни, если она не станет есть свинину.

– Не станет есть жирного, князь, – поправил Олег.

– Вот видишь. Ты ее вылечил, ведун. За то и награда. Или тебе мало?

– Мне много, князь, – покачал головой Середин. – Я не лекарь, я воин. Я не хочу и не должен брать денег за лечение.

– Но ведь ты ее вылечил!

– Это случайность.

– Но вылечил!

– Я не хочу, княже, чтобы кто-то рассчитывал на мое знахарское мастерство, – улыбнулся ведун. – Поэтому не стану брать золота за умение, которого нет, и не стану никого лечить. Я воин. Если тебе станет досаждать оборотень или василиск – зови. А лечат пусть лекари, княже...

– Зело странен ты, ведун, – прищурился князь. – Доселе волхвы токмо просили у меня лишних подарков, но никогда не отказывались от даренного.

– Но я не волхв, княже.

– Я запомню твои слова, ведун. Зла на тебя более не держу. Ступай.

Олесь Русланович кивнул ратникам, которые, как оказалось, маячили чуть в стороне, направился к пиршественному столу.

– Да тебя ныне и не узнать, Олег, – в самое ухо прошептала Верей. – Никак, ты с князем повздорил?

– Да кто я такой, чтобы с правителем Белозерского княжества спорить? – повернулся к ней Середин. – Так, нищий бездомный бродяга. А тебя тоже – не узнать.

На этот раз девушка была в тяжелом парчовом платье, украшенном множеством драгоценных камней. В таком наряде уже не побегаешь, на качелях не покачаешься.

– Сегодня день такой, – пожалала она плечами. – Скудный. И завтра такой же будет. А послезавтра и вовсе прощание с плакальщиками. И страшно жарко. Пойдем, ты поможешь мне раздеться.

* * *

В следующий раз Олесь Русланович пригласил к себе Середина только на третий день, незадолго до полудня. Верея, вновь облачившись в парчу, отправилась, как она выразилась, «смотреть на сопли и принимать невесту». Олег, которому с каждой ночью хотелось спать все сильнее и сильнее, зарылся в шкуры, но не успел он сомкнуть глаз, как кто-то затряс его за плечо:

– Вставай, ведун. Князь тебя ищет.

– Зачем? – высунул нос из-под теплого овечьего меха Середин и увидел над собой горбуна. – Это ты, Ослабля?

– Олесь Русланович не говорит мне, зачем ему кто-либо нужен, ведун. Просто велит разыскать.

Олег раздраженно сплюнул и стал натягивать жаркие войлочные шаровары.

Парадный зал замка больше всего походил на подвал старинного купеческого дома: толстые стены, высокие своды, неизменная прохлада, от которой одетый в одну шелковую рубашку ведун недовольно поежился. В таких местах во времена социализма обычно делали овощные склады, но здесь, в зловещем полумраке, пахло не сухой картошкой и морковной ботвой, а пчелиным воском и горячей копотью факелов. Вдоль стен толпились бородатые бояре в темных шубах, и только молодые придворные позволяли себе обходиться плотно облегающей тело ферязью, едва достигающей до колен. Впрочем, по цене украшенные самоцветами и мехами кафтаны вряд ли сильно уступали шубам.

Троном для Олесь Руслановича служило обычное кресло с резными подлокотниками и невысокой спинкой, поднятое на пьедестал в две ступени. В качестве символа власти по обе стороны трона возвышались ратники, в высоких полковничьих папахах и сплошь шитых золотом кафтанах. Один держал в руках массивную секиру на очень короткой рукояти, второй – шипастую палицу. Оружие украшали жемчуг и изумруды, и для боя оно явно не годилось.

Беремира сидела в точно таком же кресле – но стоящем на полу, без всяких возвышений.

– Здрав будь, ведун Олег, – вскинул подбородок князь и пригладил ухоженную николаевскую бородку.

– И тебе здоровья, княже. – Середин приложил правую руку к груди и слегка поклонился.

Олесь Русланович поднялся, тяжелой поступью сошел к гостю, застыл в шаге перед ним. Потом неожиданно скинул свою шубу, оставшись в зеленой ферязи, накинул ее на плечи Середина. Закинул руки за спину, глядя Олегу прямо в глаза. После короткой паузы тихо поинтересовался:

– Ты благодарить-то будешь, ведун?

– За шубу... – И тут Середин сообразил: – Василиск! Твои ратники сообщили, что он существовал, но исчез! Но как они смогли обернуться так быстро? Прошло всего пять дней...

– Есть разные военные хитрости, – улыбнулся довольный произведенным впечатлением хозяин. – Не все вам, колдунам, секреты хранить.

– Голуби... – прищурился Олег. – Быстрый и надежный способ доставки информации. Пять дней туда, выпустить голубя... Но тогда воины должны были заранее взять его с собой. Зачем такая спешка? Откуда такая честь, князь?

– Дочь у меня в путь отправляется с молодым мужем. Дочь любимая, а дороги ныне стали небезопасными. От татей лесных стража ее убережет, но как быть с колдунами да нечистой странной, что ныне вдоль дорог вертится? – Князь придвинулся ближе, говорил еле слышно,

только для гостя. – Волхвы наши на сурков похожи, от святилища ни ногой. Токмо обереги могут с собой передать да жертву богам за благополучие принести. Мало мне сего. Как я твою с купцом историю услышал, так сразу и решил: надобно тебя в охрану нанять, коли ты и вправду с василиском сечу выдюжил. Моему отцовскому сердцу от этого, ох, как спокойнее станет.

– Прости князь, – покачал головой Олег, – но я не пойду. Есть у меня очень важное дело к новгородскому волхву, вещему Аскору. Так что, за честь благодарю, но в Ростов не поеду. Это же совсем в другую сторону! Тем более что свита твоей дочери и так без малого армию напоминает. Наверняка половина гостей с ней отправится.

– И ты тоже.

– Нет, князь, не могу, – замотал головой Середин. – Мне действительно нужно в Новгород! От этого зависит... Очень много.

– Поедешь, – усмехнулся Олесь Русланович. – Ты помнишь, как сказывал мне, что от знахарского мастерства отрекаешься? Но тогда же ты молвил, что на дело ратное звать я тебя могу, пусть токмо нужда заставит. Вот я тебя и зову. Не знахарить, на службу воинскую. Али откажешься от своего слова?

– Вот... Ква! – выдохнул Олег. – Язык мой – враг мой.

– Пожалуй, – согласился князь, неспешно вернулся к трону и уже оттуда, с высоты княжеского стола спросил: – Повелеваю тебе, ведун Олег, завтра отправиться с дочерью моей, ныне супругой сына моего Игоря, князя Ростовского, в дорогу в град Ростов, дабы сберечь ее от лиходеев, чудищ неведомых, колдунов черных и злых помыслов человеческих. Клянешься ли ты исполнить повеление мое в точности и в меру всех сил и способностей своих?

– Чтобы я еще хоть раз, хоть что-нибудь пообещал... – пробормотал себе под нос Олег, а вслух громко и ясно произнес, коротко кивнув головой: – Довести в целости до Ростова – клянусь!

Покой путника

– Так, значит, это тебя Олесь Русланович жену мою охранять отправил? – услышал ведун, уже выводя свою гнедую из ворот, и с огромнейшим изумлением узнал в богато одетом собеседнике того самого азартного остроносого паренька, который вытащил его играть в «шапки».

– А ты тогда – князь Игорь Ростовский, получается? – У Середина от изумления отвисла челюсть.

– Он самый! – Новоявленный муж хлопнул ведуна по плечу и довольно захохотал. – Валах Поганый, воевода мой, забижается. Ты уж реши с ним, как стражу лучше нести, дабы честь и твою, и его не уронить.

Сказал – и оставил Олега наедине с бородатым мужиком в простой кожаной куртке с завязкой на плече и в железной шапке, обитой ко краю густым соболиным мехом.

– Так это твою шапку князь для игры мне давал? – узнал его Середин. – Надеюсь, я ее не помял?

– Шапка – шапка и есть, – пожал плечами воин. – Так, стало быть, тебе князь здешний повелел дочь свою уберечь? Хотя она уже жена наша, и отряд мой ратный службу при поезде нести будет?

– Сколько мечей?

– А хоть бы и сорок, тебе-то что? Мыслишь под руку свою принять?

– Наоборот. Думаю, что и без меня прекрасно обойдетесь, – покачал головой Середин. – Есть у меня, знаешь ли, Валах, один замечательный навык. Я нечистую силу всякую издавека чую. Может, и не за версту, но шагов за сто-двести почувствовать должен. Посему, наверное, мне есть смысл поехать с передовым отрядом. Если я чего нехорошее почувствую, то с темными силами и сглазами управлюсь. А до всего остального мне дела нет. Ты воевода – тебе и решать.

– То верно, – слегка успокоился бородач, кинул взгляд на навьюченную серединскую кобылку. – Велю тебе заводного коня дать. Нехорошо ратнику с сумами на одной спине сидеть.

– Может, и так, – не стал спорить Середин. – Тебе виднее. Ты ведь, Валах Поганый, – воевода. А я всегда одиночкой слоняюсь.

– Поганых я как-то хорошо у Клязмы подловил, – недовольно набычился воин. – Порубали не менее трех сотен, а своих всего десять полегло. Вот меня с тех пор победителем поганых и кличут. А получается, что просто – Поганым.

Ведун задумчиво кивнул, вспоминая: погаными, кажется, обобщенно звали всех грабителей-степняков, что ходили с набегами на русскую землю.

– Чего молчишь?

– Князь-то ваш какой молодой.

– Да, осиротел наш княжушка, – тяжело вздохнул воевода. – Отец его, Добрыня Святославович, из похода удачного на Муром возвратился, да чего-то с коликми в животе и слег. За три дня сгорел, что свеча.

– Да, – согласился Олег. – Такого наследства лучше и не получать, коли родительской жизнью за него платить приходится.

– Так уж уложено могучим Сварогом по сотворении мира. Не нам спорить с богами. А ты, ведун, коли с передовым отрядом выехать желаешь, то отправляйся. Велел я ратникам своим отправиться и за стенами у Вологодской дороги нас дожидаться. Тут сейчас дворян приданое грузить начнет, так не повернуться станет, я знаю. Коня тебе опосля пришлю. Поезжай, проверь дорогу.

Однако заводного коня Олегу воевода так и не прислал. Может, забыл. А может – просто не хватило.

Свадебный обоз выполз из ворот Белоозера только после полудня, когда Середин уже начал подумывать об обеде. Не менее двухсот всадников, причем многие женщины тоже сидели в седле, столько же тяжело нагруженных повозок, десятки выючных коней – видимо, везущих хрупкие предметы, которые от тряски могли попортиться. Ратники принялись ловить пасшихся под стенами лошадей, подниматься в седло, расхватывать составленные в пирамиду рогатины.

Олег верхом сел первым, потому как не поленился спутать кобылке ноги. Дождался, пока прочие воины соберутся вокруг него. К передовому отряду подъехал Валах:

– Заждались, молодцы? Ну, теперь точно пора. В путь! – И поскакал впереди всех по дороге. Он промчался метров триста и там перевел коня на медленный шаг.

– Мы больше не торопимся? – нагнал его Олег.

– А, ведун, – кивнул воевода. – Нет, мы и так скачем слишком быстро. Обозные повозки завсегда тащатся ленивее калики перехожего. Как бы не отстали.

– Кстати, Валах, – оглянулся на тянувшийся позади обоз ведун. – Ты сказывал, у тебя всего сорок мечей.

– Так и есть, – кивнул воевода Поганный. – Два десятка с нами, еще два позади идут. Остальные ратные – то гости да стража их. Посему об обозе особо и не пекусь. Мне главное – засеку вовремя заметить, коли кто воровским образом напасть замыслит. Дабы неожиданного налета не получилось. Ну, и ты смотри, ведун. Кабы морока кто не напустил, глаза не отвел.

– Не отведут, – пообещал Середин.

Он ехал первым. Простоволосый, в расстегнутой на груди косухе, открывающей красную переливчатую рубаху; на поясе болталась сабля, у задней луки седла – так, чтобы достать одним движением руки – щит с толстой стальной окантовкой. Чуть поотстав от него, покачивались в седлах ратники – все в кольчугах, в островерхих шлемах, на самых кончиках которых болтались красные кожаные кисточки. Длинные рогатины с тяжелыми наконечниками смотрели остриями в небо, а ветер весело играл с подвязанными под острой сталью разноцветными тряпочными и нитяными кисточками. В эти мгновения трудно было представить, что украшения эти роль имеют сугубо утилитарную: кровь впитывать, дабы по ратовищу не растеклась и скользким его не сделала.

Между тем, на голубом небе сияло теплое летнее солнце, шелестела листва на вытянувшихся вдоль дороги дубах, мягко опускались в утоптанную глину копыта.

Вологодский тракт был широким, хорошо накатанным – не то что устюжский путь. Да оно и не удивительно. Ведь воды Белого озера, лежащего почти рядом с Онегой, текли в далекое Каспийское море. А Вологда-река, находящаяся всего в полусотне верст от столицы Белоозерского княжества, – она текла в море Белое, на север. Чтобы попасть из одного близкого города в другой по воде, ладьи нужно тащить через волок. А при таком расстоянии уж проще товар сразу на подводу уложить и посуху довести. Что удивляло Середину – так это то, что в сам Ростов молодые на ладье не поплыли. Вроде Ростов где-то рядом с Волгой стоит – наверняка, и протока есть до самого города. Может, из-за коней? На Руси, как известно, воины пешими не ходят. И, учитывая количество приезжавших в Белоозеро ратников, всех нужных им лошадей ни на какую ладью не погрузить. Ни трюмов, ни палуб не хватит.

– Давай-ка ходу наддадим, ведун, – неожиданно предложил воевода, подъехав к Середину. Под легким бирюзово-синим плащом зловеще зашелестела кольчуга.

– Зачем?

– Место для ночлега выберем. Поезд у нас большой, места ему много надо. Просто так, где сумерки застанут, не остановишься. Мыслью я, верст десять обоз еще пройдет.

– Поехали, – согласился Олег, пнул пятками гнедую.

Малый отряд закованной в железо ростовской рати перешел на рысь.

Что было сказочно приятно на Вологодском тракте, так это густой ельник, вскоре обступивший путников по сторонам. Никаких тебе оврагов, никаких болот. Воздух сухой и свежий, пахнувший лечебной зубной пастой; дорога прочная, не чавкает водой, не покачивается под копытами, норовя утонуть в бездонных топях. Если и встречались ручьи – то чистые, прозрачные, весело струящиеся по песчаному дну. Единственную встреченную речку всадники преодолели с ходу, проскакав на рысях через брод и оставив висеть в воздухе радужное облако из поднятых копытами брызг. Потом, миновав сосновый бор, дорога вывернула к широкому лугу, раскинувшемуся на берегу озера.

– Пеньковское, – представил водоем воевода. – Хорошее место. Что скажешь, ведун?

– Хорошее... – Олег проехался по густой траве, остановился над застарелым кострищем. Все вокруг выглядело тихо и спокойно, крест оставался холодным, никаких признаков неестественности. Все было прекрасно... Слишком прекрасно. Даже как-то приторно прекрасно. – ...но мне не нравится, Валах.

– Почему? – подъехал к нему ближе ростовский воевода.

– Не то здесь что-то...

– Может, лешаки собрались? Колдун окрест поселился? Берегини ушли? Русалки в озере заскучали? Болотник завелся? – принялся требовательно расспрашивать Поганый.

– Да нету тут никого из злых сил, воевода, – мотнул головой Олег.

– Тогда почему?

– Не знаю, – пожал плечами Середин. – Предчувствие у меня нехорошее...

– Здесь, ведун, на три версты окрест более ни единой прогалины не найти, – нахмурился Валах. – Чтобы такое удобное место бросить, надобно повесомее опасность назвать.

– Слушай, воевода, – повысил голос Олег. – Ты моего мнения спросил? Я тебе ответил! Что ты теперь хочешь – врать меня заставить. Не нравится мне это место! А дальше сам думай. Хочешь – дальше поезжай, хочешь – стражу усиливай.

– Ладно, темная душа, – прыгнул на землю ростовчанин. – Будем считать, ты меня предупредил, я тебя не послушал. – Он повернулся к ратникам: – Слезай, ребята. Берите топоры, бегите в лес, дрова для костров готовьте. А коней мы с ведуном напоим.

К тому времени, когда на дороге показались первые повозки, вдоль берега было выложено несколько десятков длинных сухостоин – пилить, видимо, желающим предлагалось самим – и три высокие, в рост, кучи валежника. Обоз, выкатившись на поле, выстроился большой двойной подковой, открытой стороной прижатой к озеру. Слуги и стражники – поди разбери, все одеты почти одинаково – привычно стали распрягать повозки, ставить палатки, отгонять лошадей к лесу. Копытные, как известно, имеют дурную привычку ходить прямо под себя и ступать копытами куда придется – потому, хочешь не хочешь, а пасти их приходится в стороне от основного лагеря.

Впрочем, кони были не в обиде. Застоявшиеся в конюшнях, они вырывались в поле, словно пленники фашистских застенков на свободу – громко ржали, носились наперегонки, падали на землю и кувыркались в траве, помахивая в воздухе тонкими ногами. Насмотревшись на это зрелище, Середин, привычно спутавший ноги своей гнедой, решил было тоже отпустить ее порезвиться, но не успел:

– Я тебя, что, каждый раз искать должна? – остановилась рядом Верея, одетая теперь на татарский манер: тонкие шерстяные шаровары, полупрозрачная рубашка, войлочная, шитая серебряной нитью, курточка, платок из светлого шелка, который удерживался на голове темным ободком, украшенным тремя изумрудами, и закрывал лицо до самых глаз. – Али забыл, как палатка моя выглядит? И чего это ты тут шкуру расстелил? Скажи еще, тут спать собрался, меня мерзнуть в одиночестве решил бросить?

– А ты мне говорила, что тоже из Белоозера уезжаешь?! – попытался парировать Середин.

– Значит, – чуть не зашипела красавица, – ты думал, я остаюсь? Собрался уехать, даже не попрощавшись?

Она оглянулась по сторонам:

– Ну-ка, пойдем в палатку, там поговорим.

«В жизни не женюсь!» – подумал Олег, однако подчинился нахрапистой захватчице. Все-таки спать одному ему тоже не очень-то хотелось.

* * *

Испуганное конское ржание заставило Середина открыть глаза и приподняться на локтях. Рядом шевельнулась, подтянув на себя овечью шкуру, Верея, открыла глаза, и в глубине ее зрачков заплясали кроваво-красные язычки. Разумеется, это еще не значило, что ночной порой прекрасная любовница превращалась в порождение тьмы. Просто рядом с палаткой пылало сразу несколько костров; их жутковатый свет легко проходил сквозь парусину стен, наполняя помещение розовым полумраком, не дающим теней.

Лошади снова заржали, послышались тревожные крики. Олег рывком вскочил, откатился ко входу, лихорадочно натянул рубашку, штаны, опоясался саблей, сунул ноги в ботинки.

– Что происходит? – Огонь окрасил кожу усевшейся Вереи в красный цвет, отчего она стала походить на человека-саламандру.

– Никуда не ввязывайся, – потребовал Олег и выскочил наружу.

Люди поднимались от костров, выскакивали из палаток, непонимающе крутили головами. Света костров хватало только на то, чтобы дотянуться до выставленного оборонительной стеной обоза – дальше царил темнота.

– Стану не помолясь, выйду не благословясь, из избы не дверьми, из двора не воротами, мышью норой, собачьей тропой, окладным бревном, – на бегу начал читать заговор ведун, – выйду на широко поле, спущусь под круту гору, войду в темный лес. В лесу спит дед, в меха одет. Белки его укрывают, сойки его поят, кроты орешки приносят... – Середин нырнул под колеса, прокатился под телегой первого ряда, прополз под второй. – Проснись, дед, в меха одет. Дай мне хитрость лисью, силу медвежью, ловкость кунью, глаза кошачьи, уши волчьи...

Он вскочил, закрыл и открыл глаза. Впереди стали различимы человеческие фигуры, нагло седлающие его гнедую.

– Оставь лошадь! – рванул он саблю, подбегая ближе.

– Ты кто? Гнаться нужно! Не мешай! Не мешай! – вразнобой ответило сразу несколько голосов.

– Прочь от моей гнедой! Проклянута! – Олег, подбежав, огрел кого-то рукоятью сабли. – Вон пошли!

– Ведун, там тати... Коней угнали... Табун весь...

– Понял уже! – рыкнул Олег. – Пути на ногах размотайте!

Он быстро проверил, как натянуты подпруги, поднялся в седло, встал в стременах. Последние из ростовских коней еще скрывались на дороге, подгоняемые всадниками в темных халатах, – у исходящих паром сторожевых костров, на которых виднелись только слабые уга-сающие огоньки, металась в растерянности ратники, лежало несколько темных тел.

– Зараза! – сплюнул Середин. – Что, вообще лошадей не осталось?!

Похоже было, оставленные накануне на ногах гнедой пути не дали умчаться с угонщиками только ей.

– У воеводы есть... – вспомнил кто-то. – Воевода велел при нем коня оседланного оставить и дозор малый. На случай...

– Вижу! – Олег хлопнул ладонью по крупу гнедой, пнул ее пятками, посылая в сторону небольшого отряда,двигающегося вдоль леса. – Ей, Валах! Поганый! Чего ждете? Гнать угонщиков надо!

– Они сторожей оглушили, ведун. Костры залили, – слышался знакомый голос. – Куда ты торопишься? Выхлестаем все глаза в лесу в темноте-то. Поутру выслеживать поскачем...

– Какое поутру?! – возмутился Середин. – Рядом они еще. За мной! Вчера слушать не стали, так хоть сейчас мне поверьте!

– Темно...

– Кто не трус, за мной! – крикнул Олег, потянул левый повод, разворачивая гнедую к дороге, и погнал ее во весь опор. Вскоре тяжелый топот позади подсказал, что ростовские ратники решились-таки последовать его призыву. – За спиной у меня держитесь! И все путем будет...

Кошачье зрение куда бледнее человеческого. И цветов никаких не разобрать, и предметы как бы не в резкости, но его вполне хватает, чтобы углядеть впереди яму или колдобину, низкую ветку или поворот тропы. Буквально через несколько минут впереди стали различимы и скачущие всадники, с посвистом подгоняющие чужих лошадей. Как ни торопились ночные тати, а кони нести в темноте со всех ног не хотели. Они тоже берегли свои ноги и глаза.

Угонщики слышали топот, замечались – перекрывавший единственный проезжий путь табун не давал им возможности скрыться. Один из них, понадеявшись на темноту, спрыгнул с седла, шарахнулся в сторону, прижался к дереву. Середин, выдернув саблю, принял чуть вправо, на всем ходу рубанул его поперек спины и помчался дальше. В этот раз у него не дрогнуло ничего, даже в самой глубине души. Сказалась извечная ненависть честного человека к захребетникам, готовность любого нормального работяги без колебаний придавить мразь, едва только ее перестанет прикрывать теплое крыло Уголовного кодекса.

Внезапно конная масса резко замедлила ход и слегка расплзлась в стороны. Несчастный конокрад жалобно взвыл, оглянулся, слепо шурясь на дорогу, потом вспрыгнул в седле на ноги, шагнул вперед, словно надеясь перебежать живое препятствие по спинам, но уже на третьем коне потерял равновесие и ухнулся под копыта.

– Тпру!!! – предупреждая крикнул для ратников Середин, придержал скакуна, поднялся на стремянах, вглядываясь вдаль. – Воевода, они большую часть коней бросили, а десятка два угнать пытаются, пока мы тут застряли.

– Ну, так веди, коли видишь! – скомандовал Поганый и добавил уже для своих: – Лихай, Светозар, останьтесь. Отгоните табун обратно.

– И пусть конокрада подберут, – добавил Олег. – Он где-то здесь, под лошадьми валяется.

Опричник послал гнедую вперед, и та принялась послушно проталкиваться вперед. Медленно, слишком медленно.

– Уйдут... – скрипнул зубами Середин.

– Рассвет скоро, – отозвался Валах. – Ты их токмо сейчас далеко не упусти. А как солнышко выглянет, мы их враз переловим.

Они проталкивались через табун не менее получаса – но зато потом Середин вновь перешел в стремительный галоп, прижавшись к конской шее и внимательно вглядываясь в дорогу. Не могли конокрады черной ночью так же быстро скакать! И табун, пусть небольшой, гнать – работа не самая легкая.

Внезапно что-то изменилось... Олег остановил отряд, закрутил головой.

– Ты чего, ведун? – не понял воевода.

– Предчувствие у меня нехорошее, Валах, – пробормотал Середин.

– Пока ты тут чувствуешь, конокрады уйдут!

– Опять тебе мои предчувствия не нравятся, Поганый? – огрызнулся ведун. – Помолчи, дай разобраться...

Итак, что-то изменилось на дороге. Что-то важное, но не сильно бросающееся в глаза... Он развернул гнедую, медленно поехал назад и спустя сотню шагов увидел то, что искал:

– Смотрите: здесь трава вдоль тракта вытоптана, ветки у кустов и деревьев поломаны. А дальше – уже нет. Значит, повернули здесь тати куда-то... Ну-ка, тихо...

Коли конокрады повернули куда-то к тайному схрону, то затаиться должны были, чтобы убежище топотом и говором не выдать. Вот только не могут кони целым табуном бесшумно стоять...

– Ага... – Ведун услышал по правую сторону недовольное всхрапывание, спешил, прошел вдоль зарослей, подергивая ветки. И действительно – после одного из рывков молодая осинка повалилась на дорогу. Олег принялся торопливо расчищать поворот, замаскированный недавно срубленными деревьями, потом вернулся в седло.

– Погодь, – остановил его Валах. – Ужо светлеет небо-то. Сейчас рассветет, так сразу и вдарим.

– Тогда без меня, – покачал головой Середин. – После ночного зрения я поутру просто слепну минут на двадцать. Только мешаться стану.

– Ну и ладно, ведун, – кивнул Поганый. – Ты свое дело сделал, теперича не беспокойся. Мы тоже кое-что умеем...

Небо и вправду стало наливаться светом. Олег отъехал в сторону, закрыл глаза, дожидаясь неизбежного. Еще немного – и даже сквозь веки прямо в сердцевину мозга ударило ослепляющей болью.

– Ква, – пробормотал он, различив сквозь острую резь в голове лихой посвист, грозные крики: «Ростов!!!», лязг железа, крики боли.

Пара минут – и все стихло. Середин ждал. Ждал, борясь с любопытством и слыша, как рядом стучат по дороге копыта, похваляются славными ударами ратники, как кто-то громко и жалобно плачет. Наконец, веки из просто темных стали слегка розовыми. Это означало, что глаза снова научились различать цвета, и ведун рискнул, прищурясь, оглядеться вокруг.

Дело, разумеется, было уже закончено. Пара довольных собой всадников, бодро подпрыгивая в седлах, отгоняла освобожденных коней назад по дороге; возле ведуна, тыкаясь мордой ему в коленку, топталась незнакомая оседланная лошадь, а у ближайшей сосны два других ратника деловито пытались перебросить веревку через толстый высокий сук. Плакал шкет лет пятнадцати, в драной полотняной рубахе, темно-синих шароварах, с босыми окровавленными ногами и связанными за спиной руками.

– Не буду я больше, дяденьки... Не надо... Не убили ведь мы никого... Не надо, миленькие... Именем Сварога-деда прошу...

– Деда не позорь, – огрел его плетью Валах.

Мальчишка вздрогнул и заплакал еще горше.

– Чего вы собираетесь сделать? – подъехал к ратникам Олег.

– А-а, оклемался, ведун, – обрадовался Поганый. – Однако же ты молодец. Кабы не ты, хоть тридцать коней, а увели бы тати. Ты, помнится, коня заводного просил? Так ты вот этого возьми, мы у конокрадов забрали. Ну, служивые, шевелись! Надоел он мне уже.

– Не надо, дяденьки... – Мальчишка шмыгал носом, из которого текли жидкие сопли. – Я больше не буду-у-у-у...

– Так чего ты сделать с ним хочешь, Валах? – Глупого щенка Середину было жалко.

– Да как обычно, – пожал плечами воевода. – Во-он, на сосне, хорошее место. Издалека видать. Его ведь, отродье кощеево, даже в неволю не продать. Враз хозяина обкрадет, а с купца спрос за обман. А коли сказать, где взяли, никто и не купит. Хоть ты кривич, хоть хазарин, хоть болгарин – а с татем плененным никто связываться не захочет.

– Я честным стану, дяденьки... Ничего чужого... Макошей клянусь, никогда.

– Это точно, никогда, – подтвердил воевода. – Потому, как честную жизнь сызмальства начинать надобно. А коли не вышло, так веревка подправит.

Ратные наконец смогли перебросить аркан, развернули на конце петлю; один из воинов деловито набросил ее конокраду на шею, другой поехал вдоль дороги, зацепив свободный конец за луку седла. В считанные секунды невезучий сопляк взмыл на высоту метров семи над дорогой, размахивая ногами, словно куда-то торопливо бежал. Конный замотал конец за толстую березу, затянул узел потуже.

– Поехали, – удовлетворенно кивнул Валах.

– А этого, – кивнул на все еще дергающегося конокрада Середин. – Может, хоть веревку забрать? Хорошая ведь.

– Пусть висит, – махнул рукой Поганый, трогая коня. – Коли тати вдоль дороги висят, так и путнику покойнее. Видит, что догляд за путями есть. А как погниет да рассыплется – зверь лесной косточки растащит, и душа в лесу неприкаянной бродить останется, к жилью не пойдет.

– Так ведь вонять станет, – предпринял последнее усилие отдать хоть какое-то уважение казненному преступнику Олег. – Может, как помрет, снять да спалить его в сторонке?

– Как можно?! – даже возмутился воевода. – Чтобы душу его шкодливую жаворонки в царство Мары отнесли? Ужель ты предков наших так не уважаешь, что хочешь татя вместе с ними навечно поселить. Не-ет, пусть тут маятся. А мы уж как-нибудь потерпим. Наш срок маленький, управимся как-нибудь.

– А почему маятся? – вздохнул Середин, поняв, что дело маленького конокрада окончательно проиграно. К тому же, неспешной рысью они успели отъехать довольно далеко, и возвращаться было лениво. В конце концов, маленький тать крал по-взрослому, по-взрослому и ответил. Уж коли его растили и воспитывали как будущего вора, то уж лучше позаботиться о других. О тех, кого всего одна крепкая веревка уберегла от будущих грабежей, а может быть, и от смерти. – Чего ему маяться? Ему уже все равно...

– Как-то странно ты говоришь, ведун, – с немалым удивлением почесал железную шапку Валах. – Всем ведь известно: коли тризну достойную воину не справить, на огне душу к небесам не вознести, то в царство Мары ему не попасть, родителей и друзей никогда более не увидеть. А посему забытые в краях далеких али в землю закопанные мертвецы долго лежать не могут. Души их от одиночества и тоски звереют, даже самые добрые на людей живых, что достойно не упокоили, злобу начинают копить. А после и мстить, коли кто из рода человеческого вблизи окажется. И упаси Стрибог нас на место путников этих попасть.

– Вот оно, значит, как... – пробормотал Середин. Про такие подробности он никогда не слышал. Теперь ему становилось понятно, почему в христианской церкви умерших положено хоронить только в освященной земле и обязательно много и долго молиться за упокой их душ. Коли слова воеводы верны, достаточно чуть-чуть не доглядеть, и станут бродить по земле зловещие мертвецы, полные злобы и ненависти.

На поляне у озера вернувшихся победителей встретили приветственными криками. Юный князь даже счел возможным подойти и лично обнять сперва Валаха Поганого, а потом и Середину.

– Молодец, ведун, – похлопал Игорь Ростовский его по плечам. – Не хватает у меня в дружине таких богатырей, ох не хватает! А, Олег? Ты подумай, ведун. Я правитель пока еще юный, а потому щедрый и умею слушать советы доверенных людей... Подумай.

Князь отступил, запахнулся в байковый шерстяной плащ, взмахнул рукой:

– По коням, бояре!

Пока небольшой отряд преследовал конокрадов, слуги успели запрячь освобожденных коней, собрать лагерь, и свадебному поезду оставалось только тронуться в путь. Это означало, что расхваленные победители остались без завтрака.

– Что грустишь, Олег? – подъехала Верея, по-прежнему облаченная в татарский наряд, но ради прохлады раннего утра накинувшая на плечи подбитую мехом епанчу. – За добро свое беспокоишься? Так я велела его вместе со своим навьючить.

– Спасибо, прекраснейшая из женщин.

– Ты становишься слишком известен, Олег, – рассмеялась девушка, положив свою ладонь ему на руку. – Пожалуй, отныне я поеду с тобой рядом. Как бы не увели...

Впрочем, на протяжении всего двенадцатидневного пути более никаких неожиданностей не случилось. Если, конечно, не считать таковой двухдневную пьянку в обнесенной деревянной стеной Вологде, где осталась часть гостей, потом праздник в Ярославле – сперва перед переправой через Волгу, потом после переправы. С каждым встреченным крупным селением, с каждым наезженным перекрестком число гостей становилось все меньше, и к Ростову добрались не более половины выехавшего из Белоозера поезда. Забылся к тому времени и подвиг ведуна Олега. Во всяком случае, князь Игорь после праздника по случаю возвращения с молодой женой, тепло поблагодарив Середина и отдарившись охапкой соболей, разговора о службе более не заводил.

Впрочем, Олег от подобного пренебрежения сильно не загоревал. Он слишком привык видеть каждый вечер и каждое утро светло-светло-голубые глаза; ощущать, просыпаясь, на своей груди совсем не тяжелую голову Вереи, вдыхать можжевельново-солончатый аромат ее волос, чувствовать перед сном прикосновение ее губ.

– Мне нужно скакать дальше, – с коварной улыбкой сказала она. – Без хозяйского догляда хозяйство – сирота. Жатва скоро, а я, почитай, месяц в отлучке... Неужели ты бросишь в одиночестве слабую женщину на наших темных дорогах?

И Середин, отложив Аскуру на потом, снова поднялся в седло.

Семя дракона

– А странно все-таки, – усмехнулся Середин, вытянувшись на овечьих шкурах во весь рост. – Сколько я?.. Пять дней на свадьбе гулял, потом еще полмесяца катал молодых, потом у них в Ростове приезд праздновал. А невесту так ни разу и не увидел. Даже имени не знаю.

– Ну, ты дерзок, ведун... – Верея склонилась над ним, почти касаясь его груди обнаженными сосками. – Как ты смеешь при мне спрашивать о других женщинах?

– Виноват, чудесная моя, – закинул Олег руки ей за шею и с силой привлек к себе, перекатился, подмяв подругу под себя. – Тебе доказать, что я не думаю ни о ком другом?

– Да, и немедленно. – Верея прикрыла глаза и подставила губы для поцелуя...

Вот уже второй день они стояли на поляне возле дороги, чуть в стороне от небольшой деревеньки Бахтино, у излучины какой-то безымянной лесной речушки. Или, точнее, вторую ночь – поскольку день прошел пока еще только один. Пятеро ратников и две девицы, составлявшие свиту боярыни, сносили ее каприз безропотно, наливая вино, готовя еду, разводя по ночам горячие костры. На Верею словно нашел приступ ненасытности, она почти не давала Олегу спать ночью и не выпускала из палатки днем. И в этот раз тоже, едва Середин расслабился, доказав еще раз свои чувства, едва провалился в сон – как нежные поцелуи снова вернули его обратно в этот земной, но необычайно приятный мир, побудили унести вместе с Вереей в сказочный рай. А когда он попытался укрыться в царство шишиморы – хозяйки беспокойных снов и всяких постельных странностей – его снова вытянули назад и снова потребовали доказательств.

– Откуда ты такой взялся? – спросила она, когда стенок палатки коснулись первые утренние лучи.

– Ты не поверишь, – закинул Олег руки за голову, – но я сам толком не понял.

– Как же хорошо с тобой... – покачала Верея головой. – Удивительно хорошо. Одеваться не хочется, вставать, куда-то ехать... Так бы всю жизнь в твоих объятиях и провела...

Она уселась, громко хлопнула в ладоши:

– Павла! Одеваться неси! И вели мужикам, чтобы в дорогу собирались.

– Пора, значит, – перекатился к своей одежде Олег и торопливо натянул штаны. Шастать голым перед служанками ему все-таки не нравилось.

Потом спустился к реке, ополоснулся холодной водой, избавляясь от ощущения ирреальности происходящего.

– Ква-ква три раза. Мне нужно выспаться. Выспаться хоть одну ночь.

Он встал на колени, опустил голову в воду, немного ею покрутил, потом хорошенько потряхнул, разбрызгивая воду, и поднялся обратно на берег.

Боярская свита уже успела собрать палатку. Хмурый ратник запихивал в объемную суму мятые овечьи шкуры, девки крутились вокруг Вереи, что-то поправляя в ее прическе. На этот раз девушка снова облачилась в парчу, опоясалась наборным поясом из янтаря и яшмы со свисающим с него небольшим ножом и мягкой сумкой.

Олег еще раз потряхнул головой, потом натянул рубашку, подобрал свой ремень.

– Поезжайте, – распорядилась Верея, взмахнув рукой. – Я вас догоню.

Молчаливые, как призраки, ее слуги поднялись в седла, прихватили заводных лошадей, неторопливой рысью поскакали в сторону дороги. Середин проводил их взглядом, потом посмотрел на своих лошадей. Они так и стояли неоседланными и ненавьюченными.

– Слуги совсем обленились, – усмехнулась девушка. – Помоги мне сесть.

Середин подошел в упор, положил ладони ей на пояс, чуть наклонился вперед. Их губы слегка соприкоснулись – Олег ощутил горячее дыхание. Потом он напрягся и подсадил боярыню в седло. Боком – только так она и могла сидеть в своем драгоценном наряде.

– Моя усадьба совсем рядом, Олег, – подобрала поводья Верей и легонько хлопнула своего коня по крупу, посылая его вперед. – Она в Колпи, стоит над самым родником. Очень удобно, когда оказываешься в осаде.

Скаун пошел широким шагом, но девушка легким прикосновением направила его по кругу, кружась около Середина, словно акула перед броском.

– Ты очень хорош, Олег. Даже больше чем хорош, – с легкой улыбкой сказала она. – И я очень рада буду увидеть тебя на праздниках, на которые меня будут приглашать. Даже больше, чем увидеть. Но только в усадьбе моей тебя заметить не должны. Ты сам обязан понимать, Олег. Я – боярыня, хозяйка полновластная земель многих, дочь бояр именитых, из рода Словеновского. А ты – обычный ведун, бродяга бездомный. Негоже нам вместе быть. Одно дело – на веселье побаловать по-молодому. Другое – в дом мужчину привести. И запомни, коли сын у меня родится, то не твой он будет, а мой и токмо мой, у Сварога и Дидилии вымоленный. И думать о чем-либо забудь! Прощай, Олег. Я благодарна за тебя веселому Лелию... Но прощай. Моя усадьба называется Колпь, и даже случайно ты не должен забредать в ее окрестности. Прощай!

Она снова огрела ладонью своего коня, но на этот раз со всей силы, и стремительным галопом унеслась за излучину реки.

– Вот, зараза, – не без восхищения сказал ей вслед Олег. – Не женщина, а удав. Выдавила до капли – и даже спасибо не сказала! Нет, не хотел бы я оказаться среди ее дворни...

Пожалуй, что-то вроде обиды он все-таки испытал. Но ее внезапная выходка самодовольной боярыни чудесным образом развязала ему руки. Он обладал двумя лошадьми, небольшим припасом, деньгами для дороги. Но самое главное – не имел никаких обязательств. В этот раз болтливый язычок оказался диво как на замке.

– И все равно зараза, – так же беззлобно повторил Олег, разделся, сбежал по берегу и ухнулся в воду. Немного освежившись, он собрал в дорогу лошадей, оделся сам, поднялся верхом и повернул в противоположную от усадьбы Колпь сторону.

Для человека, привыкшего ежедневно принимать душ с утра и после работы, довольно трудно находиться в пути куда как больше полумесяца. Особенно, когда даже искупаться удастся только через три дня на третий, а переодеться и вовсе невозможно. Но теперь он был свободен, как весенняя птица, и мог делать то, что заблагорассудится, не подчиняясь нуждам пути или потребностям всякого рода бояр, воевод и князей.

Миновав Бахтино на рысях, на ближайшем распутье он повернул направо и часа за два добрался до очередной деревеньки. Причем достаточно большой – дворов десять, не менее. Решив, что от усадьбы вероломной любовницы он уехал уже достаточно далеко, Середин выбрал двор побогаче – с забранными слюдой окнами, резным крыльцом, тремя сараями, с высоким, прикрытым деревянной крышкой, стогом за изгородью и новеньким овином на огороде, – спешился, постучал, зажав кистень в кулаке, в ворота. Вскоре скрипнула дверь, на крыльцо вышел морщинистый, но еще крепкий с виду старик с тоненькой седой бородой, одетый, как и положено простому мужику, в полотняные рубаху и штаны.

– Чего надобно, калика перехожий? – с хрипотцой спросил он. – У нас ныне не до песен.

– Я калика? – изумленно приподнял брови Середин. – Ты чего, отец? Шутишь так хитро? Старик перевел взгляд с гостя на коней за его спиной, испуганно вздрогнул:

– Ой, прости, богатырь. Годы мои не те, и глаза не те стали.

– Чего там, деда Буня? – следом за ним выглянула женщина лет тридцати, вся распаренная, в кожаном фартуке и с засученными на рубашке рукавами. Заметила Олега, кивнула: – Здрав будь, мил человек.

– И вам всего доброго, – кивнул Середин. – Что это за селение такое?

– Ключниково соседи кличут. Никак, ищешь кого?

– Да вот хотел бы поесть сытно. Мяса жареного, хлебушка свежего. Капустки там, грибов соленых. В баньку бы сходить хотел, да чтобы тряпье мое кто-нибудь постирал. Поспать бы хотел. От души поспать, дня три.

– Тебе тут, что, мил человек, – опешила от подобной наглости женщина, – постоянный двор, что ли?

– А я думал, серебро не только на постоянных дворах любят, – усмехнулся Середин и выложил на перила крыльца приготовленную монету.

– Мало, – моментально отреагировал старик. – За три дня три деньги с тебя спрошу.

– Деда! – укоризненно воскликнула женщина.

– Ты, хозяин, – наклонился вперед Олег, – гостя-то сперва напои, накорми, баньку стопи да спать уложи. А уж потом остатки и спрашивай.

И он подвинул монету к старику.

– Ты ворота-то отвори, Любава, – сказал дед Буня, сграбастывая серебро. – Коней прими у человека. В погреб сбегай да за водой для бани. Горницу освободи.

Женщина, оправив платок, спустилась с крыльца, чем-то загрохотала. Одна из створок поползла в сторону.

– Мяса я могу токмо тушеного из погреба принести, – со вздохом сообщила она, забирая поводья. – Но есть щи, горячие, сегодняшние. В печи еще. А баня...

– Не все сразу, Любавушка, – остановил ее Олег. – Я сейчас переоденусь, одежду старую отдам, а сам на сеновал пойду. Забыл уже, когда в последний раз высыпался. Как проснусь, так об остальном и поговорим. Сеновал-то есть у вас?

– Знамо есть, мил человек, – кивнула женщина. – За домом, над хлевом мы его сделали.

– А зовут меня Олегом, – добавил Середин. – Впрочем, неважно.

Он отошел за угол, скинул грязную одежду и, развязав суму с последней чистой рубашкой, накинул ее сразу и вместо верха, и вместо низа – благо она была до колен. Снятое отдал Любаве, а потом, найдя хлев, забрался по приставной лестнице под крышу и глубоко зарылся в ароматное сено.

* * *

Проснулся ведун от плавного нагревания привязанного к запястью креста. Рука привычно скользнула к рукояти сабли – но тут что-то зашевелилось в носу, Олег чихнул и открыл глаза. Прямо перед ним стоял очень низенький, мохнатый человечек в полотняной курточке, но без штанов, с остроконечными ушами и большими круглыми глазами.

– Вставай, надоел, – сказал человечек и юркнул в сено, растворившись, как и не было.

Середин сладко потянулся, передернул плечами, выглянул наружу. Солнце, похоже, только-только перевалило зенит. По двору под лестницей бродили курицы, на натянутой к ближнему сараю веревке болталась его одежда, начиная с джинсов и заканчивая трусами. Хлопнула дверь. Любава, с подоткнутой юбкой, торопливо пересекла двор, взяла бадью с водой, повернула обратно.

– Хозяйка, – окликнул ее Олег, выбираясь на лестницу. – Что-то я смотрю, и пары часов не проспал, а живот подвело – сил нет.

Женщина уронила бадью на землю и принялась хохотать. Да так заливисто, что ведун и сам невольно улыбнулся.

– Ой, уморил, мил человек, два часа... Как тебя, Олегом кличут? Ровно день и ночь ты проспал, да еще с избытком.

– Зато хорошо высыпался, – суровым тоном отрезал Середин.

– И то верно, – утерла слезы хозяйка. – И одежда твоя, почитай, высохла. И баня готова. Токмо затопить осталось... Ой, уморил. Дед как в воду глядел. Погодь, говорил, не затапливай. Пущай поперва проснется. Так и не дождались, спать пошли все.

– Кормить будут? – остановил ее излишняя Олег.

– А как же, гость дорогой. – Любава, окончательно успокоившись, вновь взялась за бадью. – Каша есть с кабанчиком тушеным, мясная. Репа пареная, вестимо. Щи остались. А насчет мяса жареного муж спросить велел. Можно курочку ощипать, можно баранчика зарезать. Чего лучше?

– Курицу, – стал решительно спускаться Середин. – А пиво есть?

– Мед хмельной. Сейчас, огонь в бане разведу и принесу...

Спустя четыре часа Олег, распаренный после бани, сытый и слегка пьяный, блаженно сидел на лавочке, подставляя свое розовое чистое тело вечернему солнцу. Рядом стояла кадка с жидковатым хмельным медом и плавающим внутри ковшом. Только человек двадцатого века способен понять, какое это наслаждение: протопленная березовыми дровами банька, влажный квасной пар, а потом – полный покой, чистый воздух, легкий ветерок, никаких звуков, кроме пения птиц и целое ведро пиво, которое можно черпать ковшом, как нефть из моря после аварии супертанкера.

– Эй, мил человек! – услышал он голос Любавы. – Курица твоя поспела. Ты в горницу пойдешь, али туда отнесть?

Середин, блаженно улыбнувшись, ткнул пальцем в лавку рядом с собой.

Сегодня он парился в бане один, один пил пиво и один собирался ужинать. Но и в этом, оказывается, тоже имелось свое особое удовольствие.

* * *

Новый день начался с пения петухов. На этот раз ведун не только услышал этих голосистых птиц, но и подпрыгнул от неожиданности, мгновенно растеряв сон.

– Вот ведь где нечистая сила! – пробормотал он, выбираясь с сеновала. – И почему его мой крест не чует?

Солнце еще только поднималось, а из трубы дома уже вовсю валил дым, на дворе незнакомый мужчина запрягал лошадь, из сарая опять же незнакомая девица выгоняла пухлых, как воздушные шарик, овец. Следом вышли две коровы, пара коз с целым выводком белых с черными отметинами малышей.

– А, постоялец наш, – кивнул мужчина. – А я уж думал, что и не свидимся с тобой ни разу.

– У вас, что, василиски в округе завелись? – сонно тряхнул головой Олег.

– Нет, откуда? – не понял крестьянин.

– Тогда почему вы всех петухов не расстреливаете при рождении?!

– Как скажешь, гость дорогой, – рассмеялся мужик. – Скажу Любаве, чтобы сегодня петушка для тебя зажарила. Супружница она моя. А я – Мирослав Рыжий.

– А почему Рыжий? – Волосы мужика были совершенно русые.

– Не знаю, – пожал плечами тот. – В детстве, сказывали, сотворил с головою что-то.

– Значит, это ты здесь за хозяина? – стал спускаться во двор Олег.

– Да как же... – запнулся крестьянин. – Деда Буня за хозяина. Как я могу при живом отце?

Из дома вышли двое ребят, лет этак двенадцати и четырнадцати, с деревянными вилами в руках – обычная палка, только расщеплена на конце на пять зубцов, разведенных в стороны. Они чинно поклонились ведуну, покидали вилы в телегу:

– Поехали, батя?

– Вот, – словно оправдываясь, указал на сыновей Мирослав, – мысля я до полудня пару стожков с залужья привезти, пока дождей нет. Аккурат до зажинок обернемся.

– До чего?

– Праздник у нас сегодня, гость дорогой. Зажинки. Волхв картамазовский сказывал: Семаргла спрашивал, Триглаву спрашивал, Марцану спрашивал, луговых и полевых спрашивал. Семь хлебов искрошил, семь платков раздарил. Все молвили: сегодня зажинать надобно. Пора.

Мужики попрыгали в телегу. Девушка скинула длинную жердь затвора, отворила ворота. Телега выехала, и следом она погнала скотину.

Тем временем в деревне начиналась веселая работа – со всех дворов хозяева вытаскивали столы, выставляя их прямо на дороге, накрывали скатертями, выносили деревянные блюда с пирогами, миски с медом, глиняные горшочки с соленьями, кувшины, крынки.

– Тебя сейчас потчевать, гостюшка, али зажинок подождешь? – окликнула Олега Любава.

– Подожду, – кивнул Середин, заинтересовавшись происходящим.

Стол наполнялся угощениями, ребята в расшитых красными нитями косоворотках начали выносить скамьи.

Наконец к дому деда Буни с грохотом подкатилась телега, нагруженная сеном так, что торчащие наверху вилы сравнялись с печной трубой. Ребята принялись разгружать повозку, а Мирослав, переодевшись в синюю с красным шитьем рубаху, выбежал на улицу и помчался вдоль дороги, на ходу опоясываясь украшенным бляшками ремнем.

Прошло еще немного времени, и наконец со стороны поля показалась торжественная процессия: двое могучих мужиков несли на плечах носилки, еще несколько суетились вокруг, обмахивая их длинными кленовыми ветками, прикрывая от солнца, отгоняя мух и комаров и вообще совершая множество ненужных и непонятных суетливых движений. Те мужики, что шли позади, постоянно кланялись, молитвенно складывали руки перед собой.

Ведун, старательно вглядываясь, все никак не мог понять, что же это за личность, к которой относятся с таким пиететом? До тех пор, пока процессия не вошла в деревню. И только здесь Середин разглядел:

– Да это же сноп хлеба! Ну, да, естественно. Зажинки – первый сноп.

Вся деревня высыпала навстречу носилкам, низко кланяясь, толпясь вокруг. Седобородый старик с высокой клюкой громко провозгласил:

– Добро пожаловать, гость дорогой, гость долгожданный. Садись к столу, отведай угощения нашего.

Сноп торжественно сняли с носилок, усадили в самое настоящее кресло во главе стола. Девушки в расшитых сарафанах, с цветастыми платками на плечах, с длинными косами, в которые были вплетены яркие ленты, стали, низко кланяясь, выкладывая на серебряную тарелку перед виновником торжества всякую снедь, в высокий оловянный кубок налили вина. Прочие крестьяне кланялись на все стороны и громко провозглашали:

– Радуйтесь, люди добрые, радуйтесь травы и деревья, лешие и берегини, боги и колдуны, радуйтесь! Счастье для нас общее, радость великая! Хлебушек добрый в гости к нам пожаловал, за стол с нами поместился.

Крест у запястья стал потихоньку нагреваться, да и понятно почему: трава по сторонам у дороги начала шевелиться. То тут, то там глаз ведуна замечал торчащие во все стороны лохмы, круглые глаза, мохнатые плечи. Племя низкоросликов ждали расставленные вдоль дороги миски с молоком, кусочки пирогов, блинов, капуста, а кое-где – и ковши с хмельным медом. Похоже, праздник первого снопа, первого хлеба был воистину общим: и для людей, и для нелюди, и для помощников по хозяйству, и для любителей повредничать.

Люди начали рассаживаться за столы. Олег тоже нашел себе место среди мужиков, снял с пояса ложку и зачерпнул из ближнего горшка немного симпатичных маленьких грибов.

– Пусть будет хлебушку тепло и уютно в амбарах наших, пусть не оставляет он наши столы ни зимой студеной, ни летом жарким, ни осенью богатой, ни весной-красой!

Это больше походило на тост, поэтому Середин, следуя общему примеру, налил себе вина в деревянный корец, выпил. Закусил грибами, налил еще.

– Ты откель будешь, путник? – негромко поинтересовался у него сосед.

– Ну-у... – прикинул Олег. – Коли с самого начала брать, то, допустим, из Новгорода.

– Как же тебя к нам занесло? – поразились ближайшие крестьяне.

– Долгая история, – пожал Середин плечами. – Сперва в Белоозеро купца одного проводил, оттуда в Ростов с князем тамошним съездил, а сюда и вовсе из-за головной боли попал.

– А правду сказывали, что летом нынешним князя в Царьград за данью ходили?

– Вряд ли, – Олег выпил вина. – Свадьба была у дочери князя Белозерского с ростовским князем.

– Так ведь женат Ольгердович!

– Нет больше Ольгердовича, – вздохнул Середин. – Умер от чего-то, на аппендицит похожего. Князь Игорь ныне в Ростове на столе.

– А ратников Булислава и Вamuна не видал? Тут три года назад четверо парней наших за легким серебром подались. Двое к колдунье здешней, боярыне Колпской, а двое – в Ростов к князю ушли.

– Нет, имен таких не помню.

– Про сечу под Муромом не слыхал? Слух дошел, муромские с хазарами о прошлый год схлестнулись...

Неожиданно для себя Середин оказался в центре внимания, став неожиданной связью деревни с «большим» миром. Он время от времени промачивал горло вином и пытался отвечать на вопросы о том, про что слышал на свадьбе и в дороге, отмалчивался по поводу того, о чем не слыхал, перечислял новых правителей разных княжеств, чьи имена звучали в Белоозере, развеивал странные слухи про якобы бродящую по Руси темень, про черный мор в Ярославле и Вологде, а заодно и в Коростеле – наверняка ведь вранье, как и про все остальное. Мужики отстали от него только тогда, когда бабы вынесли на стол блюда с горячим мясом, и снова подняли ковши.

Олег взялся за один из истекающих густым соусом ломтей, надкусил...

– От, елки зеленые, какое пресное... – Он оглядел стол: – Любава! Пойдем в дом, дай мне несколько плошек.

В деревянные мисочки ведун щедрой рукой отсыпал соль с перцем – когда еще крестьяне такое дорогое угощение попробуют?

– На стол отнеси. Только гляди, одну рядом со мной поставь!

Сам пошел следом, уселся на свое место, густо посолил мясо, впился в него зубами.

– Ну вот, теперь другое дело!

Во главе стола новым угощением тут же посыпали капусту для хлебного снопа, мгновение спустя мохнатая ручка стащила блюдо куда-то вниз. Ведун усмехнулся: судя по тому, что нелюдь совершенно не опасалась собравшихся крестьян, она была местной: всякого рода баечники, овинники, домовые, кутные, спорыньи и спехи, дремы и отети, окомы, прокураты, шишиги, кикиморы и шишиморы. Местные и хорошо прикормленные. Да оно и понятно, в большом хозяйстве далеко не всегда со всем управиться успеваешь. Тут, глядишь, маленькие ручки и пригодятся. Где пошालят, а где и помогут – с детьми побалуется, о беде упредят.

– Ты сам-то кем будешь? – опять подсели к Олегу мужики. – На купца не похож, больно товару мало при тебе, да и расторговаться не пытаешься. На богатыря – тоже. Нет при тебе ни рогатины, ни брони, ни шлема крепкого. Для варяга речь больно гладкая. А уж за калику перехожего тебя токмо дед Буня сослепу принять мог.

– Можно сказать, и варяг, – пожал плечами Середин. – Тоже за серебро нанимаюсь работой ратной заниматься. Да только вороги мои таковы, что за броней от них не спрячешься. Ведун я. Знаю понемногу и дело воинское, и колдовское. А занимаюсь тем, что нечисть всякую истребляю, коли досаждают сильно начинает. Ночницы, оборотни, водяные, рохли, болотники не балуют? А то могу и проредить за малую плату.

– Да балуют, конечно, – переглянулись мужики. – Да токмо не так чтобы сильно. Им где хлебушка положишь, где косточку закопаешь – особо и не шалят. Не надобно их трогать, пусть живут.

– Знаю, – неожиданно наклонился вперед крестьянин с курчавой рыжей бородой, в которой запуталось множество мелких крошек и блестели капельки мясного сока. – В Юромку ему идти надобно. Там, сказывают, твари неведомые прямо по улицам шастают. Мужики в темноте со двора вовсе выходить боятся, бани топить перестали, хлеб в овинах не кладут. Точно говорю, ведун, туда тебе надобно идти! Коли избавишь их от напасти, скинутся тебе на серебро, сколько хочешь дадут.

– А ты давно там был, Ядвига? – осадил его Мирослав. – Что баешь не знамо что!

– Да точно сказываю! Намедни офеня из Муромы уходил, он тама ночевал, в Юромке. Страху, сказывал, натерпелся, с первым светом ушел. Лица на нем не было, ушел дальше, даже водицы не испил.

– Да, может, ему просто парни тамошние по шеем наклали, дабы девок не лапал, а ты и уши развесил!

– А ты...

Спор разгорался сам по себе, уже не имея к Олегу никакого отношения. Ведун поднялся из-за стола, отошел к околице, за которой, на свежескошенном лугу, девки уже завели хоровод. Трое ребят подыгрывали им на свирелях и свистульках, остальные стояли поодаль, приглядываясь к красавицам. В кустах можжевельника, выросших прямо у изгороди, слышалось активное шевеление, сопровождаемое теплым пульсированием на запястье. Середин понял, что птичье пение, удивительным образом совпадающее с мелодией, получается не просто так, не само по себе. Похоже, общий праздник продолжался.

– Интересно, как собираются участвовать все эти шишиги, когда ребята разойдутся парочками? – пробормотал он. Но проверять не стал: после разлуки с Вереей встречаться с кем-нибудь еще ему больше не хотелось.

Олег вернулся к столу, уселся на свободное место рядом со снопом, налил вина и кивнул хлебным колосьям:

– Будь здоров, расти большой.

Потом потянулся за мясом. В конце концов, единственное, чего он хотел в этой деревне – так это хоть пару дней спокойно отъесться, да выспаться с запасом. Потому как в последние три недели ему всего этого сильно не доставало.

* * *

Новый день встретил ведун пустым и молчаливым двором. Даже куры почему-то предпочли гулять за воротами, на пыльной дороге, выклеывая что-то из потоптанной травы. Ополоснувшись у колодца, он вошел в дом, кивнул Любаве:

– День добрый.

– Здрав будь, ведун Олег. Курица твоя уже запеклась, можешь за стол садиться. А мне, прости, в поле надобно собираться, мужиков кормить. Жатва. Теперича до самых дожинок роздыха никому не станет.

– С собой заверни. – Середин выложил на стол две монеты: – Вот деньги по уговору, а мне пора. Засиделся я тут у вас, заотдыхался.

– Да, слыхала. – Женщина выставила на стол большую кубышку, оплетенную лыком, добавила сухо зашелестевший мешочек. – Вот, гостинец для сестры моей, Милославы. Мед, орехи лесные да горшок телятины тушеной. Ты, сказывали, в Юромку собираешься? Так у меня там сестра замужем. За Оскаром Тихоней. Передай, сделай милость.

– В Юромку? – изумился Олег. – С чего ты взяла?

– Дык, все мужики вчерась толковали, что ты в Юромку отправляешься, нечисть тамошнюю изводить. Сделай милость, гостинец прихвати.

– Вот это ква, – дернул головой ведун. – Сам молчал, так добры люди постарались. Не собирался я ни в какую Юромку ехать, Любава. Мне в Новгород надобно, к вешему Аскоруну с вопросом важным.

– Не поедешь? – В голосе хозяйки прозвучало такое разочарование, что Олег чуть зубами не закрипел.

– А далеко хоть до Юромки вашей?

– Верст двадцать по дороге далее.

– То есть километров сорок, – сделал простенький перевод ведун. – А до Новгорода тысячи полторы, если со всеми поворотами. Ладно, хозяйка, для бешеной собаки сто верст не крюк. Давай свои гостинцы.

Обрадованная женщина не только подарила гостю лишний холщовый мешок, в который уложила свою передачу, но и помогла взнуздать и навьючить коней.

– Вестей от Милославы, почитай, года полтора нет никаких, – торопливо говорила она. – Передай, беспокоюсь я. Сестра, дескать, беспокоится. Пусть хоть какую весточку через прохожих передает. Али отпишет, как живет. А лучше, пусть с детишками да мужем в гости приезжает. Недалече живем ведь. Так и передай. А я за тебя вечор Стрибогу жертву принесу, дабы путь был легким. Прощевай, путник.

Хозяйка пошла открывать ворота.

– И ты прощай, Любава. Пусть годы твои будут длинными, а смерть легкой... – Олег и сам не уразумел, как вырвались у него эти слова, но, произнеся, понял: так и будет. Он закинул повод заводного коня на луку седла и пнул пятками свою гнедую, указывая ей выезжать на дорогу. – Мир этому дому до скончания века...

Дороги в здешних местах были просто прелесть: вроде и проселок еле накатанный, а ни луж, ни болот, ни низин влажных, ни оврагов темных. Скачи и скачи, оставляя за собой частую цепочку из пыльных облачков. Леса вокруг стояли большей частью березовые. Видать, пожар лесной когда-то прошелся, огромные просторы опустошил. Но иногда воздух начинал пахнуть смолой, приторной сухой чистотой – и по сторонам вырастали стройные сосновые стволы.

Озер, правда, Олег так и не встретил, да и ручьев проточных здесь почти не имелось. Видать, и те, и другие жить без вязей не хотели. Иначе говоря, любишь в озерах купаться – люби и комаров болотных кормить.

Отчаявшись найти красивое местечко, часа через три пути Середин остановился на солнечной опушке, ослабил скакунам подпруги, пустил их немного попасть на сочной зеленой траве, сам достал еще теплую курицу, развернул пропитавшиеся жиром лопухи, подкрепился, запивая угощение обнаруженным рядом с ним едким квасом из столь любимой на Руси репы. Потом собрался и двинулся дальше.

Лес постепенно менялся. Все так же светило солнце, все так же шелестели на ветру серебристые березовые листочки. Однако ведун никак не мог отделаться от ощущения, что мир вокруг становится иным. Не таким привычным, как раньше. Темнее, что ли... Середин, чувствуя, как в душе нарастает неприятное предчувствие, невольно проверил, на месте ли кистень, легко ли сдергивается притороченный сзади щит и вынимается сабля.

Дорога сузилась, березняк сменился густым, как стена, ельником, который тут же разошелся в стороны, открывая взору желтые от спелого хлеба поля. Стала видна и деревня впе-

реди: крытые ярко-желтой соломой избы, длинные изгороди в три жерди, пасущиеся чуть в стороне коровы и церковь. Самая настоящая церковь: два крытых дранкой шатра, один над средней частью, другой чуть далее, поднятые над ними желтые кресты, выпирающее вперед крыльцо с двускатным навесом, одетый в черную рясу поп на нем и стоящие в пыли на коленях крестьяне, которые низко кланялись по команде священника.

– Понятно... – придержал коней Олег. – Похоже, здесь тоже празднуют зажинки. С весельем мне в последнее время везет.

К тому времени, когда он неспешным шагом въехал в селение, молящиеся уже разошлись. Со дворов стали слышны стуки, позвякивание железа.

– Можно подумать, туземцы собираются на войну, – пробормотал Середин, постучал в ворота крайнего дома: – Эй, хозяева! Не подскажите, Оскар Тихоня и жена его Милослава где живут?

– Не Оскар, язычник, и не Милослава, – недружелюбно отозвались со двора, – а Георгий во Христе и супруга его София. Второй дом по этой же стороне.

– Приятно было перемолвиться, – кивнул воротам Олег. – Однако же, как все запущено... Он доехал до следующего дома, снова постучал:

– Не здесь ли обитает некая София, у которой есть сестра Любава в деревне Ключниково?

Спустя минуту калитка отворилась, на улицу выглянула женщина в темно-сером, словно выцветшем, платье, таком же переднике, темном, завязанном узлом под подбородком платке:

– Кого ищешь, путник?

– Женщину ищу, – спешился Середин. – Ту, что когда-то вышла замуж за некоего Оскара Тихоню и которая оставила в ближней деревне сестру Любаву, что замужем за добрым мужем Мирославом.

– Так это я, мил человек. А мужа моего ныне Георгием зовут, так пред Богом крестился.

– Хочу я гостинец тебе от сестры передать. Беспокоится она за тебя. Вестей давно нет. Хочет знать, как живешь, все ли в порядке. Просит весточку с оказией передать. Письмо. Ты ведь грамотная?

– А как же, – пожала плечами женщина. – Волхв нас всех учил...

Она запнулась, испуганно закрыла рот ладонью. Потом торопливо перекрестилась.

– Сейчас, суму сниму, – сказал Середин, но тут, отодвигая женщину, на улицу высунулся крестьянин со впалыми щеками и длинной, черной, узкой бородой.

– Чего тебе надо, бродяга? На нашей земле язычникам бродить не след! Ступай, откуда пришел, пока цел.

Олег, глядя в его горящие глаза, вздохнул, согнул левую руку в локте и принялся неспешно отвязывать эластичный бинт. Затем протянул вперед руку с лежащим на запястье серебряным крестом.

– Никак, христианин? – изумился мужик. – А ну, перекрестись!

– Креститься я не стану, – принялся привязывать крест обратно Олег, – потому как веру свою ношу в своем сердце и выставлять ее напоказ не привык...

«И самое смешное, – мысленно добавил ведун, – что каждое из произнесенных слов – истинная правда».

Мужик немного поколебался, потом кивнул жене:

– Отвори ворота. Пусть путник отдохнет с дороги, перекусит, чем бог послал.

Двор дома походил на маленькую крепость: со всех сторон огороженный сараями, он начисто закрывал происходящее внутри от посторонних глаз. Между строениями имелись только две узкие щели, закрытые короткой жердяной изгородью и калиткой, и две широкие, перекрываемые воротами на обе стороны. Вообще-то, в Ключниково дворы выглядели точно так же, но вот там ощущения враждебности окружающему миру почему-то не возникало.

«Сваливать надо», – подумал Олег, привыкший доверять своим предчувствиям. Тем более – нехорошим. Он торопливо отвязал мешок с передачей, протянул Софье:

– Вот, возьми. Это тебе.

– Спасибо. Как она?

– Двое сыновей уже большие, дочку видел, тоже уже взрослую. Мирослав выглядит бодро, сама она тоже здорова.

– Ты не стой на дворе, мил человек. В дом проходи.

– Благодарю, хозяйюшка, но ехать мне нужно.

– И думать не смей! – Женщина, отодвинув гостя в сторону, принялась расстегивать подпруги. – Куда ехать? Стемнеет уже скоро. А в темноте у нас, бесовским побуждением, нехорошее творится...

Она широко перекрестилась, поклонилась в сторону церкви, после чего решительно стащила седло. Середин, покорно разведя руками, принялся снимать с заводного скакуна вьюки.

В доме, в правом дальнем углу, висела небольшая иконка в медном окладе, перед ней горела лампада. Вдоль стен тянулись узкие скамьи, стол стоял перед ними. В общем, все как всегда. Почти. Олег медленно провел взглядом по помещению и наконец понял, что вызывает у него ощущение странности: дети! Шести-семилетние малыши не бегали, не визжали и не играли, а просто сидели рядком на скамейке, ожидающе глядя на собранную из нескольких досок столешницу.

– Значит, сказываешь, – вышел откуда-то из-за спины хозяин, – ты видел эту несчастную язычницу, ее сестру? Как ты смог-то войти в этот нечестивый дом, христианин?

– Через дверь, – сухо ответил Середин. – А что?

– Но ведь они язычники! Они поклоняются идолам!

– Я вижу тут у тебя одну странную картинку, – повернулся к иконе ведун. – Разве ты молишься не ей?

– Я молюсь не ей, я молюсь Господу, которого она олицетворяет!

– Так ведь они тоже молятся богам, которых олицетворяют истуканы.

– Но не Господу! Они молятся языческим богам!

– Разве тебе не говорили, что Бог един, Георгий? – с деланным удивлением приподнял брови Олег.

– Бог един, – перекрестился крестьянин, – и имя ему Иисус Христос. А они молятся языческим богам.

– Если Бог един, – вздохнул ведун, – то молиться другим богам невозможно. Можно молиться тому же Богу, но под другим именем. Если ты считаешь, что язычники молятся другим богам, то это значит, что Бог не один. Ты уж выбери что-нибудь одно. Или ты молишься сразу всем – или поклоняешься единственному всеобъемлющему духу.

Крестьянин замолк надолго, переваривая услышанное, но вывод сделал совершенно неожиданный:

– Тебе нужно поговорить с отцом Никоном, путник. Он объяснит тебе, в чем ты не прав.

По счастью, Софья внесла в комнату отчаянно пыхавший паром горшок, и спор утих сам собой. На первое у хозяев была распаренная репа, на второе – рубленая капуста с солеными грибами, на третье – уже знакомый Олегу квас из все той же репы. Набив брюхо травой, дети чинно вышли, стали забираться на печь. Отец их опустил на колени перед иконой, благодаря бога за милость и сытный ужин. Софья, отнеся посуду, опустилась рядом.

– Пойду-ка я на сеновал, – задумчиво произнес Олег. – Не хочу вас здесь стеснять.

– Ты не хочешь помолиться с нами, путник? – оглянулся на него Георгий.

– Нет, – покачал головой Середин. – Бог в моем сердце. Я не нуждаюсь в картинках, домах и прочих идолах.

– Но сеновал на улице... – попыталась встать Софья, однако муж положил руку ей на плечо:

– Все в руках Божьих...

Сеновал в хозяйстве сих ревностных христиан находился тоже в хлеву. Под самой крышей, поверх жердей, что составляли потолок над чавкающей внизу скотиной – какой именно, в темноте было не разглядеть. Ворота хлева выходили во двор, поскольку к нему примыкала торцевая стена. Но вот само строение выпирало далеко в огород, и, чтобы забраться наверх, пришлось выйти через калитку к приставной лестнице.

Впрочем, ведуна это особо не смутило. Он зарылся поглубже в сено, поднял воротник косухи, чтобы стебли не лезли за шиворот, и расстегнул ремень, положив поясной набор рядом с собой, на расстоянии вытянутой руки. Закрыв глаза.

Увы, сон не шел. Похоже, отсыпаясь в гостеприимном доме Любавы, Олег все-таки изрядно переборщил, отдохнув не только за прошлое, но и на несколько дней вперед. Где-то далеко, наполняя ночь мерным однообразным звуком, орали лягушки; совсем рядом шуршали мыши, внизу шумно посапывали коровы. И звук этот для Середина, обычно мгновенно отключавшегося, едва голова касалась подушки, ныне казался оглушительно громким.

Внезапно скотина шарахнулась из стороны в сторону, тревожно замычала. Послышались чьи-то мелкие торопливые шажки, неожиданно затихли мыши. Затем кто-то скребнулся в наружную стену сарая, протяжно зашуршал, громко грохнулся о запертую калитку, заковылял в обратном направлении. Скрипнула приставная лестница, пару раз дернулась, стуча о дверцу, затихла. Тук-тук-тук-тук-тук – отозвались жерди короткой загородки.

– Да что это за ква? – Нашупав ремень, Олег застегнул его у себя на поясе, поднялся, на четвереньках подполз к чердачному окну, выглянул наружу.

В свете яркого полумесяца он увидел человеческую фигуру, медленно пробиравшуюся вдоль стены дома к углу.

– Эй, мужик, ты кто? – окликнул его ведун.

Фигура замерла, потом медленно повернулась. Желтый свет луны старательно обрисовал темные провалы глаз, блестящие зубы безгубого рта, лохмотья на неправдоподобно тощем теле, белые костяшки вместо сапог.

– Ква, – сглотнул Олег. – Мужик, давай считать, что я тебя не окликал?

Фигура, оттолкнувшись от дома, торопливо заковыляла к хлеву, вцепилась в лестницу, полезла наверх. Середин, упершись ногой в верхнюю ступеньку, с силой ее оттолкнул – и лестница вместе с уродом ухнулась на землю. Монстр, недовольно похрюкивая, вылез из-под нее и вместо того, чтобы поставить обратно, побрел к дому, принялся шкрябать ногтями по стене, словно пытаясь забраться.

Олег торопливо отполз от края, потряс левой рукой, поднес запястье к уху. Ничего. Проклятый крест не нагревался ни на градус!

– Что, боярин тебе, техника святая! – полушепотом выругался он, снова выглянул наружу.

Странная тварь все еще ковыляла туда-сюда под лазом на сеновал.

– Да-а, туповат ты, братец, изрядно, коли даже лестницами пользоваться не умеешь, – сделал вывод ведун. – Неужели это ты наводишь столько страха на богомольных туземцев? Не стыдно?

Монстр недовольно заурчал. И тут Середин увидел, как через огород ковыляет к хлеву еще одно чудище. Впрочем, какая разница? Если они все равно не способны забраться наверх, то почему бы просто не пойти и не лечь спать?

– Поспишь тут с вами, уродами, – уже вслух пробормотал Олег.

Просто лечь спать он не мог. И не столько потому, что твари всю ночь станут бродить вокруг, шаркая по стенам, сколько потому, что он был ведуном. И старый Ворон целых шесть лет учил его истреблять нечисть, а не прятаться от нее.

– Ладно, – повел плечами Середин. – Коли они не нагревают крест и являются тварями естественными, то на них хватит обычной сабли. А если нечисть – то против серебряного кистеня им никак не устоять. И-эх, где наша не пропадала!

Со всей силы оттолкнувшись от края сеновала, он прыгнул чудищу за спину, сгруппировался и, чтобы не гасить удар силой ног, а заодно выиграть лишнее расстояние перед схваткой, пару раз перекувыркнулся, тут же вскочил на ноги и выхватил клинок.

– «Аз есмь», уродина. Иди сюда!

Чудовище, широко расставив руки, зашагало к нему, странно ухая на ходу. Олег, разминая руку, пару раз разрезал саблей воздух, потом сделал шаг навстречу, сливая взмах руки с поворотом тела, рубанул странного противника по шее. Голова чуть подскочила, откинулась влево – однако монстр продолжал двигаться вперед.

– Ну, какой же ты неугомонный!

Два быстрых взмаха – руки поотлетали в стороны, еще два сильных удара – у монстра подломились ноги. Туловище упало и затихло, однако отсеченные конечности продолжали судорожно подергиваться. К счастью, никакого вреда они теперь причинить не могли.

– Эй, приятель, иди сюда! – уже более спокойно позвал Середин второго монстра, быстро расчленил его на составляющие, вытер саблю о траву, вернул в ножны. Огляделся. Если не считать скребущихся по земле пальцев и сгибающихся и разгибающихся ног, то все вокруг стало тихо и спокойно. – Вот теперь можно и поспать с чистой совестью.

Олег приставил лестницу к окошку, забрался на сеновал. Немного подумал, а потом затащил ее за собой следом.

* * *

– А-а-а-а!!!

От истошного женского вопля Олег вскочил на ноги, ударившись головой о стропила сарая, и заметался из стороны в сторону, ища выход. Далеко не сразу он разглядел светлый прямоугольник лаза и спрыгнул вниз.

– Что случилось?

Хозяйка дома замолчала. Но не потому, что успокоилась, – просто у нее в легких кончился воздух, и теперь она могла лишь мелко икать. Женщина странно подергивалась и тыкала пальцем себе под ноги.

При свете дня останки ночных монстров выглядели еще мерзопакостнее, нежели в сумерках. Полуразложившаяся плоть, выпирающие наружу костяшки, истекающие какой-то жижей черепа. Олег обнял Софью за плечи, увел ее во двор и плеснул в лицо водой из первой попавшейся бадьи. Она всхлипнула и начала дышать.

– Что случилось? – выскочил из дома ее муж.

– У вас по ночам такие твари шляются, друг мой, – криво усмехнулся Середин, – что никто и не поверит. Поэтому, наверное, никого и не принято о них предупреждать. Верно, Георгий?

Вместо ответа мужик ушел за хлев, а когда вернулся, лицо его стало заметно блее.

– Это нужно поскорее убрать!

– Согласен, – кивнул Олег. – Но если ты думаешь, что этим стану заниматься я, то глубоко ошибаешься.

– У нас жатва! Я должен ехать в поле.

– А меня здесь и вовсе нет, – отрезал Середин. – Я тут вообще ночевать не собирался. Так что всем до свидания. И передавайте от меня привет прочим ночным гулякам.

Он отворил двери сарая, вывел свою гнедую и заводного коня, принялся сперва навьючивать второго.

– Я туда не пойду... – тихо заскулила Софья.

Хозяин сплюнул, ушел в дом и, вернувшись с лопатой, отправился за хлев.

Олег, управившись с конем, начал седлать гнедую. А в голове все продолжало крутиться воспоминание о быстротечной ночной схватке. Ожившие полусгнившие мертвецы... Откуда они могли тут взяться?

– А где вы справляете тризну по умершим? – поднял он глаза на женщину.

– Мы не... – замотала та головой. – Мы хороним... По христианскому обычаю...

– Где?

– З-за храмом... Н-на кладбище...

– Ну-ка, последи за конями. – Надев гнедой удила, Олег кинул поводья Софье и быстрым шагом вышел на улицу.

Несмотря на ранний час, ворота церкви были открыты. Но Середин предпочел обойти дом чуждой ему религии стороной и ступил на поросший высокой травой луг, на котором то тут, то там возвышались деревянные кресты. Пока еще немного – византийская вера еще совсем недавно смогла закрепиться на этой земле. Середин наугад направился к первому попавшемуся захоронению, опустился на колени, ткнул рукой в землю. Рыхлая. Он отбежал к другому, воткнул палец. Тот не встретив никакого сопротивления, погрузился в грунт. К третьему – и там тоже земля оказалась рыхлой.

– Да что же такое? – недоуменно закрутился он. – Тут, что, эпидемия среди покойников?

Ведун прикрыл глаза, пытаясь осмыслить увиденное. И так, в деревне, похоже, оживают мертвецы. Причем все! Ну, днем они ходить не могут, Белбог и Сварог такого не допустят никогда. Но вот богиня ночи Среча с Чернобогом дружна, и при них эти «шалости» только приветствуются. И все же, все же... Мертвецы не должны вставать из могил. Никак не должны. Что же здесь не так?

Олег покрутил левой рукой, поднес запястье к уху. Крестик холодный. По его мнению, все вокруг нормально. Ведун присел, еще раз опустил руку на землю. Ничего особенного, земля как земля. И тут его осенило: земля! Она обычная! Освященная земля всегда противится прикосновению колдуна, становится горячей, теплой, колючей – но только не остается никакой!

– Ах ты, сволочь! – вскочил он и кинулся в церковь.

Священник зажигал иконы перед большим распятием, установленным перед самым алтарем. Иконостас в храме был бедненький – всего две иконы, да и те блеклые. Еще какой-то образ висел на стене, справа от алтаря.

– Чего тебе, сын мой? – обернулся служитель Божий. Попик был молодой, лет двадцати, гладко выбритый, что в последние дни Середин встречал довольно редко. – Чего тебе с-сы...

Подойдя вплотную, Олег резко наклонил голову, и его лоб врезался попу в переносицу. Тот хрюкнул, отпрянул назад, но тут же сложился в обратную сторону от сильного удара в солнечное сплетение.

– Ты чего же, гад, делаешь? – От удара по голове клубок слетел на пол. – Ты чего творишь, сволочь?!

Поп, полусогнувшись и петляя, кинулся к выходу, вывалился в уличную пыль, жалобно прохрипел:

– Помогите...

– Помогите? – Ведун присел рядом и еще раз впечатал свой кулак в ненавистную харю. – Ты почему, сволочь, умерших в неосвященную землю кладешь?! А?

– Пути Господни... Воля Его...

– Что-о? Это Бог тебе велел людей в землю зарывать? Это Бог тебе велел души их неувоенными оставлять? Ах ты, говнюк мерзкий...

От нового удара поп ткнулся лицом в землю и с неожиданной силой закричал:

– На помощь, люди! Язычники на храм Господний руку поднимают!

– На храм?! – Середин рванул попику вверх, да так что ноги его заболтались в воздухе. – Это в храме ты паскудство такое творишь?

– Ты чего делаешь, язычник? А ну, оставь отца Никона! Оставь говорю!

Олег увидел краем глаза подбегающего крупного мужика, отшвырнул в сторону свою жертву, вырвал саблю из ножен. Крестьянин резко затормозил, попятился, закрутил головой, отбежал к ближней изгороди, принялся торопливо раскачивать кол. Между тем уже и из других дворов появились люди, причем многие прихватили с собой косы, топоры, лопаты.

– Ну, что, собрались, защитники? – окинул их взглядом ведун. – Торопитесь к мертвецам бродячим присоединиться? Нравится так жить? Нравится жить с упырями на улице? Вы хоть подумали, чему молитесь, люди?! Вы хоть знаете, что это такое? – указал он на крест, поднимающийся в небо с шатра церкви. – Символу смерти вы молитесь. Символу смерти и страданий. Потому и живете так, со смертью в одной деревне. Счастья захотели с новым богом обрести? А ну, – пнул он ногой лежащего попа, – кто сказал: «Не думайте, что я пришел принести мир на землю; не мир пришел я принести, но меч»?

– Это Матфей, – ошарашенно распахнул свои голубые глаза священник. – Глава десятая, стих тридцать четвертый. Ты знаешь Священное писание, дикарь?

– Вот такая вас жизнь и ждет, смерды. В вечной войне, а не в покое и радости. А ну, поп, кто сказал: «И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную»?

– Матфей, девятнадцать, двадцать девять, – прошептал священник разбитыми губами, поднимаясь с земли.

– Вот это вы, мужики, уже сделали. Отцов и матерей своих забыли, предков опозорили. Предали землю родную, деда своего Сварога на символ смерти променяли. По делам и награда!

– Ты будешь проклят, дикарь, – обретя равновесие, попик ощутил и уверенность в себе. – Ты будешь гореть в геенне огненной. Ибо «Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладязя бездны. Она отворила кладязь бездны, и вышел дым из кладязя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладязя. И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы. И сказано было ей, чтобы не делала вреда траве земной, и никакой зелени, и никакому дереву, а только одним людям, которые не имеют печати Божией на челах своих. И дано ей не убивать их, а только мучить пять месяцев; и мучение от нее подобно мучению от скорпиона, когда ужалит человека. В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них!».

– Я знаю Откровение, – кивнул Олег. – Знаю, что уж в мастерстве пыток, убийств, истязаний и угроз вы всех прочих на две головы переросли. Но уж коли так, то и я тебе подарок свой оставляю...

Ведун отошел к крыльцу церкви, несколькими ударами сабли оттесал от опорного столба горсть щепок. Потом, отойдя к могилам, срезал с вытянувшегося там побега осины ветку, ножом отсек от нее пять палочек. Вернулся на дорогу, одной из сухих щепок сгреб с дороги впитавшую кровь священника пыль. Посмотрел византийцу в глаза, улыбнулся. Потом чиркнул зажигалкой и поднес огонь к сложенным в кучку щепкам. Они полыхнули мгновенно, словно только и дожидались такого случая. Олег выбрал одну из осиновых палочек, внес ее в огонь, четко и разборчиво зашептал:

– Я мщу за причинённое людям зло, насылаю разлад, неудачу и проклятие на головы врагов, да будут они прокляты и наказаны.

Когда кора на веточке стала заметно обугливаться, Олег вынул ее из огня, зажал в левом кулаке, сунул в пламя другую.

– Как смеешь ты чародействовать в присутствии слуги Божьего?! – хрипло воскликнул священник, оглянувшись на крестьян.

Те молчали, зачарованно смотря на творимое колдовство.

Опалив кровавым огнем все пять палочек, Олег отошел к церкви, захлопнул ее дверь, а потом воткнул первую веточку между дверью и косяком:

– Да будет проклят живущий здесь, – вторую с другой стороны: – Да будет проклят враг человеческий. – Третью: – Да будет проклят несущий зло...

Последнюю, пятую палочку ведун приткнул сверху, намертво запечатав проход своим заклитием. Потом отошел к попу:

– Ты уж прости меня, парень, за горячность, – похлопал Олег его по плечу. – Возможно, ты всего лишь баран и клинический идиот и оставлял людей без упокоения и отпевания без всякого злого умысла. Если не было злобы, проклятие, возможно, не станет причинять тебе ответного зла.

– Они были язычниками... – сухим голосом прошептал византиец.

– Значит, все-таки специально, – кивнул ведун. – Ты посеял семя дракона, священник. Брошенные без упокоения люди, кем бы они ни были, постепенно начинают пропитываться злом и несут это зло во все стороны. А по нашим, русским законам зло имеет привычку всегда, ты слышишь, – всегда возвращаться к тому, кто его сотворил. Ты молись, молись своему Богу смерти, византиец. А вдруг ему удастся тебя спасти?

Середин двинулся вперед, прямо на толпу все еще сжимающих косы и топоры мужиков, но те торопливо раздались в стороны.

– Мое проклятие падет на того, – вскинул руки Олег, – на того, кто первым войдет в эту дверь!

Не оборачиваясь, он дошел до двора крестьянина Георгия, вывел своих лошадей, сел верхом и устремился прочь.

Это называлось мчаться куда глаза глядят. Возвращаться на прежнюю дорогу, проезжая при этом мимо церкви, Середину не хотелось, а потому он поскакал вперед, надеясь, что «кривая вывезет». До Новгорода далеко, а на Руси все дороги ведут именно к нему. Отвернет влево на ближнем росохе, да и поскачет наконец к вешему Аскору. К дому родному, к телевизору, водке и горячему душу, прочь от бань, пирогов с вязигой, бродячих зомби и хороводов.

Дорога по-прежнему шла сухая, чистая, через опрятные лиственные леса. Ехать через такие – одно удовольствие. Около полудня Олег наткнулся на брод с широкой поляной перед ним и, пользуясь случаем, сделал привал. Пустил коней пощипать травку, сам развел огонь на месте усыпанного углями кострища, сварил немного гречневой каши с сушеным мясом и изрядным количеством перченой соли. Отдых вылился в двухчасовую остановку – но зато далее Середин двинулся с плотно набитым животиком. Примерно через час ведун проехал через крупную, дворов пятнадцати, деревню. Над нею, на холме, возвышалась свежесрубленная часовня, а потому Олег, поморщившись, проехал селение насквозь, пустив коней широкой рысью, затем промчался мимо полей, на которых люди целыми семьями торопливо жали хлеб.

Снова начался лес, красный от огромного количества рябины. Буйство красок навело Середину на нехорошие размышления, намекая на близкую осень.

– А там, глядишь, и снег пойдет, – вслух пробормотал он. – Зимой бездомному хреново. Закругляться нужно с этой историей.

Словно насмехаясь, дорога резко повернула вправо, прочь от далекого северного города, поднявшегося на перепутье всех дорог, начала петлять вдоль неширокой речушки и уже перед

самыми сумерками опять вышла в поля. Ведун поторопил лошадей и вскоре подъехал к небольшой, в три дома, деревеньке. Чуть поодаль стояла маленькая, немногим выше человеческого роста, часовенка, за ней – полдюжину вкопанных в землю деревянных крестов. Олег сразу повернул туда, спешился, приложил руку к земле. Она с готовностью впилась в ладонь множеством крохотных иголок, и Середин облегченно вздохнул: земля освящена. Значит, здесь никаких бед ждать не стоит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.